

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

КАФЕДРА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ПЕРЕВОДА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

к юбилею

**доктора филологических наук,
профессора Ирины Борисовны РУБЕРТ**

Под редакцией Е.А. Нильсен, И.В. Кононовой

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

2021

ББК 81
А43

А43 **Актуальные** проблемы современной лингвистики : сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ирины Борисовны Руберт / под ред. Е.А. Нильсен, И.В. Кононовой. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2021. — 169 с.

ISBN 978-5-7310-5285-6

В сборнике научных статей рассматриваются актуальные вопросы терминоведения, дискурсологии, прагмалингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики и лингводидактики. Анализируются жанры медийного, сетевого и художественного дискурса, рассматриваются проблемы категоризации действительности в языковом сознании и тексте, обсуждается лингвокультурная специфика коммуникативного поведения.

Адресуется специалистам в области дискурсивной и коммуникативной лингвистики, а также широкому кругу исследователей, интересующихся вопросами изучения текста и дискурса.

The collected papers deal with the problems of terminology, discourse studies, pragmalinguistics, text linguistics, cognitive linguistics and linguodidactics. The authors analyze genres of media, fiction and social network discourse, problems of categorization of reality in language and text, linguistic and cultural specifics of communicative behaviour.

It addresses specialists in discursive and communicative linguistics, as well as a wide range of researchers interested in the study of text and discourse.

ББК 81

Редакционная коллегия: д-р филол. наук, проф. *Е.А. Нильсен*
д-р филол. наук, доц. *И.В. Кононова*

Рецензенты: д-р филол. наук, профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного университета *Е.Ю. Ильинова*
д-р филол. наук, профессор кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью СПбГЭУ *Е.Ю. Кармалова*

ISBN 978-5-7310-5285-6

© СПбГЭУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Раздел 1

НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

<i>Александрова О.В.</i> Изменение терминологии в условиях новой языковой парадигмы	7
<i>Кочетова Л.А.</i> Диахронические трансформации текста: содержательный и формальный аспекты	12
<i>Кривонос А.Д.</i> К проблеме анализа текстов современной медиасистемы	19
<i>Третьякова Т.П.</i> Некоторые современные тенденции лингвистического анализа категории вежливости	24
<i>Шумков А.А.</i> Категория вида в русском и английском языках: формально-логический подход	32

Раздел 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА И ТЕОРИИ ДИСКУРСА

<i>Арутюнян Э.Б.</i> К вопросу о названии романа В. Вульф «Волны»	46
<i>Барташова О.А., Полякова С.Е.</i> Лингвистические средства реализации эмоционально-прагматической установки в политической предвыборной риторике	52
<i>Дашевская А.И.</i> Социолингвистические характеристики англоязычных пользователей сети Твиттер	58
<i>Киселёва С.В., Смирнова А.А.</i> Чат-боты: лингвистические особенности PR-инструмента в брендинге	66
<i>Кононова И.В., Гунькова Д.Е.</i> Провокативная самопрезентация в дискурсе американского политического радиокомментатора	76
<i>Тимралиева Ю.Г.</i> Градация как прием прагматического фокусирования в поэтическом тексте (на примере немецкой литературы)	87

Раздел 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ

<i>Антонова К.Н.</i> Индивидуально-авторский концепт 'ЭПОХА' в романе Дж. Барнса «Шум времени»	94
<i>Миронова М.Ю.</i> Семантика цвета в инвестиционной терминологии	102
<i>Нильсен Е.А., Ефремова М.П.</i> Компонент INTERNAL концепта INTERNAL SECURITY	111
<i>Пруцких А.А., Пруцких Т.А.</i> Чай как ценность в китайской лингвокультуре	122
<i>Трофимова Н.А.</i> Урбанонимы в языке городского пространства (на примере г. Гамбург)	129

Раздел 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕНЕДЖМЕНТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

<i>Генидзе Н.К.</i> Взаимодействие работодателей и университета: опыт сотрудничества и перспективы	138
<i>Гуль Н.В.</i> К вопросу о профессиональном стандарте при коллаборативном обучении студентов-лингвистов	145
<i>Капитонова М.А.</i> Роль текста в лингвистической подготовке переводчиков	152
<i>Набирухина А.В.</i> Обучение установлению взаимопонимания в процессе межкультурного контакта на занятиях по иностранному языку	157
Сведения об авторах	167

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник научных трудов посвящен юбилею доктора филологических наук, профессора Ирины Борисовна Руберт.

Ирина Борисовна родилась и выросла в Санкт-Петербурге, в 1985 году окончила факультет иностранных языков Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена (с 1991 г. РГПУ им. А.И. Герцена) и с 1985 по 1987 гг. работала учителем в средней общеобразовательной школе № 525 с углубленным изучением английского языка Московского района г. Ленинграда. В 1987 году Ирина Борисовна поступила в аспирантуру при кафедре английской филологии ЛГПИ им. А.И. Герцена. Годы учебы в аспирантуре стали важным этапом в творческом становлении Ирины Борисовны. Большое влияние на ее формирование как ученого и педагога оказала Ирина Владимировна Арнольд, ученый с мировым именем, создатель научной школы стилистики декодирования, выдающийся отечественный специалист в области теории текста. В 1991 г. И.Б. Руберт защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Типологические характеристики английских малоформатных текстов «рецепт» и «полезный совет»» по специальности 10.02.04 — Германские языки. Работая на кафедре английской филологии РГПУ им. Герцена, в 1996 Ирина Борисовна защитила докторскую диссертацию на тему «Становление и развитие английских регулятивных текстов (структурно-семантические и когнитивно-прагматические аспекты)». Проблематика работы, связанная с изучением эволюции категорий текстов в культурно-историческом контексте, оказала большое влияние на становление отечественной исторической лингвистики текста и современные подходы к исследованию текстов нехудожественной коммуникации.

Руберт И.Б. работает в высшей школе с 1987 года, в СПбГЭУ (ранее — Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов) — с 2001 года. Ирина Борисовна — человек выдающейся творческой энергии, долгие годы вдохновляющий своих коллег и подчиненных на новые свершения в области науки и педагогической деятельности — 18 лет назад воплотила в жизнь смелый и перспективный проект создания нового гуманитарного факультета при старейшем экономическом вузе Петербурга. Под руководством Ирины Борисовны гуманитарный факультет СПбГЭУ за несколько

лет получил широкую известность и занял достойное место в образовательном и научном пространстве страны.

И.Б. Руберт ведет плодотворную научно-исследовательскую и педагогическую деятельность. Под ее научным руководством успешно защищено более 35 кандидатских и 5 докторских диссертаций. Ирина Борисовна активно участвует в экспертизе научных работ. С 2008 по 2014 гг. И.Б.Руберт выполняла обязанности председателя диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.354.09 при СПбГЭУ. В настоящее время Ирина Борисовна является заместителем председателя диссертационного совета Д 212.354.09 при СПбГЭУ и членом диссертационного совета Д 212.199.05 при РГПУ им. А.И. Герцена. В течение ряда лет И.Б. Руберт ведет активную работу в качестве члена экспертного совета ВАК РФ по филологии и искусствоведению. И.Б. Руберт является членом Российского профессорского собрания и ряда других общественных организаций и профессиональных сообществ.

Многочисленные ученики Ирины Борисовны относятся к ней с большим уважением и искренней благодарностью. Коллеги Ирины Борисовны восхищаются ее широкой эрудицией, высокой педагогической культурой, добрым и глубоко порядочным отношением к людям, оптимизмом и тонким чувством юмора.

Коллеги и ученики Ирины Борисовны желают юбиляру крепкого здоровья, новых творческих успехов и неиссякаемой энергии!

И.В. Кононова, Е.А. Нильсен

РАЗДЕЛ 1

НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

О.В. Александрова

ИЗМЕНЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье рассмотрены вопросы, связанные с появлением новых терминов в процессе функционирования новой парадигмы в языкознании. Наряду с появлением новых терминов, уже существующие термины нередко приобретают новые оттенки значения, сосуществуя с вновь появившимися.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, терминология, новая парадигма, концепт, понятие, фрейм.

O.V. Aleksandrova

TERMINOLOGICAL CHANGES WITHIN A NEW LINGUISTIC PARADIGM

The article treats some new processes in the terminology within a new linguistic paradigm. New terms appear alongside with the already existing ones, which may acquire new shades of meaning in the new context.

Keywords: cognitive linguistics, terminology, new paradigm, concept, notion, frame.

Уже не раз было отмечено, что конец 20-го века, и первое двадцатилетие века 21-го ознаменовались появлением новых направлений в области изучения языка: это и семиотика, и прагматика, и психолингвистика и многие другие. Уже с середины 20-го века стало очевидным, что язык является неотъемлемой частью деятельности человека во всех сферах его жизни. Именно с помощью языка человек познаёт мир во всех его проявлениях. Язык является важнейшим средством коммуникации. Е.С. Кубрякова, основоположник когнитивно-дискурсивного направления в изучении языка, подчёркивала важнейшую роль антропоцентрического подхода во всех сферах знания, когда человек, его восприятие окружающего мира выходит на первый план всех научных исследований.

В конце 20-го века отмечаются интегративные процессы, происходящие в разных сферах жизни человечества. Возник вопрос о взаимодействии разных сфер человеческой деятельности и знания и их отражения в языке. Уже в середине прошлого века лингвисты задумались над тем, какую роль играет язык в осмысливании процессов, происходящих с человеком, его когнитивными способностями, которые дают возможность понять происходящее, оценить его, перейти на уровень категоризации окружающего мира. Только в пятидесятые годы прошлого века стали появляться такие разделы в изучении языка, как психолингвистика, семиотика генеративная грамматика и др., ставшие основой для возникновения новой парадигмы в лингвистике — когнитивной, оказавшейся возможной на основе интегративных процессов, объединивших разные области знаний человека и знаний о человеке.

Большую роль в появлении новой парадигмы, позднее сыграли общие процессы глобализации, происходящие в мире. Действительно, общемировые тенденции глобализации в мировой политике, экономике, социальных вопросах, стирание границ, миграционные процессы не могли не отразиться и в языке. Дело даже не в том, что какой-то один язык стал глобальным для всего мира. Речь здесь идёт, прежде всего, об английском языке, который в силу многих социально-исторических причин стал языком международного общения, о чём писал в своих работах британский учёный Д. Кристал [Crystal 2006]. Следует отметить, однако, появление новой парадигмы основано на взаимодействии разных областей человеческого знания, в данном случае культурно-исторического, духовного, светского и многих других. Так произошло и с когнитивной лингвистикой, где на основе интеграции разных, на первый взгляд, наук возникло совершенно новое направление — когнитивная лингвистика.

Смена парадигмы знаний вызывает необходимость введения новых терминологических единиц и внесения уточнений в существующий терминологический аппарат. Появление нового направления в науке связано с необходимостью создания адекватного терминологического аппарата, без которого его существование и развитие невозможно [Александрова 2018: 28].

Как подчёркивается в работе И.Б. Руберт и М.В. Файбушевского «Терминология как совокупность языковых средств обозначения предметов, объектов, процессов в определённой области профессиональной деятельности формирует также и фрагменты научной картины

мира» [Руберт, Файбушевский 2019: 492]. Так случилось и с когнитивной лингвистикой, принесшей с собой новые термины и понятия. Когда это направление впервые оформилось, существовало мнение о том, что когнитивная лингвистика это не новое направление в изучении языка, а лишь подмена существующей, традиционной лингвистической терминологии новой и малопонятной.

Для того, чтобы разъяснить новые терминологические единицы, необходимость появления которых возникла в связи со сменой основной лингвистической парадигмы в 1996 году был издан Краткий словарь когнитивных терминов, где авторы, ведущие в то время специалисты в области когнитивной лингвистики попытались объяснить и определить возникновение и функционирование новых терминов [Кубрякова и др. 1996]. Так, один из авторов словаря Е.С. Кубрякова писала в предисловии: «... тот, кто занимается когнитивной наукой или хочет ею заниматься, сталкивается с самого начала с трудностями её понимания именно из-за избытия новых понятий, пришедших из разных наук и получивших здесь свою собственную интерпретацию» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 5].

Нужно отметить, что этот словарь до сих пор остаётся единственным словарём когнитивных терминов, что и понятно: составление любого словаря это чрезвычайно сложная, трудоёмкая задача, уже не говоря о словаре, отражающем новую ступень в науке. Кроме того, поскольку когнитивная лингвистика затрагивает многие пограничные области человеческого знания, трудно дать однозначное толкование того или иного термина, не учитывая данные других смежных областей знания. Поэтому многие данные в словаре представлены в описательном варианте. Для примера возьмём такой распространённый в настоящее время термин, как *‘концепт’*.

Данный термин широко используется не только в лингвистике, но и в других областях знания. В Кратком словаре этот термин имеет отдельную статью и определяется как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике. ...К. это скорее посредники между словами и экстралингвистической действительностью и значение слова не может быть сведено исключительно

к образующим его К. Правильнее, наверно, было бы говорить, о концептах как соотносительных со значением слова понятиях (counterparts of words)» [Краткий словарь когнитивных терминов: 90–92].

В этой связи необходимо обратиться к работам И.Б. Руберт и, в частности, к статье, где непосредственным образом рассматривается этот термин с точки зрения его использования в когнитивной лингвистике и его соотношению с термином *фрейм* [Руберт, Файбушевский: 493]. Авторы замечают, обращаясь к деловому дискурсу, и, в частности, к финансовым рынкам, что «терминосистема финансовых рынков обслуживает достаточно широкую сферу отношений, поэтому фрейм стереотипной структуры можно представить в самом общем виде. Это обусловлено спецификой входящих в эту область рынков, различием в инструментах, субъектах и т. д.» [Руберт, Файбушевский: 493].

Термин *фрейм* определяется среди прочего как «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что — нет. С каждым фреймом связаны несколько видов информации: об его использовании и о том, что следует ожидать затем, что делать, если ожидания не подтвердятся [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 188].

Если обратиться к работам, посвящённым изучению концептов в разных языках, можно увидеть, что авторы, наряду с термином *концепт*, часто синонимично пользуются термином *понятие*. Данную ситуацию можно наблюдать и в случае с использованием термина *фрейм*. Так, например, можно назвать такие работы, как: «Концепт ‘время’ в семантике английских прилагательных и наречий» [Баринава 2018]; «Концепт ‘Америка’ в индивидуально-авторской картине мира М. Задорнова (на материале очерков «Возвращение» [Лыткина 2018] и т. д. Но: «Contract is a risky vehicle called ‘contract’. Особенности концептуализации понятия CONTRACT в американских СМИ» [Киселёва, Гатаулина 2018]; «Понятие ‘доброта’ в концептуальном пространстве английской народной сказки» [Бережкова 2011]. Как видим, термины *концепт* и *понятие* часто используются исследователями синонимично.

Термин *понятие* не находим в Кратком словаре, однако в Лингвистическом энциклопедическом словаре он представлен и сопрово-

ждается подробным описанием. В частности, автор пишет: «Понятие (концепт) — явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение — в системе языка, понятие — в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [ЛЭС 1990: 384].

Напомним, что Лингвистический словарь вышел в 1990 году, когда когнитивная лингвистика ещё не набрала достаточного потенциала в лингвистических исследованиях, поэтому значения терминов *понятие* и *концепт* с тех пор довольно сильно изменились, особенно это касается последнего. Е.Г. Беляевская подчёркивает, что «... *понятие* и *концепт* представлены одним и тем же набором признаков, составляющих знание о соответствующем объекте (фрагменте действительности), однако структурная организация *понятия* и *концепта* существенным образом различается. *Понятие* конструируется в процессе познания объекта, а *концепт* должен быть реконструирован посредством изучения того, каким способом информация об объекте была закреплена в языковой форме, поскольку язык является основным средством хранения, переработки и передачи информации в процессе коммуникации» [Беляевская 2019: 32].

Когнитивный подход охватил в настоящее время все сферы лингвистических исследований, показав свою плодотворность и возможность значительно расширить наши знания о самих себе и о нашем месте в окружающем мире. «Продуктивность современных исследований языковой когниции во многом определяется их прикладным характером. При этом методы когнитивной лингвистики гармонично сочетаются с методами классической семантики, терминоведения, прочих лингвистических направлений с целью анализа содержания понятий, обозначаемых конкретными специальными единицами — терминами и поиска их иноязычных эквивалентов» [Руберт, Файбушевский 2019: 499].

Нет сомнения, что когнитивно-дискурсивная парадигма позволит и дальше проникать в суть человеческого мышления, переработки тех знаний, которые он получает в процессе своей деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова О.В. Становление терминологического аппарата в новом подходе к изучению языка // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы, 2020. Вып. № 3 (42). — С. 25–30.

2. Беляевская Е.Г. Концепт vs понятие в аспекте сопоставительного изучения языков // Когнитивные исследования языка, 2019. Вып. XXXVI. — С. 28–35.
3. Барина И.В. Концепт «время» в семантике английских прилагательных и наречий // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV. — С. 92–95.
4. Бережкова Д. В. Понятие «доброта» в концептуальном пространстве английской народной сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Бережкова Дарья Валерьевна. — Москва, 2011. — 26 с.
5. Киселёва С.В., Гатулина Н.А. Contract is a risky vehicle called 'contract'. Особенности концептуализации понятия CONTRACT в американских СМИ // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. — С. 666–671.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. — 245 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 688 с.
8. Лыткина О.И. Концепт «Америка» в индивидуально-авторской картине мира М. Задорнова (на материале очерков «Возвращение») // Когнитивные исследования языка, 2018. Вып. XXXIV. — С. 164–168.
9. Руберт И.Б., Файбушевский М.В. Концепт и тематические группы: подходы к изучению терминисем и переводу терминов // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII. Языки, культуры, модальности: интеграция методов когнитивных исследований языка, 2019. — С. 492–500.
10. Crystal D. The Fight for English. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — 239 с.

Л.А. Кочетова

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕКСТА: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ И ФОРМАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Рассматривается проблематика исторических изменений типов текста. Демонстрируются формально-структурные, содержательные и жанрово-стилистические трансформации типов текста. Выявляются факторы, определяющие динамику текстовых изменений, обсуждаются их разноуровневые маркеры и методы их анализа.

Ключевые слова: текст, диахрония, трансформация, историческая лингвистика текста, корпусная лингвистика.

L.A. Kochetova

DIACHRONIC TRANSFORMATIONS OF THE TEXT: CONTENT AND FORMAL ASPECTS

The article deals with the problems of historical changes in the types of text. It demonstrates formal-structural, content and genre-stylistic transformations of text types.

The factors that determine the dynamics of textual changes are identified, their multilevel markers and methods of analysis are discussed.

Key words: text, diachrony, transformation, historical linguistics of the text, corpus linguistics.

В последние десятилетия исследование текста как средства и способа хранения и трансляции культурно специфического знания, поддержания культурной памяти и культурной идентичности обогащается историческим подходом, позволяющим осветить основные закономерности развития коммуникативной функции языка и раскрыть динамическую природу человеческой коммуникации. Несмотря на значительное число работ зарубежных и отечественных исследователей, посвященных диахроническим аспектам изучения текста, стремительные изменения в коммуникативном пространстве, вызванные дигитализацией коммуникативных практик, социально-общественными трансформациями, выводят на повестку дня новые вопросы теоретико-методологического плана, решение которых необходимо для получения новых сведений о характере развития коммуникативной культуры на основе анализа дискурсивно-текстовых явлений в динамическом аспекте.

Интерес к диахроническому анализу текстовых форм, в рамках которого можно выделить диахронически-ориентированную лингвистику текста и тексто-центрическую историческую лингвистику, возник в конце XX века, когда накопленные знания в области лингвистики текста и теории дискурса позволили обратиться к изучению становления и развития типов текстов, прежде всего нехудожественных, в истории языка. В отечественной науке пионерской в области исторической лингвистики текста стала работа И.Б. Руберт, которая, предлагая целостную теорию эволюции текстов нехудожественной коммуникации, не только ставит задачу систематизации и констатации фактов, но и носит ярко выраженную экспланаторную направленность, подразумевающую стремление к выяснению культурно-исторических предпосылок эволюционных изменений текста [Руберт 1995: 2014]. Этот новый подход получил дальнейшее развитие в лингвистике, стремящейся рассматривать объекты своего исследования в аспекте эволюции, без знания которой немислимо их полное постижение. Как отмечает Л.И. Гришаева, «пристальное внимание к тексту как способу фиксации коммуникативного результата обладает потенциальной

высокой объяснительной силой, потому что в тексте встречаются закономерности, значимые для осмысления особенностей языковой культуры: порождение и рецепция текста; организация и реализация коммуникации с помощью вербального кода (и также невербальных кодов); поддержание и воспроизводство культурной идентичности носителей культуры; особенности использования языка уникальным коллективным субъектом; функционирование вербального и разных невербальных кодов и др.» [Гришаева 2020: 60–61]. Эти свойства текста как коммуникативного и культурного феномена приводят к тому, что в разные периоды бытования языковой культуры, т. е. в диахронии, тексты одного и того же типа претерпевают формально-структурные и содержательные изменения, обусловленные культурно-историческими условиями их порождения и восприятия.

Анализ процессов становления типа текста в диахронии, с одной стороны, и выявление векторов трансформации и развития того или иного типа текста, начиная с его зарождения в языковой культуре (например, путевые заметки в XIX в. или блог о путешествиях конец XX–XXI в.) до сворачивания функционального потенциала конкретного типа текста в культуре и его постепенного исчезновения (ср., например, рекламная рассылка в XX в. и реклама в социальных сетях в XXI в.), с другой, основан на идентификации различного рода формально-содержательных маркеров типа текста, которые отражают характер и суть динамических процессов. По замечанию Л.И. Гришаевой, «это позволяет проследить тенденции использования языка под влиянием всего сложно организованного комплекса разнородных факторов, обуславливающих его функционирование как средства познания и коммуникации, а также соотнести репертуар текстов с реализацией функционального потенциала разноуровневых языковых средств на отдельных этапах развития языковой структуры» [Гришаева 2020: 63].

Очевидно, что всякое изменение фиксируется в тексте разнородными средствами — стилистическими, формально-структурными, лексико-семантическими, грамматическими — и регистрируется коммуникантами с разной степенью осознанности. Коммуникативное тиражирование инноваций в повторяющихся условиях общения закрепляет их в практике использования языка, способствуя их конвенционализации. В задачи диахронически-ориентированной лингвистики текста входит таким образом выявление репертуара типов текстов в отдельные исторические периоды развития языка, опреде-

ление доминирующих текстотипов, установление генетически родственных текстов и описание процессов текстовых трансформаций, например перехода устных жанров в письменные, анализ изменений конвенций типов текста и выявление векторов их эволюции. Так, в научной литературе описываются типы текстов, функционировавших в ранней британской прессе [Fries 2001; Fritz 2001; Görlach 2004], изменения конвенций новостных текстов [Ermida 2015], показаны трансформации текстотипов некролога и криминального новостного сообщения [Borde 2015].

Стоит отметить, что важным фактором трансформаций типа текста является преобразование культурно-исторических условий его функционирования, при этом скорость трансформаций обусловлена потребностями дискурсивного сообщества, которое предъявляет требования к формально-структурным и содержательным аспектам текста. Так, в работе И.П. Хутыз показано, что в отечественной научной речи формат научно-исследовательской статьи как исчисляемого показателя работы учёного, оформляемого в соответствии с определёнными требованиями научного журнала, претерпел значительные изменения за относительно короткий период времени. Контрастивный анализ дискурса русскоязычных научно-исследовательских статей по лингвистике, опубликованных в 2010–2011 и 2019 гг. в научном журнале, обнаружил значимые изменения в структурировании научно-исследовательской статьи и, как следствие, в описании ряда её компонентов: цели исследования, методологии и т. д. [Хутыз 2020]. Автор делает вывод о том, что изменения требований к написанию и оформлению научно-исследовательской статьи свидетельствуют о преобразованиях академической среды, о новом статусе науки и учёного в обществе.

Интенсификация процессов трансформации текстов обусловлена дигитализацией коммуникативных практик, оказывающей влияние на содержательную и формальную организацию текста в современном коммуникативном пространстве, индикаторами которых выступают изменения жанрово-стилистических и жанрово-композиционных составляющих текста. Кроме того, размывание границ дискурсов, обусловленное изменением функциональной нагрузки текстов, приводит к тому, что их отличительной характеристикой становится дискурсная гетерогенность, которая формируется под влиянием норм устной разговорной речи с характерными для нее качествами — компрессией, редукцией форм, эллипсисом, сокращениями как проявлением

универсального закона языковой экономии, что отражает общую тенденцию современной коммуникации к использованию разговорных структур и форм в различных институциональных жанрах. Смещение разных языковых кодов обусловлено прагматическими факторами, и функциональное предназначение стилистически сниженной разговорной лексики заключается в сокращении социально-психологической дистанции между участниками коммуникации, установлении доверительных отношений, побуждении адресата к действию, что свидетельствует о снижении регистра, связанного с процессами демократизации языка в институциональной коммуникации. Еще одной отчетливо наблюдаемой тенденцией становится маркетизация жанров, обусловленная проникновением в тексты различных типов рекламной интенции. Так, в текстах британских объявлений о приеме на работу явно прослеживается тенденция к семиотическому осложнению и использованию коммуникативно-прагматических средств, присущих рекламе: 1) крупный, броский, не отражающий тему сообщения заголовок: *Time to change ... , Make headlines ... Don't just read them!*; 2) заголовки в виде вопроса, имитирующие устную речь и придающие интерактивность тексту объявления, например: *Love to get a better job?*; *Free to travel UK and Europe?* (*The Times*, Feb. 29, 1980); *Not content with being just a secretary? Then there is a rare opening for an "A" level / graduate with min s / h & good typing speeds who is ambitious enough to want a genuine career in investment banking* (*The Times*, Jun. 27, 1980); *Do you have flair, imagination, drive and technical ability to join us in developing an awesome tax advisory business from our existing tax practice?* (*The Times*, Dec. 12, 1996); 3) восклицательные знаки и капитализация слов, не являющихся именами собственными, с целью подчеркнуть «уникальность» вакансии и привлечь внимание адресата: *excellent presentation and a good sense of humor!*; 4) императивные структуры, которые используются не только для введения контактной информации, например: *apply, send your CV, phone*, но и в заголовках и основном тексте: *Give your languages more to work on* (*The Times*, Oct. 15, 2006); *Promote yourself* (*The Times* Oct. 15, 1980); 5) интенсивное использование личных местоимений, например: *We offer challenging opportunities for the right people — tell us why it's you!* (*The Times*, Dec. 05, 1996); 6) указание на срок действия объявления, призванное побудить адресата к немедленному действию (*Closing date: 14 February 2006*).

Особое место в изучении текстовых трансформаций занимают вопросы методологии и методики исследования. В последнее время в изучении коммуникативных феноменов: текстов, дискурсов, жанров активно используется методология корпусной лингвистики. Синергизм исследовательских методик количественных и качественных методов, дискуссия о значимости которых для лингвистических исследований ведется в науке о языке достаточно продолжительное время, позволяет надежно выявить тенденции развития типов текстов с опорой на количественные данные об использовании языковых структур. Интенсивное использование корпусной методологии в изучении изменений языковых структур и категорий тесно связано с развитием эмпирической базы диахронических исследований.

Существующие диахронические корпуса могут быть квалифицированы по ряду параметров: *временному промежутку* (корпус содержит языковой материал, охватывающий как длительный, так и достаточно непродолжительный период времени, в этой связи можно говорить о «ближней» и «дальней» диахронии); *репрезентативности* (диахронический корпус может быть репрезентативным, включать разнообразие жанров, функционирующих в определенный период времени, или специализированным, т. е. содержать тексты, одного жанра, тексты, написанные одним автором или опубликованные в одном издании). Следует уточнить, что к диахроническому корпусу в полном смысле этого слова можно отнести только те коллекции текстов, которые принадлежат различным периодам истории языка, имеют определенный дизайн и снабжены компьютерным инструментарием.

Примерами репрезентативных и сбалансированных диахронических корпусов могут послужить *Corpus of Historical American* (COHA), он включает более 100 тыс. текстов американского варианта английского языка, относящихся к периоду с 1810 по 2000-е гг., и содержит 400 млн. слов. Данный аннотированный репрезентативный корпус представлен в каждом десятилетии текстами жанров художественной и нехудожественной прозы. Примерами диахронического корпуса американского варианта английского языка, основанного на текстах одного источника, служит *Times Magazine Corpora* (1923–2006), общим объемом 100 млн. слов. Диахронические корпуса британского варианта английского языка обладают гораздо меньшими размерами, например, *The ARCHER Corpus* (1700–1900-е гг.) <https://cqpweb.lancs.ac.uk/usr/> содержит менее 2 млн. слов (см. [Biber *et al.*, 1994; Yáñez-Bouza, 2011]). *The Diachronic*

Corpus of Present-day Spoken English (DCPSE) (UK, 1950-е гг. и 1990-е гг.) [<https://cqpweb.lancs.ac.uk/usr/>] включает менее 1 млн. слов (см. [Aarts *et al.* 2014; Davies 2012]). Размер Хельсинского диахронического корпуса, охватывающего период с 730 по 1710 гг., составляет около 2 млн. слов [<https://cqpweb.lancs.ac.uk/helsinki/>]. Расширение корпусов Brown и LOB за счет включения текстов более ранних и поздних периодов дает возможность проследить динамику типов текстов письменной коммуникации американского и британского вариантов английского языка. Отметим, что создание диахронических корпусов текстов разработка инструментария корпусной методологии и появление сложно организованных методик позволяют поднять диахронические изучения коммуникации на новый качественный уровень (см.: [Nevalainen, Taavitsainen, Pahta 2008]).

Таким образом, историческая лингвистика текста, в фокусе которой находится тип текста как динамический объект, является активно развивающейся областью исследований, которая позволяет на основе анализа вариативности разнообразных стилистических, формальных и содержательных маркеров, обозначить векторы текстовой эволюции, обусловленной культурно-историческими и социально-политическими факторами, и выявить тенденции развития текстовой культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гришаева Л.И. Трансформации в коммуникации: Макро- и микроорганизация текста // Человек и его дискурс — 6: дигитализация коммуникативных практик: коллективная монография / Отв. ред. М.Р. Желтухина; ВГСПУ; ИЯ РАН. — М. — Волгоград: ООО «ПринТерра-Дизайн», 2020. — 384 с.
2. Руберт И. Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов. — СПб.: Образование, 1995. — 209 с.
3. Руберт И. Б. Проекция эволюционных аналитических процессов в англоязычном тексте // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — Т. 1. — № 3. — С. 103–114.
4. Хуыз И.П. Специфика конструирования дискурса научно-исследовательской статьи: диахронный аспект // Общество. Коммуникация. Образование. — 2020. — № 2 (11). — С.117–128.
5. Aarts B., Bowie J., Wallis S. Profiling the English verb phrase over time: modal patterns // *Developments in English: Expanding Electronic Evidence*. — 2014. — P. 48–76.
6. Borde S. Late Modern English death notices: Transformations of a traditional text type // *Changing Genre Conventions in Historical English News Discourse* / B. Bös, L. Kornelx (Eds.). — Amsterdam : John Benjamins. — 2015. — P. 103–134.
7. Davies M. Expanding horizons in Historical linguistics with 400 mln. Word corpus of historical American English // *Corpora*. — 2012. — Vol. 7, Issue 2. — P. 121–157.

8. Ermida I. Playing upon news genre conventions: The case of Mark Twain's news satire // *Changing Genre Conventions in Historical English News Discourse* / Bös, L. Kornexl (Eds.). — Amsterdam : John Benjamins. — 2015. — P. 223–250.

9. Fries U. Text Classes in Early English Newspapers // *EJES, European Journal of English Studies*. — № 5 (2). — 2001. — P. 67–180.

10. Fritz G. Text Types in a New Medium: The First Newspapers (1609) // *Journal of Historical Pragmatics*. — Vol. 2, Issue 1. — 2001. — P. 69–83.

11. Nevalainen, T., Taavitsainen I., Pahta P. Exploring the dynamics of linguistic variation through public and private corpora // *The dynamics of linguistic variation: Corpus evidence on English past and present* / T. Nevalainen, I. Taavitsainen, P. Pahta, M. Korhonen (Eds.). — Amsterdam : John Benjamins, 2008. — P. 1–9.

А.Д. Кривоносов

К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСИСТЕМЫ

В статье ставится вопрос особого подхода к анализу современной медиасистемы. Акцентируется проблема учета жанровых и типологических характеристик современных медиатекстов, что может корректировать результаты исследований массмедийного текста как результата глобальных трансформаций медиасистемы.

Ключевые слова: текст, жанр, медиа, медиасистема, медиадискурс.

A.D. Krivososov

ON THE PROBLEM OF TEXT ANALYSIS OF MODERN MEDIA SYSTEM

The article raises the question of a special approach to the analysis of the modern media system. The article focuses on the problem of taking into account the genre and typological characteristics of modern media texts, which can correct the results of mass media text research as a result of global transformations of the media system.

Keywords: text, genre, media, media system, media discourse.

Текст традиционно является предметом филологического исследования. Как указывает И.Б. Руберт, «определений текста существует немало. Немало остается и дискуссионных вопросов, самые простые из которых: что является конституирующим фактором текста, каковы границы текста, размеры текста, обязательна ли письменная фиксация и пр.» [Руберт 2016: 6]. Такая постановка вопроса продолжает быть актуальной и для периода формирования, мультипликации и трансформации корпуса текстов, функционирующих в пространстве современных массовых коммуникаций.

Вторая половина XX века знаменует вхождение в речевую практику общества текстов СМИ (а также и СМИП — средств массовой информации и пропаганды), что активизирует исследовательский интерес со стороны языковедов. В связи с формированием параллельной публичной сферы, обязанной активному вторжению в жизнь социума digital-технологий, формируется и корпус так называемых медиатекстов, хотя трактовка феномена медиатекста далеко не однозначна. Под термином медиа признается сегодня «и как совокупность средств и содержаний коммуникаций, и как пространство, и как среда, и как система» [Отечественная теория медиа 2019: 109].

Все многообразие медиа формирует медиасистему. Что понимается под медиасистемой? Как указывает Е.Л. Вартанова, «по мере развития СМИ, появления новых для своего времени технологических платформ — радио, телевидения, — вещательные СМИ начали интегрировать и нежурналистский контент — музыкальные произведения, театральные спектакли, кинофильмы и т. д. В медиасистему интегрировались и те области, которые раньше входили в сферу культурного (зачастую и масскультурного) производства. И со второй половины XX века многие исследователи стали рассматривать как новые следующие сегменты медиасистемы:

- систему популярной музыки и звукозапись; кинематограф;
- производящие радио- и телекомпании, или продакшн компании.

Наравне с развитием основных сегментов, производящих новостное и развлекательное содержание СМИ, развивались и предприятия, обеспечивавшие взаимные интересы рынка и массмедиа, — рекламные и коммуникационные агентства» [Медиасистема 2015: 10–11]. Отсюда очевидно: медиасистема оперирует разнообразными по всему возможному реестру признаков (и подчеркнем: по различным типам и жанрам) корпусом текстов.

И если предметом филологического исследования был «традиционный» текст как «вербальное сообщение, передающее по каналу литературы или фольклора предметную, логическую, эстетическую, прагматическую (экспрессивную, эмоциональную и оценочную) информацию, объединенную в единое сложное целое» [Руберт 2016: 7], то «современное функционирование в публичном пространстве различных типов текстов, сформировавшихся как самостоятельные жанры или находящихся на ступени развития от определенного типа тек-

ста к жанру, снова ставит на повестку дня проблему дефиниции ‘типа текста’» [Киуру, Кривоносов 2016: 24].

Соответственно, в XXI веке актуализируется понятие медиадискурса, медиажанров и т. д., что, несомненно, сразу становится предметом научной лингвистической рефлексии (см., например, [Матисон 2013; Антонова 2014; Aleksandrova 2011] и др.), хотя первые изыскания в области языка средств массовой информации датируются еще серединой прошлого столетия.

Сегодня констатируется функционирование отдельной отрасли лингвистики — медиалингвистики как науки о речевой деятельности в медиа, уже заявившей о себе не только соответствующими публикациями, журнальными изданиями, но и попыткой кодификации своей терминологии [Медиалингвистика 2018]. Однако не всегда исследователи, изучающие, например, язык рекламы и связей с общественностью, корректно трактуют базовые понятия данных двух коммуникационных сфер [Кривоносов 2019].

С другой стороны, имеются и попытки (прежде всего специалистов самой сферы массовых коммуникаций, не лингвистов) свести воедино, подвести под общий знаменатель всю «текстовую деятельность человека», обозначив ее понятием *копирайтинг* и выделяя его виды (литературный, рекламный, PR-копирайтинг, деловой, SEO, рерайтинг) [Назайкин 2017], когда такого рода опусы могут содержать рекомендации по «созданию текста» максимально банализированные и не опирающиеся на серьезную лингвистическую базу. И это не единичные примеры.

XXI век демонстрирует нам широчайшую его палитру видов и типов текстов и соответственно достаточный методологический спектр его изучения, однако подход к исследованию особенностей «новых» медийных текстовых реальностей должен быть связан и со знанием специфики функционирования конкретной медиасреды, и в первую очередь журналистики, рекламы, паблик рилейшнз и их digital-«клонов».

Как нам представляется, для корректности выводов собственно лингвистического исследования (в широком смысле соответствующим паспорту научных лингвистических специальностей — русистики, германистики, теории языка, сравнительного языкознания) тип текста и тип дискурса может представляться не определяющим, когда

предметом лингвистических штудий становится определенная языковая категория вне специфики конкретного вида дискурса — например, темпоральность (см. [Нильсен 2012]), в то время как рассмотрение лингвистического феномена на материале современного медиадискурса обязательно должно подразумевать понимание его специфики, функционала и тщательный подход к его жанровым особенностям.

Приведем некоторые примеры из двух диссертационных исследований 2020–21 гг. по специальностям «Германские языки» и «Теория языка». Так, в диссертационном исследовании Н.В. Гвозданной рассматривается специфика выражения экспрессивности в английском корпоративном медиадискурсе [Гвозданная 2020]. Диссертант ставит цель выявить и описать способы выражения экспрессивности в различных типах медиадискурса на материале текстов корпоративных изданий транснациональных корпораций Volvo, Nokia, Rio Tinto. Между тем данные репрезентанты категории экспрессивности совершенно по-разному проявляют себя в различных жанровых разновидностях PR-текстов [Кривоносов 2002] — в имиджевых статьях или интервью (в последнем есть также и свои характеристики в зависимости от вида интервью — портретного, проблемного, экспертного), в байлайнере, бэкграундере. Здесь можно говорить и о различных характеристиках проявления корпоративного дискурса в рамках национальных территорий.

Возьмем исследовательский материал из другой диссертационной работы, где в рамках проблемы способов реализации самопрезентации в дискурсе делового общения привлекаются примеры реализации способов создания имиджа бизнес-компании [Исаева 2021]. М.С. Исаева декларирует, что «исследование проведено на материале транскриптов финансовых телеконференций руководящих лиц международных автоконцернов» [Исаева 2021: 5], и были проанализированы речи руководителей ряда крупных зарубежных и транснациональных компаний.

У специалиста по массовым коммуникациям сразу возникает ряд вопросов: как проводится лингвистический анализ феномена бизнес-организации? Почему телеконференции выделяются в отдельный жанр? На каком основании телеконференция определяется как финансовая — в силу тематики? Но это не жанровая разновидность финансового дискурса, где определяющими являются не тема (иначе

разговор с членом семьи по Zoom о покупках в ближайшем магазине также станет видом финансовой телеконференции), а прежде всего субъекты и объекты дискурса. Да и в практическом спичрайтинге языковые и речевые характеристики разнятся в зависимости от вида (а изначально целеустановки) речи.

Полноценное изучение текстов современной медиасистемы сегодня представляет особые трудности: необходимы специальные знания в предметных областях медиасистемы и понимание многомерности и полифункциональной природы последней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонова Л.Г. Прагматика жанра в современном медийном дискурсе // Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации: колл. монография / отв. ред. и сост. Н.В. Анискина, Л.В. Ухова. — Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014. — С. 131–140.
2. Гвозданная Н.В. Выражение экспрессивности в англоязычном корпоративном медиадискурсе: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. — М.: МГУ, 2020.
3. Исаева М.С. Самопрезентация корпоративной языковой личности в деловом дискурсе (на материале финансовых телеконференций): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. — СПб.: 2021.
4. Киуру К.В., Кривонос А.Д. Жанрообразование в современных массовых коммуникациях: от признаков жанрообразующих к дискурсивным // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей к юбилею д-ра филол. наук, профессор Руберт И.Б. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. — С.24–29.
5. Кривонос А.Д. Новый справочник по медиалингвистике (Рец. на кн.: Медиалингвистика в терминах и понятиях) // Знак. Проблемное поле медиаобразования. — 2019. — Т 1 (31). — С. 216–220.
6. Кривонос А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. — 34 с.
7. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. — М.: ФЛИНТА, 2018. — 440 с.
8. Медиасистема России: учеб. пособие / Под ред д-ра филол. наук Е.Л. Вартановой. — М: Аспект Пресс, 2015. — 364 с.
9. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / Пер. с англ. — Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2013. — 264 с.
10. Нильсен Е.А. Способы вербализации темпорального сознания // Вопросы когнитивной лингвистики. №1 (30). — 2012. — С. 59–64.
11. Отечественная теория медиа: основные понятия: словарь / под ред. Е.Л. Вартановой. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. — 241 с.
12. Руберт И.Б. К вопросу о роли лингвистического анализа текстов // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей к юбилею д-ра филол. наук, профессор Руберт И.Б. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. — С. 6–18.
13. Aleksandrova O.V. New Approaches to Mass Media Discourse // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей к юбилею д-ра филол. наук, профессор Руберт И.Б. Вып.3. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. — С. 4–9.

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ

В статье представлены три основные направления современного лингвистического анализа вежливости — 1) разработка построения универсальной модели категории вежливости, приемлемой для разных лингвокультур; 2) проблемы интерпретации вежливости в контексте “языка политической корректности”; 3) особенности реализации категории в Интернет-коммуникации.

Ключевые слова: лингвистическая вежливость, анти-вежливость, Главная стратегия Вежливости, язык политической корректности, сетевая коммуникация.

T.P. Tretyakova

SOME CURRENT TRENDS IN LINGUISTIC ANALYSIS OF THE CATEGORY OF POLITENESS

The article presents three basic trends of modern linguistic analysis of politeness: 1) elaboration of the construction of universal politeness model, acceptable for different linguocultures; 2) politeness interpretation problems in the context of “language of political correctness”; 3) peculiarities of politeness realization in internet-communication.

Key words: linguistic politeness, anti-politeness, Grand Strategy of Politeness, language of political correctness, network communication.

Цель настоящей статьи — рассмотреть некоторые тенденции развития лингвистической категории вежливости/ не-вежливости, которые связаны с изменениями восприятия корректного/некорректного речевого поведения в современных контекстах социально-культурного взаимодействия уже в XXI веке.

Лингвистическая теория вежливости, пройдя достаточно большой путь в своем развитии за последние 40 лет, в рамках культурологических исследований коммуникативной лингвистики, внесла огромный вклад в разработку принципов понимания сбоев в коммуникации и возможностей их устранения для достижения успешного взаимодействия. Начиная с основополагающих работ Дж. Лича (1983), и ставшей классической теории вежливости, разработанной П. Браун и С. Левинсоном (1978), было проведено огромное количество лингвистических и междисциплинарных исследований данной категории на материале разных языков и культур. В 2005 году издательство De Gruyter начинает выпуск

специального журнала *Journal of Politeness Research* (<http://www.degruyter.com/view/j/jplr/>), в котором освещаются проблемы той области прагматики, социолингвистики и дискурсивного анализа, связанные с функционально-семантическими контекстами межличностного общения, в которых реализуются категории вежливости и не- (анти-вежливости) т. е. грубого общения без соблюдения этикетных норм.

Методологической основой исследований категории вежливости служит антропоцентрическая парадигма, в центре которой находится говорящий и воспринимающий речь субъект, что и позволяет ученым определить стратегии и тактики ведения коммуникации, направленной на взаимопонимание и установление положительных отношений вне зависимости от соблюдения культурно-национальных особенностей. Это взаимопонимание особенно было важно в рамках стремительно проходящих глобализационных процессов, изменяющих характер взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, и объединенных общим контекстом деятельности. Рассмотрение процессов понимания и взаимодействия культур с позиций изучения лингвистической антропологии и культурологии фокусируется на межличностных отношениях, направленных на установление ситуации бесконфликтного и уважительного общения. В основном эти явления касаются проблематики кросс-культурной коммуникации и касаются способов определения универсальных корреляций для понимания [Hofstede 1980].

Современные тенденции в обобщении лингвистических описаний связаны с попытками представления когнитивного моделирования процессов межличностного общения и тех ограничений, которые могут быть применены к этой модели. Большое значение имеет выработка прототипической модели ситуации вежливого общения, или *Grand Strategy of Politeness (GSP)*, основанной на обобщении положений, предложенных Дж. Личем [Leech, Larina 2014]. «Главная стратегия Вежливости» или «супермаксима» связана с тем, как Говорящий (S) и слушающий (H) учитывают фактор другого лица (O), при этом это другое лицо чаще всего является адресатом, т. е. Слушающим (H), которому приписывается в коммуникации большее значение (*high value*), нежели Говорящему: «In order to be polite, S expresses or implies meanings which place a high value on what pertains to O — his/her wants, qualities, obligation, opinion, feelings (O = other person[s], [mainly the addressee, i.e. H = hearer]) or place a low value on what pertains to S

(S = self, speaker).<). К предложенной GSP предлагается 10 вариантов реализации в зависимости от интенционального значения высказывания или коммуникативного контекста [Leech, Larina 2014: 14–18].

Абсолютная шкала вежливости связана с принятыми нормами выражения экспрессии. Вежливость определяется вне контекста ситуации и тональности общения. Например, выражения благодарности «*Thank you*» более вежливо, чем «*Thanks*». Разные степени абсолютной вежливости можно выразить в одинаковых по тональности высказываниях. Относительная вежливость связана с регистром общения и принятой ситуативной нормой. Неформальному высказыванию «*But I just wanted to say*» может соответствовать формула намеренного высказывания преувеличенной вежливости «*I apologize for the inconvenience*», которая в ином контексте может восприниматься как саркастическое высказывание или издевательство. В шкале относительной вежливости регистрируется «чрезмерная вежливость» и «недостоверность», а также «вежливость, соответствующая ситуации» [Op.cit: 12–14]. Следовательно, не исключено, что форма, считающаяся более вежливой по шкале абсолютной вежливости, оценивается как менее вежливая по отношению к нормам, применимым для данной ситуации.

Например, *Could I possibly interrupt?* можно было бы понять, как «слишком вежливый», скажем, если бы разговор был монополизирован на членов семьи: его можно было бы интерпретировать как холодный сарказм, издевку. Все нормы в этом случае связаны с развитием ритуала, свойственного для национального и личностного контекста, а исследования касаются проблем позитивной и привлекательной самопрезентации. Правильный выбор слов отражает как индивидуальную, бытовую, так и групповую институализированную вежливость. В последнем случае вежливое поведение соотносимо с категорией этикетной коммуникации и представлениями о политическом, дипломатическом или повседневном этикете в зависимости от ситуационного контекста.

Из этого можно сделать вывод, что существующая индивидуальная и групповая вежливость связана с развитием социальных и национально-культурных контекстов. В период информационных противостояний ставится вопрос о приемлемости или неприемлемости существующих стратегий и тактик ведения коммуникации для принимающей культуры [Locher, Larina 2019]. По этой причине основное внимание

лингвистических исследований сфокусировано на поиске способа определения специфики интеракции вежливой коммуникации.

Это касается, например, реактивных реплик на уровне этикетных приветствий или комплиментов. Например, занижение самопрезентации в русской культуре: А. *Как ты сегодня прекрасно выглядишь!* Б. *Да что ты! Я совсем никакая сегодня!* Или выражение несогласия по поводу оценки, например, погоды: А. *Какая сегодня хорошая погода!* В. *Ты что! Холодно!* В англо-саксонском ритуале обязательно выражение согласия с предложенной оценкой. А. *Тепло сегодня, правда?* Б. *Да, хотя скоро пойдет дождь.* Согласие появится обязательно, даже если оно неискреннее и не соответствует объективным обстоятельствам. Э. Берн называет такие стереотипные трансакции «поглаживаниями», позволяющими собеседникам улучшить свое самочувствие [Берн 1992: 28]. Нарушение таких правил может приводить к возникновению антивежливости.

В XXI веке исследования категории вежливости все более начинают приобретать характер идеологических интерпретаций. Так, например, А. Кульбаева, исследуя характер общения русскоязычных преподавателей на заседаниях кафедры в казахстанском университете, отмечает меньшее проявление вежливости у русскоязычных преподавателей за счет отсутствия косвенных речевых актов и этикетных клише. Автор считает, что более вежливое отношение к друг другу в казахской среде сформировалось за счет изменения политической ситуации на постсоветском пространстве [Kulbayeva 2020]. В функциональном потенциале вежливого общения исследователи видят не просто культурное различие, но приписывают некоторые политические интерпретации невежливому или «анти-вежливому» речевому поведению. Поиск объяснительных идеологических/политических характеристик функциональных смыслов можно отнести к тому информационному противостоянию, которое наблюдается в настоящее время на разных уровнях интерпретации российской жизни. Многие, что в России не является «евроцентричным», относится к области некорректного поведения или антивежливости.

Вежливость и корректность связаны с двумя факторами: во-первых, с исторически сложившимися в обществе представлениями об этических нормах и, во-вторых, со степенью обязательности соблюдения этих норм в частной и общественной жизни. Связь тактичности и вежливости реализуется в корректности как элемента кооперативного

кодекса речевого поведения. Сначала был употреблен термин «корректный политический язык», т. е. язык некоторой политической культуры речевого поведения, учитывающий «выгодные» трактовки политических событий.

Неоднозначное явление политической корректности, начавшееся в 70-х годах прошлого века, в настоящее время во многом является доминантным явлением в публичной (в некоторых случаях и личной) речи, оно касается этики речевого поведения в глазах окружающих людей по отношению к высказываниям о людях с теми или иными недостатками (*deficiencies*). Политическая корректность — это практика использования языка, исключающая употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для человека по признаку расы, пола, семейного статуса, возраста, вероисповедания, сексуальной принадлежности. Получив широкое распространение в эпоху мультикультурализма в англоязычной культуре, а именно США, Канаде, Австралии, Великобритании, эти принципы быстро распространились в мире. Понятие мультикультурализма постепенно расширяется не только географически, охватывая не только расовые и этнические группы, но и религиозные и сексуальные меньшинства, общественно-политические движения (например, феминизм).

По отношению к этим обществам применяется понятие политкорректная культура (*PC Cultures*), которая связана с изменениями в языке. Так, например, в англоязычной культуре появилась аббревиатура *Ms* перед женским именем собственным для того, чтобы не указывать на социальный статус в отношении замужества (вместо принятых ранее *Miss* и *Mrs*). Многочисленные изменения были приняты как единственно правильные и приемлемые для вежливой корректной коммуникации. Для того чтобы избежать конфликтных ситуаций, издаются словари и справочники, позволяющие отслеживать нарушения корректной (вежливой) коммуникативной ситуации. Чтобы избежать нарушений и дискриминации, изобретается особая кодификация: ‘аблеизм’ (*ableism*) — притеснение лиц с физическими недостатками, ‘этноцентризм’ (*ethnocentrism*) — дискриминация культур, отличных от доминирующей, ‘гетеросексизм’ (*heterosexism*) — дискриминация лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, ‘лукизм’ (*lookism*) — создание стандартов красоты и привлекательности и ущемление прав тех, кто этим стандартам не соответствует. Взятые в кавычки термины можно отнести к особым культурологически маркированным едини-

цам или даже терминам, перевод которых затруднен [Руберт, Капитонова 2018; Руберт 2020]. Например:

blind > *other visioned* (слепой > инакозрячий);

stupid > *learning disabled; those with special needs; developmentally disadvantaged; minimally exceptional* (глупые > *неспособные к обучению; лица с особыми потребностями; обездоленные в плане развития; минимально исключительные*);

invalid > *disabled; differently abled; physically challenged* (инвалид — калека — *нетрудоспособный — другой по способностям — человек с физическим вызовом* (т. е. требующий внимания из-за физических недостатков) и пр.

Эвфемизмы по сравнению с прямой номинацией витиеваты и в некоторых случаях представляют собой пугающие дескрипции. Их переводные варианты воспринимаются достаточно грубо и не свидетельствуют об анти-вежливом, некорректном способе выражения. Достаточно необдуманый перенос языка политической корректности в иную неанглосаксонскую культуру не улучшает вежливую корректную ситуацию, а в некоторых случаях ее затрудняет. Например, курьезно звучат слова и словосочетания типа *афромосквич*, или *афро-русский поэт А.С. Пушкин*.

В российском контексте существует неоднозначное отношение к перекодировке понятий. Например, несмотря на то что в конвенции ООН употребляется термин ‘person with disability’ вместо ‘invalid’, — объясняет сотрудник региональной общественной организации инвалидов «Перспективы» Ольга Котова, — по-русски мы говорим ‘человек с инвалидностью’. На сайте благотворительной организации «Перспективы» (<https://perspektivy.ru/>) рекомендуется «избегать выражения ‘человек с ограниченными возможностями’, так как оно наравне со словами ‘больной’, ‘калека’, ‘неполноценный’ создает стереотип вокруг человека».

Таким образом, культурный компонент отечественной интерпретации политической корректности требует внимательного отношения, а желание перенимать формулировки, принятые в так называемых политкорректных культурах, часто оказывается преждевременным. При этом следует осознавать те трудности, которые могут возникнуть при переводе тех или иных политкорректных кодов. Например,

ИЯ: *Alpine Supply is offering a new wheelchair accessible table which makes tasks like eating much easier for the disabled and the people who care for them.*

ПЯ: Фирма *Alpine Supply* предлагает новый стол, доступный для инвалидных колясок, который значительно облегчает такие задачи, как питание для инвалидов и людей, ухаживающих за ними [см. также Tretyakova 2016].

Внедрение новых мультимедийных технологий и массовая компьютеризация многих областей приводит к взаимодействию людей в разных информационных пространствах и к необходимости при обмене вербальной и невербальной информацией вырабатывать доминантные поведенческие шаблоны. Унификация данных шаблонов приводит к созданию стереотипных кодов поведенческой культуры. К ним относятся и эмодзи, и нетикетные формулы. Понимание данных кодов и их идентификация представляют большой интерес в рамках СМС (Computer Mediated Communication). В последнем случае имеется в виду общение людей с помощью электронных средств связи. Эти люди знакомы друг с другом, и контакт носит преимущественно межличностный, а не общественный характер.

В.И. Карасик провел исследование сетевых высказываний по принципам позитивной и негативной вежливости. Анализ материалов русскоязычной сетевой коммуникации показывает, что этому виду общения свойственна позитивная вежливость, а «антивежливость» часто проявляется в игровой форме [Карасик 2018]. Такие предпочтения могут объясняться тем, что возникающие моменты несогласия и напряжения между друзьями в социальной сети смягчаются, так как нет цели прерывания коммуникации. Участники общения снимают разногласия либо через акцентирование положительного образа коммуниканта («*Ну, не обижайся, милый, я любя*»), либо через юмор («*И ты, Брут???*») [op.cit.:108].

Современные средства массовой информации активно используют стратегии вежливости как фактор, влияющий на эффективную социализацию. Более того, в настоящее время даже компьютерная коммуникация, компьютерные приложения (как синхронные, так и асинхронные), используют разработанные свои собственные рекомендации по стратегиям вежливой коммуникации, находящейся под контролем медиаторов. Таким образом, создаются особые жанры сетевой коммуникации. Одним из которых являются электронные тексты – комменты, основанные на оценочных номинациях [Третьякова, Спиридонова 2020]. Вежливость связана, как правило, с выражением комплиментов: *You are such ElizaBEAUTY!*, а антивежливость — с вы-

ражением отрицательных оценок: *@jew-collins You people never fail to amaze me. You eternal whiners sometime believe your own filthy lies. Its really quite amusing... schwein!*

В среде, опосредованной компьютером, появились специальные формы сетевого этикета, нетикета, (англ. net, netiquette), которые противостоят грубым ‘анти-вежливым’ стратегиям флейминга, троллинга, хотлинкинга, спама и т. д. [Третьякова, Спиридонова 2012]. Подобная анти-вежливая стратегия также может рассматриваться как предмет антиномии, т. е. выражения интенциональных противоположностей. Причем, антивежливость практически всегда реализуется в грубой форме выражения и целенаправленного нарушения стратегий и тактик вежливого общения. Построенная на конфронтации агонистическая коммуникация характерна для политического дискурса периода информационных войн.

В заключении хотелось бы отметить факт активного развития теории лингвистической вежливости, основные направления которой обусловлены изменениями коммуникативной среды в эпоху Интернет-коммуникации, и определением новых культурно-социальных приоритетов, накладываемых медийным дискурсом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — СПб.: Лениздат, 1992. — С. 400.
2. Карасик В.И. Вежливость и “антивежливость” в сетевом дискурсе // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: Материалы Международной науч. конференции, состоявшейся в Ин-те лингвистики РГГУ 23–24 окт. 2018 г. / сост. и отв. ред. Шаронов И.А. — М.: Полит. энциклопедия, 2018. — С. 104–114.
3. Руберт И.Б. Капитонова М.А. Перевод культурологически маркированных лексических единиц в аспекте категории симметрии // Лингвистика в эпоху глобализации (сборник статей к юбилею Виктора Владимировича Кабакчи под редакцией Е.В. Белоглазовой). — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. — С. 102–113.
4. Руберт И.Б. Проблема перевода безэквивалентных терминов // Сборник научных статей по итогам II Всероссийской научной конференции с международным участием «Гуманитарные науки и вызовы нашего времени» (СПб., 05–06 марта 2020). — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. — С. 95–98.
5. Третьякова Т.П., Спиридонова В.А. К вопросу о нетикетном речевом поведении в электронном дискурсе // Вестник СПбГУ, 2012, Серия 9. Вып.3. — СПб.: СПбГУ, 2012. — С. 168–171.
6. Третьякова Т.П., Спиридонова В.А. Комментирование и англоязычный Интернет-коммент // Англистика в миниатюрах: Языковая палитра культуры. под общей ред. Е.Г. Хомяковой. — СПб.: Астерион, 2020. — С. 108–125.

7. Hofstede G. Culture's Consequences: International differences in work related values, Sage Publications, London and Beverly Hills, 1980. 475 p.

8. Kulbayeva A. Balancing power and solidarity through indirectness: A case study of Russian and Kazakh meeting chairs // Journal of Politeness Research Language Behaviour Culture 16 (2). DOI: 10.1515/pr-2017-0054

9. Leech G., Larina T. Politeness West and East Russian Journal of Linguistics // Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2014. — № 4. — P. 9–34.

10. Locher, Miriam A. and Larina, T.V. Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts // Russian Journal of Linguistics, 2019. — 23 (4). — P. 873–903.

11. Tretyakova T.P. On Politeness in Translation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. — No 3 (9), 2016. — P. 653–661.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

12. The New York Times <https://www.nytimes.com/2017/02/15/opinion/disabled-shunned-and-silenced-in-trumps-america.html>

13. USA Today <https://www.usatoday.com/story/news/2016/12/26/manitowoc-handicapped-disabled-helping-hand-investors-community-bank/95802664>

14. USA Today <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2017/03/28/supreme-court-texas-death-penalty-execution-intellectual-disability/98218248>

15. BBC <https://www.bbc.com/russian/news-45667220>

A.A. Шумков

КАТЕГОРИЯ ВИДА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

С применением формально-логического подхода к моделированию языковых явлений рассматривается категория вида в русском и английском языках. Выдвинуто предположение, что видовые оттенки в сказуемом могут быть обусловлены зарядовыми отношениями глагольного семифинитива и временного уточнителя. Обсуждены сочетания видовых оттенков: временной полосы и совершенности, а также совершенности и непрерывности.

Ключевые слова: глагольный вид, сказуемое, семифинитив, русский язык, английский язык.

A.A. Shumkov

CATEGORY OF ASPECT IN RUSSIAN AND ENGLISH: A FORMAL-LOGICAL APPROACH

A formal logical approach being applied to modelling language phenomena, the category of aspect is considered in Russian and English. It is assumed that aspectual

tinctures in predicate can be stipulated by charge interrelations between verbal semi-finitive and time specifier. The combinations of aspectual tinctures — time-log and completeness, as well as completeness and continuity — have been discussed.

Keywords: verb aspect, predicate, semifinitive, Russian, English.

Категория вида, универсальная для всех языков мира, выражается в русском и английском языках, принадлежащих одной языковой семье, с известной разницей. Наиболее разительным отличием является то, что русский глагол уже на уровне словаря представлен в двух формах — совершенной и несовершенной, в то время как английский глагол на том же уровне представлен лишь одной формой. В более ранние периоды эта двойственность существовала и в английском языке, но с течением времени обсуждаемая разница окончательно упрочилась. Проблема соотношения способов выражения категории вида в русском и английском языках издавна привлекает внимание лингвистов практически всех направлений.

Как правило, российские и зарубежные ученые рассматривают категорию вида в ее современном состоянии, не всегда уделяя внимание истории русского и английского языков и, тем более, низведению их к праиндоевропейскому состоянию. В результате глагольный вид объясняется весьма различными подходами.

Так, считается, что в русском языке с помощью категории вида выражаются особые свойства глагола — характер протекания действия в его отношении к внутреннему пределу, результату, длительности, повторяемости [Голанов 1967: 172]. Совершенная и несовершенная формы глагола противопоставляются, как правило, по наличию / отсутствию результата (или предела) действия. Традиционно категорию вида определяют как систему противоположенных друг другу двух рядов глагольных форм: обозначающих ограниченное пределом целостное действие, и, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия.

Практически все русские глаголы имеют видовые пары. По поводу формального состава этих пар мнения также разнятся. Так, В.В. Виноградов считает, что члены любой видовой пары есть формы одного глагола, поскольку лексические значения этих членов тождественны. Согласно Ю.С. Маслову и А.В. Бондарко, в парах типа делать — сделать функционируют разные глаголы, а в парах типа переписать — переписывать — один и тот же глагол. Эта трактовка основана на понятии

имперфектности, отвечающей за регулярность образования видовых пар [Бондарко 1967: 69].

В современном русском языке различают следующие типы видовых пар [Виноградов 1986: 87]: «безпрефиксный глагол несовершенного вида — префиксальный глагол совершенного вида», например, делать — сделать (образование перфектности), «префиксальный глагол совершенного вида — суффиксальный глагол несовершенного вида», например, переписать — переписывать или «бесприставочный глагол совершенного вида — суффиксальный глагол несовершенного вида», например, решить — решать (образование имперфектности), а также супплетивные глаголы, например, брать — взять, класть — положить.

Богатство русских морфологических форм не только приводит к мысли о существовании различных типов видовых пар, но и заставляет думать, что признанием лишь двух видов ограничиваться не стоит. Так, по мнению В.В. Виноградова, вид, как морфологическая категория глагола, наиболее тесно связанная с лексикой, имеет множество оттенков, которые являются порождением и отражением состояния языка, а отчасти — результатом постоянного его развития [Виноградов 1986: 530]. Поэтому в системах совершенного и несовершенного видов наблюдается семантическая дифференциация на подвиды, которая проявляется в способах действия. В зависимости от этих способов глаголы распределяются в три семантико-словообразовательные группы. Особое место в системе несовершенного вида занимают глаголы движения, которые являются устойчивой структурно-семантической группой глаголов, объединяющихся в пары слов с общим корнем. Эти слова противопоставлены друг другу по значениям однонаправленности — неоднаправленности движения, а также по кратности — не кратности [Голанов 1967: 146].

В отношении английского языка считается, что категорию вида следует признать в большей степени семантической категорией, чем грамматической, поскольку в нем отсутствуют морфологически оформленные видовые пары. Однако многие лингвисты настаивают на том, что категория вида неотделима от категории времени и является частью английской видовременной системы английских глаголов.

Сторонники семантической трактовки полагают, что следует выделять особые видовые группы, например, различать среди видов повторяющийся, начинательный, результативный, завершённый и продолженный [Kennedy 1935: 303]. В глаголе предлагается почув-

ствовать указание на способ протекания действия: действие в целом, его начало, окончание, длительность, повторяемость и т. д. Однако такой подход не может предложить строгой системы, в нем категория вида объясняется с помощью сугубо лексических средств передачи характера протекания действия.

Весьма прозорливым является взгляд лингвистов, рассматривающих категорию вида и категорию времени как единое целое. Этого мнения придерживаются Л.С. Бархударов, И.П. Иванова, Д. Штеллинг и др. Может показаться, что категории вида и времени характеризуют действие с различных позиций, но в языке возможна совместная реализация всех грамматических категорий.

С преимущественным вниманием к аспектуальности Г.Н. Воронцова выделяет в английском языке три вида: перфект, длительный и неопределенный [Воронцова 1960: 154].

Видовое содержание неопределенных, длительных, перфектных и перфектно-длительных временных форм глагола раскрывается различными лингвистами с известными сложностями. В отечественной традиции вид глагола рассматривается как грамматическая категория. А.И. Смирницкий объясняет «грамматичность» вида в английском языке тем, что, например, конструкции *he sat* и *he was sitting* лексически тождественны и различаются лишь морфосинтаксическим оформлением. Сугубо видовыми А.И. Смирницкий считает лишь *Indefinite* и *Continuous*, и исключает *Perfect*, видя в нем не-видовую, особую категорию — категорию временной отнесенности [Смирницкий 1955: 67], заключающуюся в оппозиции перфектных и неперфектных форм. Л.С. Бархударов определяет вид как грамматическую категорию, выражающую способ совершения действия [Бархударов 1973: 113]. Вид конституируется противопоставлением двух оппозиций: недлительного (общего) и длительного вида, который выражается посредством *Continuous*. Вместе с тем М.Я. Блох отмечает, что длительный вид является маркированным и аналитическим [Блох 1983: 193]. По определению И.Г. Кошевой, «видовой характер глагола — это зависимое грамматическое значение, объединяющее глаголы по отношению обозначаемого ими действия к пределу» [Кошечая 1982: 183]. Тем самым, можно выделить глаголы предельные, непредельные, а также имеющие двойственный видовой характер.

Весьма часто видовой конструкцией однозначно принимается лишь одна — *Continuous*. Пожалуй, это объясняется также и тем фак-

том, что среди всех германских языков лишь английский включает ее в видовременную систему. К семантической трактовке прибегает Б.С. Хаймович, «... по своему семантическому содержанию форма недлительного (общего) вида должна быть охарактеризована как экстенсивная, в то время как противостоящая ей форма длительного вида по семантическому характеру является интенсивной» [Хаймович 1967: 96].

В связи с вышеизложенным можно заключить, что категория вида является одной из самых сложных категорий, способных как к независимому выражению с помощью лексических средств, так и к выражению с помощью средств грамматических, в частности, видовременных конструкций.

Однако категория вида проявляется и в инфинитных формах. Русский и английский языки обладают развитой системой второстепенных глагольных членов, различающихся видовыми чертами, но находящихся вне времени.

Отдавая дань уважения лексической концепции мы, все же, склонны выявить сугубо грамматические основания для функционирования категории вида в русском и английском языках и воспользоваться формально-логическим подходом к моделированию явлений, обнаруживаемых в языке и речи. Для этого следует определиться с уровнями процесса, который в датском структурализме описывался в терминах глоссы и является процессом возведения словарных форм в речь.

Согласно идее двухчастности, высказанной в 1993 году в СПбГЭТУ «ЛЭТИ», глоссу можно представить как систему четырех уровней — словарь, семифинитивная среда, язык и речь (устная и письменная). На каждом уровне пользователь глоссы обладает известными свободами. Речь в настоящей статье будет выведена из рассмотрения, и в качестве конечного уровня мы примем язык. Выше этого уровня заканчиваются грамматические свободы — морфологического и синтаксического оформления лексических единиц на уровне речи не происходит. Также, сообразуясь с объемом настоящей статьи, мы ограничимся конструкциями действительного залога.

В идее двухчастности сказуемое считается соположенным с уровнем языка и представляет собой поляризующийся глагольный семифинитив, зафиксированный по верхней или нижней плоскости временного уточнителя. По аналогии с инфинитивами I и II различаются семифинитивы I и II. Семифинитивы могут быть также простыми

и сложными. Сила, слабость или сверхслабость семифинитива определяется его объемом и имеет отношение к несовершенности / совершенности.

Рассмотрим образы (формы) русских и английских глаголов на различных уровнях — словарь, семифинитивная среда и язык, уделяя особое внимание выражению аспектуальности.

Уже на уровне словаря русские и английские глаголы разнятся морфологическим оформлением вида. В русском языке в словарных формах проявляются видовые пары (делать — сделать). В английском языке словарные формы не имеют видовых различий.

В более высоких средах вид соотносится с силой, слабостью или сверхслабостью семифинитива, а также с особенностями фиксации семифинитива в уточнителе.

На уровне семифинитивной среды русские глаголы несовершенного вида могут пребывать в сверхслабых и сильных семифинитивах I и II, а глаголы совершенного вида — лишь в сверхслабых семифинитивах I и II и в сильных семифинитивах II:

Семифинитивы I

делать — сделать

Семифинитивы II

являться делал — быть делал

являться сделал — быть сделал

Английские глаголы пребывают как в сверхслабых, так и в сильных семифинитивах; большинство простых семифинитивов могут быть слабыми:

Семифинитивы I

do

Семифинитивы II

have done

На уровне языка русским сильным семифинитивам позволено фиксироваться только по нижней плоскости уточнителя, а сверхслабым семифинитивам — только по верхней:

План настоящего

Семифинитивы I

я делаю — я сделаю

Семифинитивы II

я емь делал — я буду дела(л→ть)

я емь сделал — нет

План прошедшего

Семифинитивы I

net — net

Семифинитивы II

net — я делал бы

net — я сделал бы

Английские сильные семифинитивы также фиксируются только по нижней плоскости, а сверхслабые — как по нижней, так и по верхней:

План настоящего

Семифинитивы I:

I do — I (will) do

Семифинитивы II:

I have done — I (will) have done

План прошедшего

Семифинитивы I:

I did — I (would) do

Семифинитивы II:

I had done — I (would) have done

При этом исключительно определяющими оказываются особенности фиксации. Согласно идее двухчастности, глагольный семифинитив состоит из разнозаряженных мембраны и внутренней полости и, следуя колебаниям времени, заведомо поляризован. При фиксации во временном уточнителе поляризованность семифинитива может увеличиваться или уменьшаться, что приводит к возникновению в сказуме видовых оттенков. Наиболее полно особенности поляризации могут быть представлены следующей схемой 1.

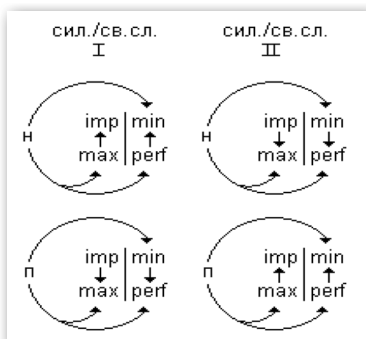

Схема 1. Особенности поляризации глагольных семифинитивов:

сил./св.сл. I — сильные / сверхслабые семифинитивы I;

сил./св.сл. II — сильные / сверхслабые семифинитивы II;

н — план настоящего;

п — план прошедшего.

Вышеупомянутые мембрана и внутренняя полость для сверхслабых семифинитивов обозначены как

perf и min, а для сильных — как imp и max соответственно. В этих обозначениях заключены и видовые оттенки:

min — видовой оттенок будущности;

max — видовой оттенок временной полосы;

perf — видовой оттенок совершенности;

imp — видовой оттенок несовершенности.

Как видно, в универсальном формально-логическом представлении сказуемое может обладать двенадцатью видовременными оттенками.

Рассмотрим эти оттенки для русского и английского языков.

Сверхслабый семифинитив I в плане настоящего, верхняя фиксация: я делаю, я сделаю и *I do, I will do*.

Эти конструкции приобретают четкий оттенок будущности, причем в первой и третьей он выражен неявно, а во второй и четвертой — явно: во второй конструкции верхняя фиксация маркируется формообразующим аффиксом *-s*, а в четвертой конструкции — формообразующим словом *will*, представляющим собой сверхсильный уточнитель. Отметим, что в случае полной лексической десемантизации английские сверхсильные уточнители *shall* и *will* могут быть поставлены в один ряд с единицами, образующими сугубо грамматические формы. Следует также отметить, что в английских сверхсильных уточнителях *can*, *may* и *must*, имеющих лексическое значение, возможна верхняя фиксация и конструкции *I do* и *I will do* преобразуются в семантически обогащенные разновидности, например, в конструкцию с оттенком будущности *I can do* (я (с)могу сделать).

Сверхслабый семифинитив I в плане настоящего, нижняя фиксация: *I do*.

Эта конструкция приобретает нечеткий оттенок совершенности, выраженный неявно. Отметим, что в английских сверхсильных уточнителях *can*, *may* и *must*, имеющих лексическое значение, также возможна нижняя фиксация и конструкция *I do* преобразуется в семантически обогащенные разновидности, например, *I can do* (я могу (с) делать).

Сильный семифинитив I в плане настоящего, нижняя фиксация: я делаю и *I do*.

Эти конструкции приобретают нечеткий оттенок временной полосы, выраженный неявно.

Сверхслабый семифинитив II в плане настоящего, верхняя фиксация: я буду делать и *I have done, I will have done*.

Эти конструкции приобретают нечеткий оттенок будущности, причем в первой и третьей он выражен явно, а во второй — неявно: в первой конструкции верхняя фиксация маркируется супплетивной формой глагола быть, а в третьей — формообразующим словом *will*, представляющим собой сверхсильный уточнитель. Как уже отмечалось, в английских сверхсильных уточнителях *can, may* и *must* может пройти верхняя фиксация и конструкции *I have done* и *I will have done* преобразуются в семантически обогащенные разновидности, например, *I can have done* (я (с)могу сделать).

Нечеткость оттенка будущности приводит к тому, что в английском языке эти конструкции, как правило, сопровождаются указанием на четкое время, например, *I will have done it by 5 o'clock*. В русском языке такой сбалансированности не наблюдается. Однако можно сделать предположение (весьма малодоказуемое), что в современном русском языке, вследствие перестройки причастия II *делал* в образ *делать* конструкция я буду делать воспринимается как сверхслабый семифинитив I, зафиксированный в плане настоящего по верхней плоскости, и становится тождественной конструкции *I will do*.

Сверхслабый семифинитив II в плане настоящего, нижняя фиксация: *I have done*.

Эта конструкция приобретает четкий оттенок совершенности, неявно выраженный. Как уже отмечалось, в английских сверхсильных уточнителях *can, may* и *must*, имеющих лексическое значение, возможна нижняя фиксация и конструкция *I have done* преобразуется в семантически обогащенные разновидности, например, *I must have done* (я, должно быть, сделал).

Сильный семифинитив II в плане настоящего, нижняя фиксация: я делал, я сделал и *I have done*

Эти конструкции приобретают четкий оттенок временной полосы, выраженный неявно. Однако вторая конструкция, благодаря причастию II совершенного вида, выражает совершенность (иногда совместимую с временной полосой — Я сделал это за два дня).

Сверхслабый семифинитив I в плане прошедшего, верхняя фиксация: *I did, I would do*.

Эти конструкции приобретают нечеткий оттенок будущности, причем в первой он выражен неявно, а во второй — явно: верхняя

фиксация маркируется формообразующим словом *would*, представляющим собой сверхсильный уточнитель. Как уже отмечалось, в случае полной лексической десемантизации английские сверхсильные уточнители *should* и *would* могут считаться единицами, образующими сугубо грамматические формы. В противном случае конструкция *I would do* будет семантически обогащенной (я желал бы сделать). В английских сверхсильных уточнителях *could* и *might*, имеющих лексическое значение, также возможна верхняя фиксация и конструкции *I did u I would do* преобразуются в семантически обогащенные разновидности, например, *I could do* (я (с)мог бы сделать). Сослагательность достигается в этих конструкциях, предположительно, сдвигом действия в план прошедшего, где оттенок будущности при фиксации семифинитива по верхней плоскости становится нечетким.

Сверхслабый семифинитив I в плане прошедшего, нижняя фиксация: *I did*

Эта конструкция приобретает четкий оттенок совершенности, выраженный неявно. В английских сверхсильных уточнителях *could* и *might*, имеющих лексическое значение, возможна нижняя фиксация и конструкция *I did* преобразуется в семантически обогащенные разновидности, например, *I could do* (я (с)мог (с)сделать).

Сильный семифинитив I в плане прошедшего, нижняя фиксация: *I did*. Эта конструкция приобретает четкий оттенок временной полосы, выраженный неявно.

Сверхслабый семифинитив II в плане прошедшего, верхняя фиксация: *я делал бы, я сделал бы u I had done, I would have done*.

Эти конструкции приобретают четкий оттенок будущности, причем в первой, второй и четвертой он выражен явно, а во второй — неявно: в первой и второй конструкциях верхняя фиксация маркируется супплетивной формой глагола быть, а в четвертой — формообразующим словом *would*, представляющим собой сверхсильный уточнитель. Как уже отмечалось, в английских сверхсильных уточнителях *can*, *may* и *must* может пройти верхняя фиксация и конструкции *I had done* и *I would have done* преобразуются в семантически обогащенные разновидности, например, *I could have done* (я (с)мог сделать). Английские конструкции для выражения будущности используются преимущественно в зависимых предложениях.

Сослагательность в конструкциях *я делал бы* и *я сделал бы* достигается, предположительно, сдвигом действия в план прошедшего, однако

оттенок будущности при фиксации семифинитива по верхней плоскости является четким. Весьма гипотетически эти конструкции могли бы восприниматься как сверхслабый семифинитив I, зафиксированный в плане прошедшего по верхней плоскости, т. е. в тождестве с конструкцией *I would do*, особенно в случае разновидностей *делать бы мне* и *сделать бы мне*.

Сверхслабый семифинитив II в плане настоящего, нижняя фиксация: *I had done*.

Эта конструкция приобретает нечеткий оттенок совершенности, неявно выраженный. Как уже отмечалось, в английских сверхсильных уточнителях *can*, *may* и *must*, имеющих лексическое значение, возможна нижняя фиксация и конструкция *I had done* преобразуется в семантически обогащенные разновидности, например, *I might have done* (я, возможно, сделал). Нечеткость оттенка совершенности приводит к тому, что в независимых предложениях эта конструкция нередко сопровождается указанием на четкое время, например, *I had done it by 5 o'clock*, в основном же она используется в зависимых предложениях.

Сильный семифинитив II в плане настоящего, нижняя фиксация: *I had done*.

Эта конструкция приобретает нечеткий оттенок временной полосы, выраженный неявно. Вследствие нечеткости оттенка эта конструкция используется преимущественно в зависимых предложениях.

Настоящее формально-логическое представление основано на строгих закономерностях зарядовых отношений. Эти отношения в физическом мире универсальны и, как мы полагаем, проявляются во всех языках, в той или иной мере. Русский и английский языки в глубине своих систем (тем более, что это системы однородные, индоевропейские) строят свои видовременные конструкции, по существу, одинаково.

По результатам анализа зарядовых отношений в видовременных конструкциях можно подвести следующий итог. На уровне сказуемого вид и время — это единая грамматическая категория, которая характеризует действие по виду его протекания во времени, а именно: длится ли оно — временная полоса (*max*), завершено ли — совершенность (*perf*) или устремлено в будущее — будущность (*min*). При этом время может быть представлено как планом настоящего, так и планом прошедшего. На вневременных уровнях существует только одна кате-

гория вида; в русском языке она проявляется в словарных, семифинитивных и инфинитных формах, а в английском — лишь в семифинитивных и инфинитных. В инфинитных формах (инфинитивах и (в случае английского языка) герундиях) также можно говорить о зарядовых отношениях, но это тема отдельной статьи.

В английском языке существуют особые длительные глагольные формы, которые имеют видовое значение непрерывности (Continuous); это отличает английский язык не только от русского, но и от родственных германских языков. Непрерывность (cont) может сочетаться с каждым из трех видовых оттенков (max, min и perf). Пожалуй, под «общим видом» следует понимать недлительные формы, а под «длительным видом» — формы Continuous. Соответственно, для английского языка правильнее считать оппозицию непрерывность / прерывность дополнительным компонентом, составляющим категорию вида.

Содержание категории вида в русском и английском языках, по существу, одинаково. Однако в русском языке значение вида максимально оформляется с помощью разнообразных грамматических показателей. В английском же языке вне контекста определить значение вида бывает весьма затруднительно.

В русском языке для видовой дифференциации сохранились особые средства: суффиксы и префиксы. Префиксальные глаголы функционируют, в основном, как глаголы, выражающие действие с достигнутым пределом (глаголы совершенного вида), а суффиксальные глаголы — как глаголы, выражающие действие, не достигшее предела (глаголы несовершенного вида). Английский язык эти средства утратил; впрочем, этимология глагола позволяет сторонникам семантического подхода обнаруживать видовые признаки уже на уровне словарной формы.

Характерной особенностью русской и английской глагольных систем является тесная связь вида и времени в сказуемом. Степень их связности, будучи определяема зарядовыми отношениями семифинитива и уточнителя, абсолютна, а иерархически первичной является категория вида, поскольку сказуемое представляет собой заведомо поляризованный глагольный семифинитив, зафиксированный во временном уточнителе и подвергшийся дальнейшей поляризации. Тем самым, русская и английская видовая система — это сочетание бинарной оппозиции семифинитивов I и II с бинарной оппозицией сильного и сверхслабого семифинитивов (слабый семифинитив

в английском языке воспринимается через сильный или сверхслабый). Также в английском языке добавляется бинарная оппозиция semifинитивов, выражающих прерывное или непрерывное действие.

Русский несовершенный вид, на первый взгляд, гораздо шире, чем английский, поскольку в русском языке сильные semifинитивы II могут включать в себя причастие II совершенного вида и выражать, при (нижней) фиксации в плане настоящего, совершенный вид. Однако в английском языке нижняя фиксация в плане настоящего допускается и для сверхслабых semifинитивов II, что приводит к возникновению четкого оттенка совершенности. Пожалуй, сочетание временной полосы с совершенностью в русском языке может лишней раз подтвердить предположение, что русские формы совершенного вида обозначают не только сам факт совершения действия, но вместе с тем и полноту его осуществления. Остается открытым вопрос, не является ли английский Present Perfect Continuous, построенный на сверхслабом semifинитиве II, аналогом такого случая. При этом придется признать, что в английском языке полнота осуществления действия может быть выражена посредством указания на его непрерывность. В самом деле, формы Continuous в английском языке не просто выражают действие, но акцентируют его конкретность, наглядность и представляют его как бы происходящим (или происходившим) на глазах говорящего. И в русском, и в английском языках тесная связь между категориями времени и вида выявляется лишь на уровне сказуемого, где их отношения характеризуются изрядным сходством. Различия определяются не столько системно-структурными особенностями этих языков, сколько ментальностью людей соответствующих национальностей, избирающих для выражения категории вида разнообразными средствами из общего, универсального арсенала. Формально-логический подход может оказаться, как нам представляется, весьма эффективным при изучении особенностей выражения видовых оттенков не только в финитных, сказуемых формах, но и в инфинитных формах второстепенных глагольных членов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бархударов Л.С., Штеллинг Д.А. Грамматика английского языка. — М: Изд-во литературы на иностранных языках, 1973. — 422 с.
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник. Для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов. — М.: Вышш. школа, 1983. — 383 с.

3. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). — М.: Просвещение, 1971. — 240 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Уч. пос. для вузов / отв. ред. Г. А. Золотова. — 3-е изд., доп. — М.: Высшая школа, 1986.
5. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960. — 400 с.
6. Голанов И.Г. Морфология современного русского языка — 3-е изд. — М.: Высш. шк., 1967. — 287 с.
7. Кошечая И.Г. Теоретическая грамматика английского языка. — М.: Просвещение, 1982. — 334с.
8. Смирницкий А.И. Перфект и категория временной отнесенности // Иностранные языки в школе, 1955, № 1, 2.
9. Хаймович Б.С., Роговская Б.И. A course of English Grammar. Теоретическая грамматика английского языка.— М.: Просвещение,1967. — 318 с.
10. Kennedy A. G. Current English. — Boston: Ginn and Company, 1935—737p.

РАЗДЕЛ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА И ТЕОРИИ ДИСКУРСА

Э.Б. Арутюнян

К ВОПРОСУ О НАЗВАНИИ РОМАНА В. ВУЛЬФ «ВОЛНЫ»

В статье делается попытка найти ключ к пониманию романа «Волны» через эволюцию его названия. Центральный образ волн, который становится названием романа, олицетворяет собой определенный ритм, полагаясь на который и писался роман, а не на сюжет. Именно ритм произведения формирует его композицию, обогащает его дополнительной энергией и открывает новые контекстуальные пространства в нем.

Ключевые слова: ритм, ритмизованная структура, энергия, бесконечность существования.

E.B. Haroutunian

ON THE TITLE OF V. WOOLF'S «THE WAVES»

The article attempts to obtain the key to the meaning of the novel «The Waves» through the evolution of its title. The central image of waves, which builds up the title of the novel, embodies a particular rhythm, to which (not to the plot), the novel was written. The rhythm of the novel creates its composition, enriches the text with an additional energy of hidden, understated meanings and emotions, thus, opening up new contextual spaces of the novel.

Key words: rhythm, rhythmical structure, energy, the incessant existence.

Весной 1927 года Вирджиния Вульф получает от своей сестры Ванессы Белл, отдыхавшей в тот год в Провансе, письмо (от 3 мая, из Кассиса), которому суждено сыграть значительную роль в замысле и реализации самого инновационного, самого сложного и лучшего из романов писательницы. В своем письме В. Белл упоминает появление невероятно большого по размерам мотылька, которого по ошибке ее друзья принимают за летучую мышь или птицу. Мотыльки постоянно

присутствуют в их прованском доме по вечерам, о чем она подробно пишет сестре в письмах:

«I sit with moths flying madly in circles *round me and lamp*. You cannot imagine what it's like. One night some creature tapped so loudly on the pane that Duncan said 'Who is that?' 'Only a bat,' said Roger, 'or a bird'. But it was not man or bird, but a huge moth — half a foot, literally, across» [Bell 1998: 314].

Образ мотыльков, проникающих вечерами в дом и мечущихся вокруг лампы, — источника света, дом возле моря во Франции, напоминающий дом их детства в Корнуолле и письма сестры того лета долго не оставляют писательницу равнодушной, и уже в середине июня она делает запись в дневнике, посвященную будущему роману (18 июня 1927). Пока это еще предчувствие романа, разрозненные идеи и образы, но увлеченная образом мотыльков, снующих вокруг источника света, В. Вульф так и планирует назвать свой роман — «Мотыльки»:

«Slowly ideas begin trickling in; & then suddenly I rhapsodized (the night L. dined with the apostles) & told over the story of the Moths, which I think I will write very quickly, perhaps in between chapters of that long impending book on fiction. Now the moths will I think fill out the skeleton which I dashed in here: the play-poem idea: the idea of some continuous stream, not solely of human thought, but of the ship, the night & c, all flowing together: intersected by the arrival of the bright moths. A man & a woman are to be sitting at a table talking. Or shall they remain silent? It is to be a love story: she is to finally let the last great moth in. The contrasts might be something of this sort: she might talk, or think, about the age of the earth: the death of humanity: then moths keep on coming. Perhaps the man could be left absolutely dim. *France: near the sea; at night; a garden under the window*. But it needs ripening. I do a little work on it in the evening when the gramophone is playing late Beethoven sonatas. (The windows fidget at their fastenings as if we were at sea)» [Woolf 1983: 139].

Этот же образ сохраняется в дневниковых записях В. Вульф и спустя два года (28 мая 1929 года):

«*Now about the book, The Moths. How am I to begin it? And what is it to be? I feel no great impulse; no fever; only a great pressure of difficulty*». В поисках композиции писательница перебирает череду образов — «поток мотыльков», «острова света», «размышления», «женщина, запускающая мотылька в окно», «женщина рядом с лампой». Образ лампы как источника света, тепла, другими словами, жизни чередуется

в ее записях с образом цветка, к которому прибегает В. Вульф, чтобы передать постоянное обновление природы и жизни, и воспроизводит его в романе — в третьей интерлюдии. Роман выстраивается двумя потоками: горизонтальным в виде размышлений и движения мотыльков, и вертикальными доминантами в образе цветка / лампы.

В дальнейшем этот образ становится одним из самых подвижных в романе, переживает несколько трансформаций — лампа / цветок преобразуется в образ дерева в первом эпизоде и затем в центрального героя романа — Персиваля, который становится для остальных персонажей символом света и их жизненной доминантой. Подобно мотылькам, стремящимся к свету лампы, все шесть героев романа тяготеют к Персивалю, каждое появление которого переплетается с мотивами света и огня, что придает его образу еще больше героизма и благородного блеска и напоминают нам о рыцаре Персивале и Священном Граале. Слово ‘волны’ еще не прозвучало, несмотря на то что писательница уже экспериментирует в их направлении, нащупывает канву романа через ‘море’, ‘бесконечный поток не только человеческой мысли’, поток звуков — сонаты Бетховена, которые затем прозвучат в последнем монологе одного из героев:

«I am not trying to tell a story. Yet perhaps it might be done in that way. A mind thinking. They might be islands of light—islands in the stream that I am trying to convey: life itself going on. The current of the moths flying strongly this way. A lamp & a flower pot in the centre. The flower can always be changing. But there must be more unity between each scene than I can find at present. Autobiography it might be called. How am I to make one lap, or act, between the coming of the moths, more intense than another; if there are only scenes? One must get the sense that this is the beginning; this is the middle; that the climax — when she opens the window & the moth comes in. I shall have the two different currents — the moths flying along; the flower upright in the centre; a perpetual crumbling & renewing of the plant. In its leaves she might see things happen» [Woolf 1983: 229].

Спустя два года после первого письма Ванессы Белл из Франции писательнице все-таки придется окончательно отказаться от идеи названия «Мотыльки» — тот факт, что «мотыльки не летают днем» мог бы ограничить повествование романа. Но образ мотыльков не будет утрачен в романе, он трансформируется в мириаду героев — Бернарда, Сьюзен, Роду, Невила, Джинни, Луи, Персиваля. И она вновь вернется к «мотылькам», но уже не в форме романа, а в форме очень корот-

кого эссе, которое будет опубликовано уже после ее смерти в 1942 году — «Смерть мотылька». Образ мотылька — это очень сильная метафора жизни и нестигаемости перед смертью у В. Вульф: мотылек отчаянно бьется о стекло, пытаясь найти выход к безмятежному сельскому осеннему пейзажу за ним. Писательница наблюдает этот энергичный и безжалостный перформанс, пытаясь помочь карандашом обрести обесиленному мотыльку, опрокинувшемуся навзничь на подоконнике, вертикальное положение. Мотылек вновь и вновь обрушивается на стекло: «*He was little, or nothing but life*». И проигрывает эту битву со смертью: «*The moth having righted himself now lay most decently and uncomplainingly composed. O yes, he seemed to say, death is stronger than I am*». Внимательному читателю эта схватка мотылька со смертью напомнит последнюю экзотическую битву другого *мотылька* Бернарда в самом конце романа, когда подобно рыцарю с копьем наперевес он бросится навстречу смерти, чтобы проиграть. Может быть, именно эта ограниченность *мотылька*, который всегда слабее смерти, и заставляет писательницу отказаться от названия “Мотыльки” и искать более сильный образ — образ бесконечности жизни.

Воспоминания о доме ее детства на берегу океана в Корнуолле, в котором всегда, подобно героям романа, отдыхали три девочки и четыре мальчика (братья и сестры писательницы), помогают обрести роману его центральный образ. В. Вульф обращается к звуку бесконечно набегающих волн, под который она просыпалась в Корнуолле:

«If life has memory, and in fact it is the most important of all my memories. If life has a base that it stands upon, if it is a bowl that one feels, feels and feels — then my bowl without a doubt stands on this memory. It is of lying half asleep, half awake, in bed in the nursery at St Ives. It is of hearing the waves breaking, one, two, one two, behind a yellow blind» [Woolf 2002: 78]. Образ волн раскрывает перед писательницей множество возможностей в написании самого экспериментального своего романа — благодаря этому образу роман приобретает форму, композицию и ритм. Уже 20 августа 1930 года в своем дневнике В. Вульф называет роман «Волны»:

«The Waves is I think resolving itself (I am at page 100) into a series of dramatic soliloquies. The thing is to keep them running homogeneously in & out, in the rhythm of the waves. Can they be read consecutively?» [Woolf 1983: 312].

Волны всегда создают рифму, набегаая «по две», «*the incessant rise and fall and fall and rise again*», что проиллюстрировано в композиции

романа двухчастной структурой глав, чередованием интерлюдий и основных сюжетных фрагментов, соответствующих различным периодам жизни героев [Бродский 2001: 131 Woolf 2000: xxxv]. Исключением является лишь последняя десятая интерлюдия ('*The waves broke on the shore*'), которой заканчивается роман, не порождающая соответствующего повествовательного эпизода. Но именно она оставляет философское послевкусие романа, вызывает у читателя размышления о неизбежности смерти, но и о неизбежности новой волны, нового движения и новой жизни. Последняя интерлюдия в романе не имеет себе рифмы в виде сюжетного фрагмента в романе, но выходит за границы романа и рифмуется с размышлениями самого читателя, тем самым гарантирует бесконечность мыслительного процесса и бесконечность романа в целом.

Волны рассыпаются на десять интерлюдий, выполненных В. Вульф подобно художнику-импрессионисту, и тем самым поддерживают необходимую регулярность ритма. Каждая интерлюдия рифмуется с последующей, благодаря повторяющимся в них темам — солнце, море, волны, сад, птицы, дом. Ни один образ, предмет или действие не остается без внимания, автор обязательно вновь и вновь обращается к ним в последующей интерлюдии и «вписывает» их все в новый фрагмент.

Благодаря этим лексическим и стилистическим повторам обыгрывается регулярность движения волн, и повествование обретает звучание и музыкальность, постоянное движение и энергию.

Интересно, что В. Вульф, как бы не эволюционировал ее роман, не отказывается ни от одного образа, возникшего при чтении писем сестры летом 1927 года. В первой интерлюдии сразу же появляются несколько мотивов, которые были в той или иной степени навеяны письмами Ванессы Белл из Франции, и которые будут повторяться в романе в дальнейшем: (1) образ женщины с лампой, и (2) воздействие света на предметы, который выхватывает их из тени, наделяя формой, цветом, объемом, и (3) сами мотыльки.

Женский образ с лампой в руке вновь появляется в третьей и в пятой интерлюдиях в виде танцующей и отдыхающей девушки, и позже трансформируется в охранника с лампой в руке. «Морское полотно» в первой интерлюдии получает дальнейшее развитие в образе женщин, полощущих белье в реке в пятой интерлюдии — *полотно моря* как метафора приобретает плоть и форму настоящей ткани.

Дом оживает под воздействием лучей солнца, предметы обстановки становятся видимыми, приобретают новые свойства, меняют свое состояние. Каждая интерлюдия по-своему, в зависимости от силы света в этот момент дня, проникает в дом, то «касясь» его стен лучами, то «ударяя» по нему, то «обрушиваясь» светом в пространство комнаты, то проникая в дом темнотой, что напоминает нам о свете лампы в письмах В. Белл, выхватывающем предметы обстановки дома из темноты кассиского вечера и привлекающем мотыльков.

Физическое присутствие волн в интерлюдиях проникает в повествовательные эпизоды в виде великолепной метафоры: из этого шуршания, шепота и шума волн формируются ритмизованные размышления героев, «беззвучные» монологи, происходящие на уровне сознания главных героев и открывающие их подлинную сущность и индивидуальность. Монологи героев «накатывают» на читателя, как волны: то поочередно, один герой говорит за другим, то небольшими потоками, когда каждый герой произносит по несколько монологов, прежде чем звучит голос другого. Монологи героев часто заканчиваются темой воды, вплетая отдельные ритмические фрагменты в общую музыкальную картину произведения. И подобно волнам, размышления героев, то отличаются друг от друга, то охваченные цельностью ритма их размышлений, сливаются в единое мыслительное, языковое «морское» пространство, в одинокий голос Бернарда — *'I am not one and simple, but complex and many'*. В этом приеме также угадывается метафорическое преломление *волн*, разбивающихся на множество брызг, и вновь собирающихся в единое «морское полотно».

И как бы нам не хотелось угадать в каждом из героев друзей и близких В. Вульф — Э.М. Фостера в Бернарде, Т.С. Элиота в Луи, Л. Стрейчи в Невиле, сестру писательницы В. Белл в Сюзан, М. Хатчисон в Джинни, саму В. Вульф в Роде — нельзя не забывать ее собственное признание в одном из писем: «I did mean that in some way we are the same person, and not separate people. The six characters were supposed to be one».

Старательный же читатель не оставит без внимания *мотылька*, который все-таки материализуется в седьмой интерлюдии романа. Писательница, увлеченная письмом своей сестры в 1927 году, не могла не увековечить дом возле моря, так напоминающий ей дом их детства в Корнуолле, развевающиеся от порыва вечернего ветра занавеси на окнах и гигантского мотылька, парящего над предметами

в комнате, несмотря на то, что ей пришлось отказаться от названия «Мотыльки» в пользу более сильного образа, способного структурировать и ритмизировать весь роман, — «Волны»:

«All for a moment wavered and bent in uncertainty and ambiguity, as if a *great moth* sailing through the room had shadowed the immense solidity of chairs and tables with floating wings».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бродский, И.А. Сочинения. Том 3. Санкт-Петербург, 2001. — 310 с.
2. Selected letters of Vanessa Bell. Edited by Regina Marler. 1998. — С. 583.
3. The diary of Virginia Woolf. Volume III. Edited by Anne Olivier Bell. 1983. — С. 384.
4. The diary of Virginia Woolf. Volume IV. Edited by Anne Olivier Bell. 1983. — С. 402.
5. Woolf V. Moments of being. Edited by Jeanne Schulkind. Pimlico. 2002. — С. 185.
6. Woolf V. The waves. Edited with an introduction and notes by Kate Flint. Penguin Books. 2000. — С. 240.

О.А.Барташова, С.Е. Полякова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ЭМОТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ РИТОРИКЕ

В статье рассматривается роль маркеров эмотивности в политической коммуникации. Анализ микроконтекстов речи известного американского политика и общественного деятеля Хиллари Клинтон позволяет сделать вывод о многообразии средств реализации категории эмотивности на различных языковых уровнях, а также показывает роль категории эмотивности в актуализации прагматической установки в политической предвыборной риторике.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический дискурс, прагматический потенциал, маркер эмотивности, предвыборная кампания, эмотивно-прагматическая установка.

О.А. Bartashova, S.E. Poliakova

LINGUISTIC MEANS OF IMPLEMENTING THE EMOTIVE — PRAGMATIC ATTITUDE IN POLITICAL PRE-ELECTION DISCOURSE

This article views emotive markers in political communication on the example of the speech of the famous American politician and public figure Hillary Clinton. The studied material allows to draw the conclusion about the variety of ways to implement

the category of emotivity at various language levels, as well as the productivity of its study in the context of the analysis of types of microtexts and emotive pragmatic attitudes.

Key words: political communication, political discourse, pragmatic potential, marker of emotivity, election campaign, emotive-pragmatic attitude.

Политический текст находится на пике интереса со стороны исследователей языка — внимание лингвистов привлекают различные аспекты политической коммуникации. В условиях театрализации политической деятельности возникает необходимость тщательного изучения эмотивной составляющей политического дискурса, т. к. успешное воздействие на электорат во многом зависит от умения политических деятелей произносить речи, в частности, эмоционально оказывать желаемое влияние на сознание реципиентов. Для этого политический текст должен отвечать определенным требованиям — это политическая страстность и образность, острота и яркость изложения. Высокая эмоциональность речи зачастую является определяющим фактором реализации прагматической цели, которую ставит перед собой политический деятель.

Проблема изучения эмоций издавна занимает умы ученых различных областей знаний о человеке. Эмотиология исследует проявления эмоций в различных культурах и различных дискурсах. Изучение и анализ языковых средств выражения эмотивности является предметом изучения лингвистов. Вопросом репрезентации эмоций в языке занимаются такие видные ученые как В.И. Шаховский [Шаховский 1987], В.Ю. Апресян [Апресян 1995] и другие. Выявлено, что маркеры эмотивности представлены на всех уровнях языка. Как отмечает О.Е. Филимонова [Филимонова 2001: 285], категория эмотивности имеет полистатусный характер, т. е. языковые единицы могут проявлять эмотивное значение на разных уровнях языковой системы:

1. Синтаксическом, где эмотивность реализуется с помощью инверсии, повторов, эллипсиса, парцелированных конструкций, риторических вопросов, восклицаний, обращений, синтаксического параллелизма.

2. Лексическом, где было выделено три типа эмотивной лексики: аффективы, коннотативы, потенциативы.

3. Фонетическом, где эмотивы всегда маркируются просодией: увеличением фона коммуникации, паузой, эмфатическими ударениями и т. д.

Необходимо также отметить такие стилистические средства эмоциональной выразительности как эпитеты, перифраза, олицетворение, сравнение, антитеза.

Рассмотрение категории эмотивности и лингвистических средств ее актуализации является важным вопросом политической лингвистики, изучающей механизмы воздействия речи на адресата в социально-политической сфере общения. Категория эмотивности играет огромную роль в осуществлении прагматической установки, которая в политической коммуникации является определяющим фактором. Как верно отмечают исследователи И.Б. Руберт и О.Н. Морозова, «...основным фактором по отношению к прагматике, или, точнее, к реализации этой категории в каждом конкретном дискурсе, влияющим на отбор слов, грамматических конструкций и стилистических приемов, служащих в этом типе дискурса средствами воздействия, является прагматическая установка. Именно этот компонент прагматики определяет воздействующий аспект конкретного политического дискурса, реализацию в нем намерения адресанта, что в свою очередь обеспечивает дальнейшую реализацию категории прагматики и осуществления языком его коммуникативной функции» [Руберт, Морозова 2012: 151].

Политический дискурс насыщен маркерами эмотивности на всех языковых уровнях. Особенно ярко категория эмотивности проявляется в речах предвыборных кампаний как подвида политического дискурса. В речи каждого оратора доминирует тот или иной тип маркеров эмотивности (имплицитный/эксплицитный; на грамматическом/лексическом уровне) — это зависит от индивидуальных особенностей речи оратора, гендерной категории, политических взглядов и т. д. Наиболее насыщенными в плане эмотивности являются идио-стратегии Хилари Клинтон, Дональда Трампа Барака Обамы, Дэвида Камерона, Гордона Брауна. Исследование политической риторики Хилари Клинтон с позиций эмотивности представляет особый интерес. Высокая эмоциональность публичных речей Хилари Клинтон объясняется как ее стремлением, как политика, посредством эмоционального воздействия побудить электорат к принятию желаемого посткоммуникативного решения, так и ее гендерной принадлежностью, которая позволяет использовать более широкий арсенал средств эмотивного воздействия, чем политики мужского пола.

Интродуктивный блок обращения Хиллари Клинтон [Clinton 2008] содержит эмотивный микротекст, основной прагматической установ-

кой которого является «поделиться своими чувствами», т. к. носителем состояния здесь является сам адресант: *I am honoured to be here tonight. A proud mother. A proud Democrat. A proud American. And a proud supporter of Barack Obama* [Clinton 2008]. Оратор выражает чувства польщенности ‘*I am honoured*’ и гордости ‘*proud*’, которые, в данном случае, выражаются эксплицитно посредством эмотивных лексем. *Proud* в данном микроконтексте является эпитетом, действие которого усиливается благодаря использованию грамматического средства повтора. Далее следует эмотивное высказывание ‘*My friends, it is time to take back the country we love*’ [Clinton 2008]. Эмотивно насыщенная лексема *love* характеризует чувство адресанта речи и «третьих лиц», точнее любовь американцев к своей родине. Эмоционально-прагматическую установку в данном случае можно определить как «указать на собственные чувства и чувства аудитории», тем самым «призвать аудиторию к действиям для получения чувства».

Следующий абзац обращения также содержит эмотивный микроконтекст, прагматической установкой которого является «проинформировать о своих чувствах и чувствах третьих лиц»: *Whether you voted for me, or voted for Barack, the time is now to unite as a single party with a single purpose. We are on the same team, and none of us can sit on the sidelines* [Clinton 2008]. Носителем чувства здесь являются адресант и третьи лица, выражается идея необходимости единения всей нации, действия заодно, во имя всеобщей цели. Эмотивность достигается при помощи грамматических средств — союзов *whether, or*, повторов; на лексическом уровне работают эмотивные словосочетания *single purpose, none of us*, идиоматическое выражение *sit on the sidelines*, метафорически используется лексема *team*, источником которой является сфера спортивного дискурса. Далее следует эмотивный контекст, который также обеспечивается метафорами, базирующимися на сочетании политического и спортивного дискурсов: *This is a fight for the future. And it's a fight we must win* [Clinton 2008]. Прагматической установкой данной риторики является «призыв адресата к действию для получения чувств», актуализируется целеустремленность оратора и вовлечение в действие электората.

Носителями состояния в следующем микроконтексте выступают адресант и адресат: *I haven't spent the past 35 years in the trenches advocating for children, campaigning for universal health care, helping parents balance work and family, and fighting for women's rights at home and around the world . . . to*

see another Republican in the White House squander the promise of our country and the hopes of our people. And you haven't worked so hard over the last 18 months, or endured the last eight years, to suffer through more failed leadership [Clinton 2008]. Прагматическая установка — «выражение чувства разочарования» достигается, в основном, параллельным использованием конструкции отрицания, градуированным перечислением причастных конструкций, усиливающим эмоциональный фон высказывания, а также графическим обозначением умолчания как средства выражения эмотивности. В данном случае умолчание указывает на то, что оратор может до бесконечности перечислять все свои достижения в целях имплицитного восхваления самого себя.

С целью дискредитации политического противника Хиллари Клинтон использует негативно заряженный эмотив *'squander'*, семантически противопоставленный положительным эмотивам, которые применялись для описания собственных действий.

В следующем эмотивном микроконтексте Хиллари Клинтон, информируя аудиторию о своих чувствах, эксплицитно выражает свое уважение к электоральным массам посредством эмотивной лексики *privilege*. Говоря о своей стране, она использует эмотив *greatness*: *For me, it's been a privilege to meet you in your homes, your workplaces, and your communities. Your stories reminded me every day that America's greatness is bound up in the lives of the American people — your hard work, your devotion to duty, your love for your children and your determination to keep going, often in the face of enormous obstacles* [Clinton 2008].

Используя коммуникативную тактику солидаризации с аудиторией, оратор прибегает к прагматической установке «излить свои чувства», реализуя ее при помощи таких эксплицитных лексических эмотивов, как *laugh u cry*: *You taught me so much, you made me laugh, and ... you even made me cry* [Clinton 2008]. Антонимичность данных эмотивов говорит о противоречивости чувств, испытываемых оратором. Умолчание, выраженное графическими средствами многоточия, усиливает эксплицитность выражения чувств. Следующая эмотивная фраза поддерживает реализацию тактики сближения с аудиторией путем модификации эмотива «part of your lives» в «part of mine»: *You allowed me to become part of your lives. And you became part of mine* [Clinton 2008].

Нейтральные микроконтексты риторики Хиллари Клинтон также имеют эмотивные вкрапления в виде анафоры *'I will always*

remember... , I will always be grateful' [Clinton 2008], демонстрирующей прагматическую установку «благодарности каждому гражданину».

Короткий, но эмотивно-насыщенный микроконтекст с прагматической установкой «проанализировать свои чувства и чувства адресата» побуждает электорат испытывать чувство уверенности в своих силах, что обеспечивается такими грамматическими средствами, как парцелляция и повтор: *You never gave in. You never gave up. And together we made history* [Clinton 2008].

Параллельное использование инфинитивной формы превращает нейтральные глаголы в эмотивы, тем самым имплицитно выражая чувство решительности оратора справиться со всеми задачами, которые стоят перед страной: *To promote a clean energy economy... To create a health care system that is universal, high quality, and affordable so that parents no longer have to choose between care for themselves or their children or be stuck in dead end jobs simply to keep their insurance. To create a world class education system* [Clinton 2008]. Такую же прагматическую установку «призвать адресата к действию» актуализирует параллельное употребление конструкции «those are the reasons»: *Those are the reasons I ran for President. Those are the reasons I support Barack Obama. And those are the reasons you should too* [Clinton 2008].

Касаясь в своей речи супруги Барака Обамы, Хиллари Клинтон характеризует ее при помощи ярких эпитетов *terrific, wonderful u great (terrific partner; wonderful wife, she will be a great First Lady for America)* [Clinton 2008], заранее формируя у электората чувство уважения к будущей хозяйке Белого дома.

Характеризуя самого Барака Обаму, Хилари Клинтон использует такие эксплицитные эмотивные лексемы-эпитеты, как *strong leader, good man, pragmatic, tough and wise* тем самым реализуя коммуникативную установку получения адекватных чувств и эмоций у адресата.

Завершая свою речь, Хиллари Клинтон посредством эмотивного микроконтекста «*That is our duty, to build that bright future...»* [Clinton 2008] достигает эмоционально-прагматическую установку «призвать адресата к действию для получения чувства» и выражает благодарность собравшимся «*thank you so much*», где *so* является усилителем эмотивности. В конце речи эмотивная насыщенность достигается за счет подключения религиозного дискурса: *God bless America and Godspeed to you all* [Clinton 2008].

Многообразие средств реализации категории эмотивности на различных языковых уровнях, обнаруженное в ходе исследования способов реализации прагматических установок на основе анализа микроконтекстов, позволяют охарактеризовать ораторскую риторику Хиллари Клинтон как в высшей степени эмоционально насыщенную. Маркеры эмотивности, представленные в данном политическом идиостиле на всех языковых уровнях, выполняют основную эмоционально-прагматическую функцию «убедить электорат голосовать за Барака Обаму».

Таким образом, использование эмотивов в политической предвыборной риторике не только определяет уровень красноречивости оратора, но, прежде всего, способствует реализации основной прагматической установки политика посредством эмоционального воздействия на электорат, что, в конечном счете, может привести к победе в процессе конкурентной борьбы за власть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т.2. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 766 с.
2. Руберт И.Б., Морозова О.Н. Политическая интернет-реклама как регулятивный тип дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2012. Т.7. № 1. — С. 150–160.
3. Филимонова О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты): Дис. ...д-ра филол. наук. — СПб., 2001. — 382с.
4. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка : [монография]. — Москва : Либроком, 2009. — 208 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

5. Clinton H. No way. No how. No McCain, August 27, 2008 URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/hillaryclinton2008dnc.htm>

А.И. Дашевская

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ТВИТТЕР

В статье рассматриваются социолингвистические особенности аудитории англоязычной социальной сети Твиттер. Рассматриваются особенности дискурса в данном сегменте и нововведения, которые данная языковая и социальная группа привносит в современный английский язык.

Ключевые слова: дискурс, нео-местоимения, микротекст, высокий контекст.

SOCIOLINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE ENGLISH-MEDIUM TWITTER USERS

The article deals with sociolinguistic features and peculiarities of English-medium Twitter users as a group. It looks into social, psychological and linguistic traits that bind them. The article details and discusses such distinctive features of Twitter microtexts as linguistic compression, acronyms, omissions, neopronouns etc.

Key words: discourse, neopronouns, microtext, high context.

Популярность и значимость социальных сетей в настоящее время очевидна. Однако правомерным будет сказать, что особую значимость и влияние они приобрели именно сейчас, в период пандемии, когда миллионы людей в большинстве стран мира отрезаны от возможности и инструментов привычной социализации. За прошедший год многим людям пришлось изменить свои привычные способы общения и получения информации; сейчас многие в мире имеют возможность общаться в основном только в социальных сетях. Можно предположить, что рост интенсивности подобного рода общения может повлечь за собой определенные изменения в способах коммуникации и, в значительной степени, в языке общения. В ходе наблюдения за процессом общения в социальной сети Твиттер (Twitter) нами были выявлены некоторые особенности и тенденции как социолингвистического, так и собственно лингвистического плана, которые стали объектом изучения данной статьи.

Характеристика исследуемой аудитории и текстов

Общение в сети Твиттер происходит посредством микротекстов (максимальный объем — около 240 знаков); объем визуального контента (если он есть) также минимален, поэтому пишущему необходимо донести свое сообщение до читателя в максимально сжатой форме. Таким образом, главная отличительная черта таких текстов — их краткость, и пишущему приходится либо применять компрессию к изначально задуманному тексту, либо создавать текст таким образом, чтобы донести максимум смысла в максимально сжатой форме.

В ходе исследования был рассмотрен именно англоязычный сегмент Твиттера, поскольку на данный момент он является наиболее многочисленным: большинство пользователей в изучаемом сегменте

проживают в Великобритании, США и Австралии. Кроме того, значительное количество пользователей во всем мире выбирают английский в качестве языка общения в данной социальной сети, что позволяет им существенно расширить круг общения. Средний возраст исследуемой аудитории составляет 15–35 лет. Возраст собеседников является важным фактором для выбора подписчиков (*mutuals* или *moots* — так принято называть людей, подписанных на аккаунты и обновления друг друга), поскольку авторы пишут свои сообщения, ориентируясь на собственную возрастную и социальную группу как в плане языка, так и в плане содержания, и ожидают, что собеседник имеет сходный контекст и объем фоновых знаний. Как представляется, именно в текстах, создаваемых подписчиками данной возрастной и социальной группы, в большей мере проявляются характерные лингвистические особенности, описанные ниже.

Проведенный анализ языкового материала показал, что основной причиной, по которой люди данной возрастной группы приходят в сеть Твиттер, является потребность в эмпатии, обсуждении своих чувств и эмоционального состояния. Это особенно заметно в последнее время, поскольку возможности для «живого» общения между людьми резко сократились, а среди молодежи возросли депрессивные настроения. Зачастую эти люди никогда лично не встречались и вряд ли встретятся (у более молодой аудитории даже нет в профилях их настоящих имен, они знают друг друга по псевдонимам или благодаря соотнесению аккаунта с героем или известным человеком, поклонниками которых они являются). Молодые люди не указывают настоящих имен и не вывешивают в профиле своих настоящих фотографий, так как, очевидно, многие из них находятся в активном поиске себя, своей идентичности; некоторые из них за этот год изменили свои имена. В год пандемии как никогда раньше чувствуется стремление людей объединиться вокруг общего увлечения (конкретный фильм/сериал/группа/актер и т. д.) — вероятно, это дает им чувство защищенности в непростое для них время.

В целом дискурс социальной сети Твиттер можно охарактеризовать фразой *we are all nice to each other*: пишущие стремятся вызывать у читателей положительные эмоции и поддержать их эмоционально. Многие пользователи этой возрастной группы включены в общение в Твиттере буквально круглосуточно, за исключением нескольких часов, и считают для себя необходимым регулярно сообщать под-

писчикам о смене своего настроения или занятиях, а иногда буквально о каждом шаге:

If I was a weather condition I would be rain, because of the endless amounts of water coming from my eyes.

Anyone come hug me please no seriously I don't care who I'm feeling so incredibly lonely right now.

Returning to that pit of loneliness I was in this morning mhm.

i am going to do homework so if i'm on here in the next few hours (UNLESS i say that i've finished) please aggressively shout at me.

Ouch, ive just stretched and pulled the muscle in my neck and shoulder.

Off to bed now goodnight sleep well sweet dreams.

Результаты наблюдений позволяют охарактеризовать исследуемое сообщество как *сообщество с высоким контекстом*. Эдвард Т.Холл, который ввел термины «высокий и низкий контекст общения», определил контекст как объем информации, необходимый участникам дискурса для достижения взаимопонимания. При общении с *низким контекстом* участники на момент начала коммуникации не обладают достаточным объемом информации, известным им всем, и поэтому значительный объем передаваемой информации выражается эксплицитно — при помощи вербальных сообщений, визуального контента и т. д. Участники стремятся выражать свои мысли как можно точнее, чтобы избежать превратного истолкования сообщения. В *высококонтекстных сообществах* участники процесса коммуникации обладают настолько значительным объемом сведений, известных им всем, что им нет необходимости выражать эту информацию эксплицитно [Nam 2015]. Поэтому для таких сообществ характерно использование внутренних кодов и сокращений, сами сообщения могут быть предельно краткими, и понять их человеку со стороны зачастую очень сложно или вовсе невозможно.

Исследуемая группа определенно является сообществом с высоким контекстом, так как ее участники группируются вокруг определенных интересов или людей, за творчеством которых они следят. Людям извне попасть в это сообщество очень сложно, поскольку для эффективного общения с ними нужно обладать значительным объемом знаний не только об обсуждаемых ими людях/произведениях/событиях и политической жизни Великобритании и США, но и об особенностях их эмоционального фона. Как было сказано выше, очень небольшой объем сообщений диктует коммуникантам

определенные правила, которыми им необходимо следовать, чтобы донести свою мысль до читателя.

Языковые особенности микротекстов

Для того, чтобы поместить максимум смысла в максимально краткое высказывание, авторы прибегают к компрессии. Чаще всего тексты сокращаются за счет подлежащего, вспомогательных глаголов и артиклей, а также знаков пунктуации:

so sorry again, gonna delete that tweet tho suddenly i dont feel comfy idk what i was thinking shouldnt be doing that here help

Кроме того, авторы часто прибегают к сокращениям и акронимам. Многие из них являются частью устоявшегося интернет-сленга (например, в примере выше *idk* = *I don't know*):

Ur gonna do so well!! I'm excited for u!!

roflmao ly tysm /"rolling on the floor laughing my ass off, love you, thank you so much"/

brb moving to finland /"be right back"/

tbh /"to be honest"/

Однако некоторые аббревиатуры являются кодами, понятными только узкому кругу коммуникантов:

Please please CoBW may I be accepted?

(*CoBW* = *Church of Ben Willbond*, сообщество поклонников этого британского актера).

Еще одной характерной особенностью исследуемых текстов является отсутствие заглавных букв в именах собственных и в начале фраз; это можно объяснить, вспомнив о том, что до определенной степени микротексты Твиттера имитируют устные высказывания; они должны быть написаны и отправлены быстро, пока собеседник ждет и «слушает», поэтому пишущий старается не тратить времени на переключение регистра:

listening to betty blue eyes for the first time and may be having a breakdown over reece singing

a bit of a simp for jim as christopher marlowe

Значительно реже встречается написание всего текста заглавными буквами (что, как известно, в интернет-общении воспринимается как крик). Вероятно, это происходит потому, что участники коммуникации стремятся поддерживать у читателей позитивный настрой и быть приятными в общении:

HE'S ACTING LIKE EVERYTHING IS OKAY WHEN IT'S NOT ACTUALLY OKAY AND IT'S NOT OKAY

Вот пример того, как пишущий стремится «сохранить лицо» и извиняется за то, что в течение дня мог огорчить читателей жалобами на плохое настроение:

Thank you to everyone who helped cheer me up today i really appreciate it and i hope i didnt bring the mood down too much, ly xx

Нео-местоимения

Одной из важных особенностей языка общения в сети Твиттер является использование нео-местоимений (neopronouns). И.Б.Руберт отмечает, что гендер является совокупностью культурных и социальных норм, предписываемых обществом людям в зависимости от их биологического пола [Руберт 2017:59]. В настоящее время все больше людей осознает свою небинарную сущность (то есть не ассоциируют себя полностью с одним из двух общепризнанных гендеров); по этой причине существующий в современном английском языке набор местоимений не устраивает довольно широкий круг пользователей языка, которые считают, что закрепленные нормой языка местоимения третьего лица (например, he, she и it) не передают в должной мере их самоощущение. Поскольку люди, входящие в исследуемую социально-языковую группу (15–35 лет), зачастую заняты активным поиском своего места в жизни и определением собственной идентичности, тема употребления правильных местоимений особенно важна для этой категории пользователей сети Твиттер.

Согласно общепринятому определению местоимений (например, определению А.И.Смирницкого), личные местоимения не могут быть закреплены за каким-то конкретным лицом или предметом. Личные местоимения обозначают людей «не вообще, а относительно, т. е. с точки зрения отношения к данной речи» [Смирницкий 1959:178]. Таким образом, согласно утверждению А.И.Смирницкого, местоимения третьего лица исключают участие данного человека в конкретном дискурсе. Однако в последнее время растет число людей, для которых важно, какие местоимения третьего лица используют другие, говоря о них даже в их отсутствие. Таковы многие пользователи сети Твиттер, относящиеся к исследуемой группе. При этом, как отмечает Луи Александер, употребляя местоимение третьего лица, мы имеем точное представление о том, кого имеем в виду [Alexander 1988:72].

Представляется, однако, что данное утверждение не всегда применимо к нео-местоимениям, поскольку многие из них либо придуманы непосредственно их пользователем и не имеют прецедента/устоявшегося в сознании говорящих референта, либо (даже если они уже используются определенной группой людей) не позволяют читающему представить того, кто это местоимение использует (привычную говорящим гендерную принадлежность и т. д.).

Нео-местоимения — не абсолютно новое языковое явление. Одно из старейших нео-местоимений Thon (thon/thon/thons/thon's/thonself, 1853), включено в словарь Webster's International Dictionary (издание 1910 года) и представляет собой сращение/сокращенную форму от that one. Оно, как и многие последующие нео-местоимения, было создано отдельным человеком (американским композитором Чарльзом Конверсом) для собственного использования, однако впоследствии им стали пользоваться и другие. В настоящее время оно не так популярно, как другие нео-местоимения, появившиеся позднее.

Парадигма изменения этого первого нео-местоимения выглядит так:

Nominative	Thon	Thon went to the store.	/ðan/
Accusative	Thon	I met thon today.	/ðan/
Pronominal Possessive	Thons	Thon walked thon's dog today.	/ðanz/
Predicative Possessive	Thon's	If I need a phone my friend will let me borrow thon's.	/ðanz/
Reflexive	Thonself	Thon has to drive thonself to school.	/ðanself/

<https://lgbta.wikia.org/wiki/Neopronouns>

Появившиеся позднее нео-местоимения изменяются по сходной парадигме. Одним из наиболее часто используемых нео-местоимений является xe /zi/ (xe, xem, хуг, хурс, xemself) e.g. Xe walked хуг dog today. Местоимение ze также /zi/ (ze, zir, zir, zirs, zirself) достаточно распространено, e.g. I met zir today. Кроме того, в профилях участников сети Твиттер можно встретить местоимение fae /feɪ/ (fae, faer, faer, faers, faerself), e.g. I met faer today. Fae относится к категории нео-местоимений, созданных на основе уже существовавших единиц языка — оно образовано от существительного, обозначающего определенный тип фей (the fae). Встречаются нео-местоимения, созданные на основе других существительных (например, vamp).

Помимо этих и других искусственных конструкторов, довольно широко распространено применение местоимения *they/them* для гендерно-нейтрального обозначения собеседника в третьем лице.

Вот несколько примеров того, как пользователи сети Твиттер описывают изменение своих предпочтений в отношении местоимений третьего лица, которые они хотели бы видеть в текстах, обсуждающих их самих в их отсутствие:

went from she/her to she/they, to she/they/xey, to they/xey, to she/they/xey
my pronouns: she/her → she/they → she/he/they/xem
he/fae/vamp/nya -> he/fae -> he/vamp/boo -> he/vamp/it -> he/it/vamp
-> it/nya/squeak -> it/rot/he (i think)

Эти местоимения можно увидеть не только в профилях участников, но и непосредственно в микротекстах:

guy who thinks to himself “this is just like in chess” everytime something happens

Okay, hang on, before I go to sleep, I'd like to send congrats to Esther for hitting 800 followers! I'm very proud of them and love them to the moon and back!

Таким образом, можно сказать, что люди указанной возрастной группы, активно общающиеся в англоязычном сегменте сети Твиттер, оказывают определенное влияние на эволюцию современного английского языка. Благодаря им в языке закрепляются нео-местоимения (хотя они еще не вошли в нормативный состав языка, и вопрос о том, станут ли они частью нормативной английской грамматики, остается открытым). Кроме того, возможно, благодаря им многие из тех, кто пользуется английским языком для неформальной переписки, начинают более внимательно относиться к языковой личности, уважать личные границы собеседника и учатся выражать свои мысли и эмоции в максимально сжатой форме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Руберт И.Б., Казанцева Е.А. Гендер как социально-психологический и когнитивно-лингвистический феномен // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков, сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. — С. 58–62.
2. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М: Издательство литературы на иностранных языках, 1959.
3. Alexander, L.G. Longman English Grammar. Longman, 1988.
4. Nam, K. A. (2015). High-context and low-context communication. In J. M. Bennett (ed.), The SAGE Encyclopedia of Intercultural Competence. Thousand Oaks, CA: Sage Publication, Inc. URL: https://www.researchgate.net/publication/280948728_Nam_K_A_2015

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

5. MyPronouns.org <https://www.mypronouns.org/neopronouns>
6. LGBTQ Wiki <https://lgbta.wikia.org/wiki/Neopronouns>

С.В. Киселёва, А.А. Смирнова

ЧАТ-БОТЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ PR-ИНСТРУМЕНТА В БРЕНДИНГЕ

В статье рассматриваются лингвистические особенности нового для российского рынка PR-услуг компьютерного продукта — виртуального собеседника «чат-бот». Предлагаются определения данного понятия. Представлены результаты исследования коммуникативных моделей и языковых механизмов чат-бота с точки зрения теории речевых актов.

Ключевые слова: чат-бот, когниция, речевой акт, терминология.

S.V. Kiseljeva, A.A. Smirnova

LINGUISTIC FEATURES OF PR-TOOL 'CHATBOT' IN BRANDING

The paper deals with linguistic features of a computer product, a virtual interlocutor 'chat bot', which is new for the Russian market of PR-services. The results of the study of communicative models and language mechanisms of a chat bot from the point of view of the theory of speech acts are presented.

Keywords: chatbot, cognition, speech act, terminology.

В современном мире роль технологий довольно велика: каждый второй человек владеет телефоном, используя его не только как инструмент, способствующий успешному проведению устного речевого акта, но и, согласно функциональной модели коммуникации Р. Якобсона, в качестве «контакта» — физического канала связи — для установления письменного речевого акта [Якобсон 1975]. Активный рост интереса населения к технологическим девайсам (смартфону, планшету, дестопу) спровоцировала в том числе и пандемия Covid-19. Локдаун, самоизоляция, перевод работников, студентов и школьников на дистанционный режим обучения — все это поспособствовало макси-

мальному развитию различных коммуникативных ретрансляторов в виде специального софта, приложений для социальных сетей. Можно сказать, что специфика digital-коммуникации активно развивается благодаря увеличению времени пользования девайсов.

Бренды стараются окружить себя целостной экосистемой онлайн-сервисов, что увеличивает коммуникативную нагрузку на тех, кто остается по ту сторону экрана — администраторов, технической поддержки, менеджеров и т. д. Люди пишут сообщения в группы, оставляют комментарии под постами — и администраторы вынуждены отвечать на каждый вопрос каждого отдельно взятого пользователя, иначе лояльность потребителя может упасть, а имидж данного бренда сильно подорваться. Специфика коммуникации в социальной сети между бизнесом и потребителем породила новую профессию комьюнити-менеджеров (активно развивается в России с 2011 года) [Owyang 2007]. Но только человеческими ресурсами проблему решить невозможно: в связи с упрощением коммуникации (при оффлайн-коммуникации необходимо прийти в офис компании, дождаться своей очереди и только тогда задать вопрос). Вопрос можно задать абсолютно любой, в любое время и без особых усилий (найти группу или профиль и написать в сообщения или в директ). Чтобы ответить на все вопросы целевой аудитории администраторов обычно не хватает.

В связи с этим активное развитие получает такая технология как чат-бот. Сам термин появился недавно, поэтому дефиниция наименования является не устоявшейся. На сегодняшний момент толкования термина существуют различные. Так, тематические сайты по исследованию данных, маркетингу, PR, рекламе и SMM (Social Media Marketing) дают следующее определение: «Чат-бот — это специальная программа, с которой пользователь может общаться» [Нетология 2021; Бакунин 2021; Сбер Университет 2021]. Согласно Оксфордскому словарю «чат-бот» имеет следующее определение: «компьютерная программа, предназначенная для создания имитации разговора пользователя с другим собеседником в сети Интернет» [OLD 2020]. Так, в широком понимании можно определить «чат-бот» как виртуального собеседника. К такому определению относится голосовой помощник «Алиса»: она абсолютно спокойно может поддерживать беседу на различные темы с собеседником и, соответственно, имитировать разговор двух живых людей. Специфика определяется алгоритмом компьютерной программы в совокупности с различными речевыми шаблонами, заложенными в нее. Голосовые помощники разрабатываются программистами

в связке с лингвистами для моделирования реальных речевых ситуаций и создания определенного дискурса. В этом случае наша коммуникация взаимодействует с когницией, помогая визуализировать виртуального собеседника, по его интонации представить или приписать какие-то черты его внешнего вида, к примеру, соотнеся его голос с тембром, звоном или особенностями произношения кого-то из знакомых.

Однако, в определении понятия «чат-бот» присутствует еще один смысл, который можно трансформировать в более узкое осмысление данного термина. Говоря о том, что «чат-бот» — это определенный софт, программа, следует понимать, что он может быть не только полноценным голосовым помощником, который устанавливает с вами устный речевой акт, но и алгоритмом, который в письменной форме отвечает на ваши вопросы. С точки зрения языка данный фактор играет весомую роль, поскольку здесь говорить о когнитивном аспекте довольно проблематично: визуализировать собеседника по используемым языковым выражениям, лексике, средствам языковой выразительности, выраженной в виде письменного речевого акта, сложно. Даже определить пол человека без представления фактически не представляется возможным. С технической точки зрения у такого бота — ограниченный функционал. К примеру, виртуальный собеседник «Алиса» может предложить вам поиграть (она знает игры), прочесть сказку (она может найти сказку и воспроизвести ее посредством синтезатора речи). В то же самое время чат-бот, построенный на письменной коммуникации, не имеет такого широкого спектра опций. Для «чата» характерны следующие особенности: наличие нециклического (конечного) сценария; отсутствие действия при ошибке или незаложенной команде; последовательный алгоритм внутри самой сети без привлечения дополнительных ресурсов. Данное использование чат-ботов характерно непосредственно для онлайн-коммуникации: это социальные сети и мессенджеры, которые активно набирают популярность в бизнес среде для опосредованных продаж и поддержания лояльности потребителей продуктов/услуг конкретного бренда [NR 2021].

Помимо выше представленного аспекта следует понять о том, какое место в коммуникативном (речевом) акте занимает чат-бот. Необходимо соотнести составляющие речевого акта по К. Бюлеру [Бюлер 1993], функциональную модель речевого акта Р. Якобсона [Якобсон 1975] и модель коммуникации Г. Ласуэлла [см.: Колянов, Пряхина, Сыркина, Шевченко 2014]. В частности, во всех моделях присутствует

«получатель (адресат)» и «отправитель (адресант)», а «канал» коммуникации, по Г. Ласуэллу, у Р. Якобсона называется «контактом» [см.: Колянов, Пряхина, Сыркина, Шевченко 2014]. Поскольку «отправителем (адресантом)» в данной работе рассматривается бренд, а «получателем (адресат)» является представитель целевой аудитории (потенциальный потребитель товара/услуги), то канал связи — это социальная сеть, Интернет. «Сообщением» будет та информация, которую отправитель (адресант) желает передать получателю (адресату). «Код» или кодировка сообщения происходит непосредственно через системные протоколы сети. Перед исследователями может встать вопрос относительно соотношения понятия чат-бот в более узком его осмыслении. С одной стороны, он может являться вспомогательным инструментом бренда — то есть является частью комплекса отправителя информации (собираемый образ). С другой стороны, его можно приписать к «каналу»-«контакту», как «усилитель сигнала» — программное обеспечение, помогающее улучшить работу данного канала, упростив некоторые моменты. Определение места «чат-бота» в узком осмыслении в речевом акте необходимо для дальнейшего анализа самого процесса с точки зрения лингвистики.

Интересно также соотнести некоторые особенности коммуникации с применением такого инструмента как чат-бот к теории речевых актов Дж. Остина [Суслов 2006]. Так, три уровня речевого акта — локутивный, иллокутивный, перлокутивный — могут фигурировать в рамках одного коммуникативно-целостного высказывания в чат-боте. К примеру клиент заходит в группу, в которой продвигают онлайн-курсы по созданию автоворонок. Он может задать вопрос в сообщения группы по поводу этих курсов. Обычно бот отвечает, что пришлет информацию о возможном бесплатном курсе. В данном примере курс называется «Специалист по автоворонкам», и проходит он в течение 5-ти дней в вечернее время в онлайн-формате. Также бот отвечает, что может записать на курс прямо в тот же момент. В этой связи клиент оставляет данные и задает еще какие-либо вопросы. После старта бесплатного тренинга бот присылает клиенту резюме занятий с предложением купить с большой скидкой платный курс, при этом упоминая о том, что скидка действует в течение трех дней. В этом блоке целостного коммуникативного акта клиенту рассказывается о преимуществах данного курса, демонстрируются различные материалы и т. д. В последний день действия скидки клиенту настойчиво

рекомендуют купить данный курс, поскольку больше таких выгодных предложений может не быть, или же предлагают отписаться от рассылки, «чтобы не надоедать». Эти три блока отчетливо вписываются в схему трех уровней речевого акта Дж. Остина [Сулов 2006]: локутивный акт (информационная часть), иллокутивный акт (второй блок с информацией о скидке и ненавязчивым советом приобрести данные курсы с демонстрацией выгоды предложения), перлокутивный акт (психолингвистические приемы убеждения человека в том, что данный курс необходим — фразы и выражения, которые заставляют человека испытывать различные эмоции, как, например, *«осталось 15 минут до окончания действия выгодного предложения»*, *«те, кто прошли наш курс зарабатывают уже от 100 тыс. руб. за собранную воронку»* и т. д.).

Понятие «чат-бота» попадает в сферу терминологической номинации обширной маркетинговой сферы, в которую входят, в том числе, терминологические номинации из области рекламы и PR. Взяв за основу идею И.Б. Руберт, С.В. Киселевой и Т.С. Росяновой: «оригинальность номинации в терминологии маркетинга заключается в применении идеи постоянно изменяющихся автономных и самодостаточных моделей потребителей, которые выражаются в микротерминсистемах терминов, вербализующих целостные авторские концепции» [Руберт, Росянова, Киселева 2020: 122] — следует определить микротерминсистему чат-ботов со ссылкой на коммуникативный аспект — сфера PR, с уточнением на Интернет специфику — SMM-коммуникации.

С точки зрения алгоритма построения чат-бот похож на традиционную воронку продаж: здесь присутствует «лид-магнит (lead-magnet)» — первый блок с представлением информации; «трип вейр (tripwire)» — второй блок, представленный товаром-ловушкой; «основной продукт (core product)» — как максимизатор прибыли и конечная цель всей коммуникации. В каждом блоке можно проследить характерные черты одного или нескольких уровней речевого акта по Дж. Остину [Сулов 2006]. Этот факт и специфика терминологии SMM накладывают особый отпечаток на лексику, используемую в каждом блоке. Рассмотрим на конкретном эмпирическом материале «карьерного бота» в мессенджере Telegram.

Коммуникация с данным ботом началась после поискового запроса «курсы по программированию Python» и заполненной на одном из

сайтов формы «call-to-action». Далее обычно на почту приходит письмо, в котором можно найти кнопку для перехода на коммуникацию с ботом. Бот после отправки команды «старт» запрашивает некоторую информацию:

«Адресант: /start

Карьерный бот: Для завершения регистрации отправьте мне свой Email :)

Адресант: *****@mail.ru

Карьерный бот: И номер телефона ☎

Адресант: 8*****

Карьерный бот: Спасибо, вы успешно зарегистрировались!

Карьерный бот: Бесплатный вебинар «Excel и Python. Анализ данных на уровне профи» пройдет 28 января в 19:00. В тот же день пришло вам напоминание и ссылку на вход.

Также советую подписаться на наш образовательный канал. Читай-те его всего 10 минут в день и становитесь эффективнее ☞ »

Данный коммуникативный блок относится к лид-магниту и чаще всего представляет собой локутивный уровень речевого акта: информация ради информации. В этом блоке можно запросить информацию, предложить пройти опрос (к примеру, «Какой ты программист: пройдите тест и проверьте, кто вы в программировании»). Особенностью SMM-коммуникации в данном аспекте являются графические элементы или же смайлы, эмодзи и т. д. Чаще всего эта особенность создает эффект общения с реальным человеком, поскольку графическое сопровождение помогает абстрагироваться от информационного потока. С точки зрения лексики, ярко выраженных семантических конструкций с использованием различных языковых средств не представлено.

Вторая часть блока лид-магнита может быть показана не только письменной речью, но и устной (звонок с записанным голосовым сообщением с напоминанием о предстоящем мероприятии). В данном случае коммуникация велась в письменном виде:

Карьерный бот (13:05): 🐾 Привет, {name}!

Помните про вебинар по анализу данных с помощью Excel и Python? Он пройдет сегодня в 19:00.

☞ Подключиться можно по ссылке: clck.ru/SLnm3

Скачайте рабочие материалы, чтобы практиковаться прямо во время трансляции: bit.ly/2JJ72dh

Карьерный бот (14:30): Хотите узнать, кто будет вашим проводником в мир профессионального анализа данных? Знакомьтесь — консультант Big4 Илья Братеньков.

👤 Илья окончил факультет прикладной математики и кибернетики НИУ ВШЭ, где теперь работает приглашенным преподавателем. Также он прошел Школу Changellenge», а затем и сам стал ментором карьерного интенсива.

👤💻 С 2011 по 2017 год Илья работал удаленным разработчиком, а последние три года занимается построением хранилищ данных, ETL-процессов и моделей прогнозирования.

👤📊 Илья разбирается в Excel, Python и SQL и увлекается практическим применением алгоритмов в реальных бизнес-задачах. Он использует Python в анализе фондовых и товарно-сырьевых рынков, производных финансовых инструментов и инструментов хеджирования рисков.

Карьерный бот (18:07): Прошу прощения за беспокойство, но...

! Вебинар начнется уже через час!

Подключайтесь по ссылке: clck.ru/SLnm3

Материалы для синхронной работы с экспертом: bit.ly/2JJ72dh

Карьерный бот (18:52): 😊 До вебинара по Excel и Python всего несколько минут!

Ждем вас тут: clck.ru/SLnm3

Материалы для работы на вебинаре: bit.ly/2JJ72dh

Карьерный бот (19:19): ➔ Просим опаздывающих на рейс Москва — Excel и Python немедленно пройти на посадку!

Вебинар только начался, но вы еще успеваете подключиться: clck.ru/SLnm3

Чем ближе приближается время начала вебинара, тем больше напоминаний о нем от бота: «помните...?» — «хотите узнать...?» — «прошу прощения за беспокойство, но...» — «вебинар через несколько минут» — «подключайтесь» — «ждем вас» — «просим пройти на посадку» — «успеваете подключиться». Первые конструкции представляются довольно ненавязчивыми: вопросы относительно того, помним ли мы о событии и хотим ли мы узнать подробно, кто будет нас учить. В дальнейшем рассылки становятся более интенсивными (18:07; 18:57; 19:19). На этом этапе примечательно использование не только настойчивых выражений, но и различных средств выразительности речи. В данном примере это проиллюстрировано сообщением от 19 часов 19 минут: «Про-

сим опаздывающих на рейс Москва — Excel и Python немедленно пройти на посадку!». С лингвистической точки зрения, данное предложение представляет собой метонимию — перенос свойств предмета на основании смежности. Если убрать метонимию и перевести предложение в плоскость локутивного уровня речевого акта можно получить следующую конструкцию: *«Вебинар уже начался! Подключайтесь»*. Данный пример не привлекает внимания, поскольку именно метонимия включает когнитивный переход от текста к реальной ситуации: читая предложение *«Просим опаздывающих на рейс Москва — Excel и Python немедленно пройти на посадку!»* в подсознании воспроизводится традиционное для аэропортов обращение к опаздывающим гражданам, что отсутствует при прочтении фразы: *«Опаздывающие на вебинар «Excel и Python» скорей подключайтесь»*. Необходимо помнить, что SMM-коммуникация всегда носит оттенок рекламной информации, поскольку формирует не только лояльность к бренду и информирование, но и продажа товаров/услуг. Локутивный уровень здесь активно дополняется иллокутивным с определенными констативами (*«вебинар уже начался!»*) и перформативами (*«пассажиров, опаздывающих на рейс, просят пройти на посадку»*).

Следующий блок — это трип вейр. В конкретном примере он представлен определенной скидкой на товар:

Карьерный бот: {name}, удалось ли вам посмотреть вебинар?

Карьерный бот: Вы мне так и не ответили... Но я все равно считают вас своим другом, и у меня есть подарок!

🎁 Делюсь с вами скидками от 40% до 55% на онлайн-курсы, где можно в совершенстве освоить Excel и Python. Они помогут вам научиться работать с данными максимально быстро и эффективно. Для вас в течение 24 часов:

🔥 Онлайн-курс «Excel для карьеры и поиска работы» стоит 6 990 ₽ вместо 14 900 ₽.

🔥 Онлайн-курс «Python. Анализ данных» стоит 6 990 ₽ вместо 11 900 ₽.

🔥 Два онлайн-курса сразу обойдутся в 11 900 ₽ вместо 26 800 ₽.

Карьерный бот: ☺ Успейте воспользоваться предложением и прокачать навыки для успешной карьеры: clck.ru/SNbvV

Также, если у вас не получилось посмотреть трансляцию, вы можете записаться на другое удобное для вас время на завтра. Для этого нажмите на кнопку ниже 📌

Карьерный бот:! Напоминаю, что вам доступны скидки от 40% до 55% на онлайн-курсы по Excel и Python. Предложение действует всего сутки. Успейте зарегистрироваться и сэкономить на обучении: clck.ru/SN6V4

Данный блок в дополнение к двум предыдущим активно иллюстрирует перлокутивный акт: «предложение действует всего сутки» — данная фраза означает, что если прямо сейчас вы не купите курс, то скидки сгорят, и вы не научитесь программированию в данном софте. Скидка приводит к непосредственной покупке основного продукта — это значит, что последние два сообщения уже относятся к третьему блоку воронки.

Особый лингвистический интерес представляет терминотворчество относительно некоторых понятий алгоритмов, этапов и внутреннего строения самого бота. Анализ данного аспекта лучше всего провести с позиции когнитивного подхода. Руководствуясь исследовательским принципом антропоцентризма [Козловская 2006: 246] стоит учитывать, что современное «поколение Z» и «поколение Альфа» сконцентрировано в социальных сетях и мессенджерах, проводя там большую часть своего свободного времени. Для них виртуальная реальность является такой же обыденностью: просмотр контента и общение в сети постепенно вытесняют реальную коммуникацию в офлайн пространстве [РБК 2021]. Вторым важным фактором, который может сыграть роль в терминотворческом процессе данной специфической профессиональной области — постоянный прирост числа специалистов. Специального вузовского образования на данную профессию нет, можно стать специалистом только пройдя курсы, которых в Интернете на сегодняшний день огромное количество. Изучению данного аспекта необходимо посвятить отдельный материал.

В заключение следует отметить, что как объект лингвистического исследования «чат-бот» имеет множество аспектов для плодотворного изучения. Узкая концентрация на термине «чат-бот» как на PR-инструменте, анализ языковых механизмов работы программы с точки зрения теории речевых актов могут позволить описать особенности функционирования лексики в рамках программного продукта. Анализ лексики, используемой в чат-боте на различных уровнях модели речевого акта, а также исследование лингвистических особенностей

технологии, помогают будущим PR-специалистам выстраивать грамотные лексико-семантические сценарии коммуникации, осуществлять успешные речевые акты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бакунин. Бизнес-словарь. [Электронный ресурс]/2021. URL: <https://bakunin.com/chat-bot/>
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. — М.: Прогресс, 1993. — 502 с.
3. Козловская О.Г. Когнитивный подход к исследованию термина как инструмента познания // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. — №24. — 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-podhod-k-issledovaniyu-termina-kak-instrumenta-poznaniya>
4. Колянов А.Ю., Пряхина А.В., Сыркина А.Н., Шевченко А.С. Основы теории коммуникации: Учебное пособие. — СПб.: СПбГЭУ, 2014. — 123 с.
5. Нетология. Глоссарий. [Электронный ресурс]. — 2021. URL: <https://netology.ru/glossary>
6. РБК. Футурология. «Поколение Z» и «поколение Альфа». [Электронный ресурс]/2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5dfcabbf9a7947a532b7f9a5>
7. Руберт И.Б., Росянова Т.С., Киселёва С.В. Особенности терминологической номинации в английской терминологии маркетинга. // Дискурс — 6(4) — СПб: СПбГЭТУ «ЛЭТИ». — С. 121–130.
8. СберУниверситет. Глоссарий. [Электронный ресурс] /2021. URL: <https://sberbank-university.ru/edutech-club/glossary/936/#>
9. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика Глава 6. Речевые акты в стандартной теории. [Электронный ресурс]/М.: «Восток — Запад», 2006. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/Pragmg.html>
10. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [Электронный ресурс] /М. — 1975. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>
11. New Retail [NR]: чат-боты. [Электронный ресурс] /2021. URL: https://new-retail.ru/tehnologii/chat_boty_kak_i_dlya_chego_ikh_ispolzuet_kрупnye_i_malye_kompanii9755/
12. Owyang J. The Four Tenets of the Community Manager [Электронный ресурс]/2007 URL: <http://web-strategist.com/blog/2007/11/25/the-four-tenets-of-the-community-manager/>
13. OLD: определение Chatbot. [Электронный ресурс]/Oxford Learners Dictionaries — 2020. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/chatbot>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

14. Карьерный бот. [Электронный ресурс]/ Telegram — 2021. URL: https://t.me/CL_education_bot

ПРОВОКАТИВНАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАДИОКОММЕНТАТОРА

В статье описывается специфика реализации провокативной самопрезентации как доминанты дискурсивной личности американского политического радиоведущего. Показано, что стратегия самопрезентации в жанре политической радиопередачи поддерживается системой коммуникативных тактик, основными из которых являются: эпатирование адресата, фaszинативное воздействие на адресата, самовосхваление и демонстрация профессионального успеха. Установлены способы языковой реализации тактик самопрезентации в исследуемом жанре.

Ключевые слова: политический медиадискурс, стратегия самопрезентации, речевая агрессия, коммуникативные тактики, дискурсивная личность.

I.V. Kononova, D.Y. Gunkova

PROVOCATIVE SELF-PRESENTATION IN THE DISCOURSE OF AN AMERICAN POLITICAL RADIO COMMENTATOR

The paper analyzes the strategy of self-presentation as the dominant of the discursive personality of an American political radio commentator. It is shown that the self-presentation strategy is supported by a system of communicative tactics, the main of which are: shocking the addressee, fascinatative influences, self-praise and demonstrating professional success. The linguistic means of implementing self-presentation tactics in the discourse of political commentary as an independent radio broadcast have been described.

Key words: political media discourse, self-presentation strategy, speech aggression, communicative tactics, discursive personality.

Проблема исследования дискурсивной личности в современной лингвистике обусловлена помещением понятия «языковая личность» в рамки дискурсивной парадигмы исследования [см.: Седов 2003; Плотникова 2005; Карасик 2014, 2016 и др.]. Дискурсивно ориентированный подход к описанию языковой личности предполагает обращение к процессуальной стороне ее проявления в постоянно меняющейся среде социокультурных интеракций [Ермоленкина 2017: 37]. Типология личностей может строиться на основании целого ряда критериев, «в том числе и с учетом того типа общения, в котором соответствующая личность наиболее часто принимает участие или в котором выражает себя особенно ярко» [Карасик 2014: 146]. В качестве

точки отсчета в изучении дискурсивной личности В.И. Карасик предлагает принять повседневный бытовой дискурс, на фоне этого дискурса маркированными оказываются типы общения, выделяемые с учетом *участников и целей коммуникации, коммуникативной тональности и коммуникативных действий* [Карасик 2014: 146].

Описание дискурсивной языковой личности сводимо к следующим процедурам: выявлению доминирующих коммуникативно-прагматических стратегий, используемых дискурсивной личностью с целью достижения целей коммуникации; описанию типов коммуникативной тональности, к которым прибегает дискурсивная личность; выявлению типичных речевых действий, осуществляемых личностью [Кононова 2019:146].

В фокусе настоящего исследования находится речевое поведение дискурсивной личности политического комментатора на американском радио. Материалом исследования послужил корпус текстов, включающий в себя скрипты 13 полных радиопередач («The Glenn Beck Program», «The Savage Nation», «The Mark Levin Show») известных американских политических комментаторов (Гленна Бека, Майкла Алана Вайнера и Марка Левина) общим объемом 115792 слова. Радиопередачи были посвящены предвыборной агитации (в период президентской предвыборной кампании в США, октябрь — ноябрь 2016 г.) и послевыборной полемики (январь — март 2017 г.). Данные авторские программы (radio talks) являются самими популярными радиопередачами в современной Америке, именно этот факт обусловил выбор материала исследования. Основная стратегическая цель речевых действий радиокментаторов состояла в укреплении политической позиции Дональда Трампа и ослаблении позиций его политических конкурентов и оппозиционеров.

Композиционно каждая передача включает: вступительный блок, в котором радиоведущий дает характеристику тех или иных политических событий и комментирует актуальные прецедентные тексты из сферы политики; блок «вопрос-ответ», в котором ведущий отвечает на вопросы слушателей; заключительный блок, в котором комментатор подводит итоги обсуждения.

Целью настоящего исследования является описание специфики вербализации стратегии самопрезентации в дискурсе американского политического радиоведущего.

Понятие коммуникативно-прагматической стратегии получило целый ряд трактовок в коммуникативной лингвистике и теории

дискурса. Как отмечают, И.Б. Руберт и О.Н. Морозова, данное понятие «неразрывно связано с понятием прагматической установки, которая определяет воздействующий аспект конкретного политического дискурса, реализацию в нём намерения адресанта» [Руберт, Морозова 2012: 150–151]. Коммуникативную стратегию определяют как «комплексное речевое воздействие, направленное на изменение модели мира адресата, на трансформацию его концептуального сознания» [Иссерс 2008]. В свою очередь, коммуникативная тактика рассматривается как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 2008]. Принято считать, что между тактикой и стратегией существуют отношения «часть-целое». В различных речевых жанрах ту или иную коммуникативную стратегию характеризует конкретная тактическая схема ее реализации. Важно отметить при этом, что «коммуникативная тактика редко реализуется в чистом виде — тактические схемы переплетаются, взаимодействуют, накладываются друг на друга» [Руженцева 2004: 36], однако в рамках конкретной микротемы текста можно выделить основной коммуникативный ход, которому подчинены остальные.

Под самопрезентацией в политической коммуникации понимают «управление впечатлением, которое говорящий желает произвести на аудиторию с целью оказания на нее воздействия; это «самоподача» оратора, вербальная демонстрация его личностных качеств, так называемое автопортретирование» [Атьман 2011: 96]. К настоящему моменту в лингвистике сложился целый ряд подходов к выделению тактик самопрезентации в политическом дискурсе. О.Н. Паршина, исследуя дискурс публичных выступлений российских политиков, относит к тактикам самопрезентации: тактику отождествления, тактику солидаризации, тактику оппозиционирования, тактику создания «своего круга», тактику нейтрализации негативного представления о себе, тактику акцентирования положительной информации, тактику эпатажирования, тактику насмешки [Паршина 2007: 44]. Заслуживает внимания точка зрения О.В. Атьман, которая выделяет в дискурсе предвыборных теледебатов американских президентов самопрезентационные тактики самовосхваления, обещания и демонстрации профессионального успеха [Атьман 2011: 99]. А.И. Дубских выделяет следующие прямые вербальные тактики самопрезентации, свойственные массово-информационному дискурсу: передача объективной информации о себе, передача субъективной информации о себе, акцентиро-

вание положительной информации о себе, акцентирование отрицательной информации о себе [Дубских 2008: 51]. К непрямым вербальным тактикам автор относит: тактику отождествления с кем-либо, чем-либо; тактику примыкания к победителю; тактику искусственного повышения степени объективности передаваемой информации; тактику дистанцирования [Дубских 2008: 51].

В данной работе в основу описания речевых тактик самопрезентации в дискурсе политического комментария как отдельной радиопередачи положен подход, объединяющий вышеизложенные концепции, но адаптированный к целям данного исследования. Количественный и качественный анализ отобранных текстов позволил заключить, что основными прямыми вербальными тактиками, реализующими стратегию самопрезентации как доминанту дискурсивной личности американского политического радиокомментатора, являются: самовосхваление, демонстрация профессионального успеха, эпатирование адресата и фасцинативное воздействие на адресата.

Способы реализации коммуникативной тактики эпатирования к настоящему времени получили всестороннее описание в лингвистике. А.И. Дубских определяет эпатирование как процесс поиска идентичности посредством девиантного поведения, проявляющегося в несоответствии поведения нормативным требованиям социальной среды [Дубских 2012]. Особенность эпатажных техник в том, что они используют провоцирующие, шокирующие образы, апеллируют к тем или иным формам табуированного поведения. Можно утверждать, что в политической коммуникации техники эпатирования являются средством реализации инструментальной речевой агрессии. Медийная дискурсивная личность прибегает к нарушению норм или правил речевого поведения с целью вызвать бурную эмоциональную реакцию аудитории на эпатажные образы или факты, а не с целью ее запугивания или фрустрирования. Яркие эмоциональные переживания любого оценочного модуса позволяют закрепить внимание адресата медийного контента на обсуждаемом объекте, а также создать стойкое представление о медийной персоне как о смелой, креативной, прямолинейной личности. Одной из важнейших характеристик эпатажа является его игровой характер [Дубских 2012]. Языковая игра позволяет интерпретировать известные публике события в увлекательном или провокационном формате и привлекать новых слушателей.

Тактика фасцинативного воздействия часто реализуется в медиакоммуникации в тех же контекстах, что и тактика эпатажирования, и служит многократному усилению манипулятивного потенциала речи адресанта. Вслед за Ю.В. Кнорозовым, заложившим основы теории фасцинации [Кнорозов 1973], в современной науке под фасцинацией в широком смысле понимают «способность внешней формы, коммуникативного сигнала или образа (закат или восход солнца, северное сияние и пр.) приковывать внимание, вызывать волнующий интерес, восхищение, восторг, очарование, экстаз, шок, завораживающий ужас (*как при виде угрожающего жизни, но прекрасного природного явления, например, схода снежной лавины, извержения вулкана, цунами* — примечание авторов), минуя или отключая какое-либо логико-вербальное объяснение, интеллектуальное аргументирование и оценочную критику» [Соковнин 2005: 13]. Е.В. Омельченко считает фасцинацию коммуникативным явлением, имеющим «глубинную нейрофизиологическую природу» [Омельченко 2013: 136]. В.М. Соковнин, помещая размытый и неуловимый феномен фасцинации в исследовательский фокус лингвистики, выделяет *семантическую фасцинацию*, т. е. фасцинацию, реализуемую языковыми (в первую очередь, лексико-семантическими) средствами. Под семантической фасцинацией автор понимает «возбуждающе-стимулирующее воздействие символического, драматического и «недосказанного» смысла (проблемного смысла), вызывающего острое внимание и провоцирующего активную работу ассоциативно-эмоциональной составляющей человеческой психики с быстрым или мгновенным образованием доминант внимания, интереса, азарта разгадки и дешифровки, включенных в процессы взаимопонимания» [Соковнин 2008].

К важнейшим фасцинативным приемам относятся ритм и повторы [Омельченко 2013: 138]. Исследователями выделяются также следующие фасцинативные техники: недосказанность, неясность, многозначность описания, привлечение вымышленных событий и мнимых личностей [Кнорозов 1973]; использование ключевых слов и слов-символов; метафоризация; прием тайны; привлечение аллюзий и реминисценций; применение вопросно-ответных комплексов, незавершенности высказываний; использование парадокса, алогизмов, антитезы [Омельченко 2013: 137].

Тактика демонстрации профессионального успеха выражается прямым указанием на объективные профессиональные достижения, результаты проделанной работы, убеждением аудитории в значимости

своей личности путём демонстрации честности или моральных достоинств. Данная тактика служит формированию доверительного отношения аудитории к комментатору с целью дальнейшей реализации воздействующей стратегии.

Тактика самовосхваления очень близка по средствам вербализации к тактике демонстрации профессионального успеха, основным различием в языковых и дискурсивных средствах реализации данных тактик является то, что первая выражается языковыми средствами субъективной оценки, тогда как вторая сводима к указанию на объективные успехи в профессии говорящего: перечислению им своих наград и регалий, конкретных профессиональных достижений и т. д. «Тактика самовосхваления вербализуется лексемами, семантика которых позволяет охарактеризовать политика как человека, обладающего определенным набором положительных качеств» [Атьман 2011: 96]. К числу таких лексем относятся, например, прилагательные *optimistic* (оптимистично настроенный), *competent* (компетентный), *honest* (честный), *uncompromising* (бескомпромиссный), *fair* (справедливый), *good* (хороший) и пр. Непременным атрибутом тактики самовосхваления является личное местоимение I (я).

Контекстуальный анализ корпусов исследуемых текстов скриптов радиопередач позволил заключить, что вербализация тактики самовосхваления достигается в дискурсе радиокomentarия посредством употребления глаголов сенсорного восприятия и ментальными предикатами (*hear, listen, look think, know, believe*), а также временной ориентацией высказываний на будущее. Использование форм будущего времени служит акцентированию внимания аудитории на вероятности развития личности говорящего и светлых надеждах, достижение которых является его приоритетом. Ср.: *I will listen more. I will learn more. I will read more. I will reach out more* (Гленн Бек).

Особенностью вербализации тактики самовосхваления как части самопрезентационной стратегии в дискурсе американского радиоведущего является частотное употребление предикативной модели *"I am a..."* с целью субъективной положительной оценки своих достижений.

Ср.: *I'm a big believer... What we think, we will become and create. I think I'm actually finally beginning to get it. I really do!*

В данном контексте Гленн Бек утверждает, что он является оптимистом, человеком мыслящим, но никогда не теряющим веру в лучшее будущее.

В следующих примерах радиоведущий прибегает к тактике самовосхваления, употребляя оценочные прилагательные *fair, fair-minded, good, balanced*.

Ср.: *I'm a guy who's **very fair** I'm a **fair-minded** basher... I am a critic I'm a social critic that's what a commentator is if I'm not a good critic I wouldn't be in this business now* (Майкл Вайнер).

*I don't want to be accused of not doing my job! So I've been **fair**, I've been **balanced**, people on the right didn't think I was, people on the left **loved me!*** (Гленн Бек).

Поскольку излишнее самовосхваление может оттолкнуть публику, радиокомментаторы, желая избежать негативных оценок, сочетают тактику самовосхваления с манипулятивными тактиками *солидаризации* и *отстранения*. В приведенных выше контекстах маркерами солидаризации с аудиторией служат инклюзивное личное местоимение *we* (*What we think, we will become and create*), а также разговорно-просторечные стилистически сниженные слова *guy* и *bashers*.

Отстранение, в свою очередь, тоже может закрепить за радиокомментатором требуемые характеристики имиджа. Суть приема отстранения состоит в демонстрации скромности, отрицании своей причастности к чему-либо, своей важной роли в чем-либо. Отрицание в данном случае, являясь чисто формальным, позволяет радиокомментатору подчеркнуть свое важнейшее влияние на события, о которых он говорит. Ср.: *Some people in the press are saying that people like me created Donald Trump, which is absurd, like **I had that much power**. But I didn't. But neither did the Republicans. Neither did the Right. Neither did the left. Neither did the Democrats. Neither did Barack Obama*. Отмечая, что его влияние на события не так велика, радиокомментатор Майкл Сэвадж (псевдоним Майкла Вайнера) помещает себя в один ряд с влиятельными политическими структурами и фигурами, таким образом как раз утверждая свою огромную роль в политических событиях и закрепляя за собой ярлык влиятельного человека, стоящего на уровне партий и президентов.

Часто применяемым приемом самовосхваления в исследуемом дискурсе является создание положительного образа на собственном примере преодоления трудностей. Ср.: *Because, you see, I can't retire now, I can't retire because of this election. So, I'm stuck*. В данном высказывании Марк Левин утверждает, что его деятельность настолько важна, что без его участия выборы могут пройти с иным результатом, он

обязан вести радиопередачу, которая подталкивает аудиторию к совершению правильного и достойного политического выбора.

В следующем примере утверждается, что именно благородство и преданность идеалам, необходимость «нести образование в массы», учить народ основам свободы и демократии вынуждают Марка Левина продолжать свою миссию (работу в программе). Ср.: *My entire life has been based on promoting individual liberty in an ordered society, educating as many millions of people as I possibly can about the nation's founding: why we were founded, why we are special, why the Constitution matters.*

В целом ряде контекстов тактика самовосхваления реализуется одновременно с тактикой демонстрации профессионального успеха. Ср.: *This is astounding to me! Absolutely! I am telling you as somebody who, served under an Attorney General, directly under an Attorney General! I can't believe this!*

В данном контексте тактика демонстрации профессионального успеха реализуется посредством не прямой тактики самопрезентации — отождествления с авторитетной фигурой. Говоря об опыте работы под непосредственным руководством генерального прокурора, Марк Левин подчеркивает свою безусловную компетентность в делах, которые обсуждает в рамках своей авторской программы. Очевидно при этом, что использование интенсификаторов, эмотивной лексики, восклицаний, которые маркируются в устной речи специальными интонационными паттернами, делает данное высказывание не только объективным указанием на успешный профессиональный опыт, но и актом самовосхваления. Подобное сочетание тактики самовосхваления и тактики демонстрации профессионального успеха является характерной чертой дискурсивной личности американского политического радиоведущего.

Так, в следующем примере Гленн Бек сообщает о важном профессиональном достижении журналиста — опубликовании первой книги, объективном свидетельстве карьерного успеха. Однако анафорический повтор личного местоимения *I*, повтор словосочетания *first book*, гипербола “*I made a blanket statement for all the things that I do*”, упоминание *Simon & Schuster* — одного из крупнейших и известнейших американских издательств — служат вербализации тактики самовосхваления.

Ср.: *In 2004 I made a blanket statement for all the things that I do! My first book! I do not want the flag on it. I fought with Simon & Schuster about that*

stupid flag on my first book. Because I said: "Everything that we are saying — we are making it (the book) American!" (Гленн Бек).

Основной задачей ведущего авторского политического радио-шоу является представить себя свободной в оценках, независимой личностью, готовой на любые меры ради того, чтобы донести до аудитории правду о политической ситуации в стране. Для того, чтобы реализовать данную задачу радиоведущие прибегают к многочисленным приемам провокативной самопрезентации, демонстрируют отказ от комфортного речевого поведения и вербальную агрессию.

Количественный анализ показал, что ведущей самопрезентационной тактикой рассматриваемой дискурсивной личности является тактика эпатирования, реализуемая главным образом средствами речевой агрессии. Доминирующими в исследуемом корпусе лексическими средствами реализации тактики эпатирования являются разговорно-просторечные стилистически сниженные слова (ср.: *to shut up, to be sick of smb.* и др.), инвективная лексика (ср.: *idiots, pigs, morons* и др.), стилистические образные средства (метафора, гипербола, образное сравнение и образный перифраз), прецедентные имена, апелляции к прецедентным событиям или высказываниям, авторские окказионализмы. Очевидно, что все перечисленные средства служат также вербализации дискредитирующей стратегии, в первую очередь дискредитирующих тактик вербальной инсинуации и дискриминации.

Так, например, говоря о Нэнси Пэлоси, спикере палаты представителей США, которая ранее обвиняла Трампа в ксенофобии и расизме, а также приписывала Джеффу Сейшнсу участие вговоре с русскими, радиоведущий Майкл Сэвадж использует инвективы *pigs* и *liar*, а также образное сравнение *"like pigs in mud"*.

Ср.: Pelosi is a liar, Pelosi got caught lying and I was warning everyone on the show yesterday and the day before... All of your pigs on the Democratic Left! You're rolling in money like pigs in mud!

Очевидно, что радиоведущий проявляет речевую агрессию не только с целью дискредитации политического оппонента, но также желая эпатировать аудиторию намеренной грубостью.

К языковым средствам реализации фасцинативного воздействия в исследуемом жанре в первую очередь относятся: ритм, повторы, стилистические образные средства, прецедентные имена, апелляции к прецедентным событиям или высказываниям. Фасцинация в дискурсе политической радиопередачи служит введению аудитории в транс

с помощью апелляции к эстетическому чувству с целью снятия критического восприятия информации.

Одним важнейших дискурсивных приемов фасцинации является употребление прецедентных имен и апелляций к событиям, ассоциативно связанным в общественном сознании с чем-то грандиозным и покрытым завесом тайны. В первую очередь к такому типу прецедентных феноменов относится библейская ономастика и факты апелляций к сюжетам из Ветхого и Нового заветов.

Ср.: *And my book "Trump's war" spells out pretty clearly, who they are, what must be done, there's nothing more I can do for this war. I'm one man, for God's sakes. I've parted the Red Sea many times and my people have walked through the Red Sea with me. And now that we're on the other side. What's going to happen? Tell me, what's going to happen now, that we're on the other side that I've parted the Red Sea, and people walk with me through that Red Sea, that I've parted. Tell me, what's going to happen? Do you think wars end because you win one battle? Know: this war's only just begun. I'm trying to tell you that your war has just begun, when you went to the polling booth and voted for Trump. The war didn't end then. It began to you ».*

В данном случае Майкл Сэвадж использует аллюзию на сюжет из Ветхого Завета (переход Моисея через Красное море). Уподобляя себя Моисею, который вел свой народ в Землю Обетованную через Синайскую пустыню (Исх. 15:24–25), радиоведущий создает сложную развернутую метафору, основанную на механизмах прецедентности. Фасцинативное воздействие метафоры, основанное на получении эстетического и когнитивного удовольствия от самостоятельного поиска смысла и последующей творческой интерпретации текста, усиливается лексическими и синтаксическими повторами и ритмом речи радиокомментатора.

В следующем контексте именно лексические повторы и синтаксический параллелизм являются доминантным средством реализации тактики фасцинативного воздействия. Ср.: *Now, listen to the structure of his answer. This is the way the Left reads their Second Amendment, you know, they always forget the entire sentence. Well let's watch and look at the entire sentence. "I've been called a surrogate at a time or two in that campaign and I did not have any communications with the Russians". In other words, he didn't have communications with the Russians as a surrogate of that Trump campaign. He met with the ambassador as United States Senator as part of his official duties and even having met with the ambassador. There was no discussion of the campaign and all the rest of it (Марк Левин).*

Проведенный анализ позволил заключить, что в подавляющем большинстве случаев реализации стратегии самопрезентации в дискурсе политического радиокomentarия служат несколько коммуникативных тактик одновременно. Ведущей самопрезентационной тактикой в арсенале американского политического радиоведущего является тактика эпатирования. Отказ от «экологичного» коммуникативного поведения в значительной мере мотивирован необходимостью участия радиопередачи в жесткой конкурентной борьбе в условиях растущей интенсивности информационного потока в современной медиакommunikации. Степень неэтичности коммуникативного поведения радиокommentатора доходит в ряде случаев до уровня, когда становится возможным говорить о речевом правонарушении. Данный вывод подтверждается тем фактом, что каждый из радиоведущих, записи передач которых послужили материалом для исследования, неоднократно обвинялся в неэтичной риторике и недостаточной политической корректности. Важно отметить при этом, что обвинения в риторической некорректности не снизили, а повысили рейтинг популярности рассматриваемых медийных личностей и их радиопередач. Таким образом, эпатирование становится в дискурсе политического радио-шоу основным инструментом провокативной самопрезентации. Тактики самовосхваления, демонстрации профессионального успеха и фaszинативного воздействия также играют важную роль в реализации стратегии самопрезентации, частично снижая остроту психологической реакции аудитории на вербальную агрессию и эпатажное речевое поведение радиокommentатора и повышая степень эмоциональной сопричастности и доверия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Атьман О.В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика, 2011. № 1. — С. 96–102.
2. Дубских А.И. Средства реализации коммуникативной стратегии самопрезентации личности в массово-информационном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета, 2008. № 30 (171). Филология. Искусствоведение. Вып. 35. — С. 50–54.
3. Дубских А.И. Тактика эпатирования как инструмент провокационной саморекламы в «Звездных» интервью // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика, 2012. №25. — С. 109–112.
4. Ермоленкина Л.И. Дискурсивная личность в коммуникативном пространстве современного радио // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin), 2017. 2 (179). — С. 37–40.

5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.
6. Карасик В.И. Языковые проявления личности: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. — 449 с.
7. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика, 2016. Т. 20. № 4. — С. 56–77.
8. Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973. С. 324–334. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fascinology.ru/Knorozov.htm> (дата обращения: 03.02.2021).
9. Кононова И.В. Дискурсивная личность американского политического радиокомментатора // Реальность. Вымысел. Текст. Коллективная монография. Под редакцией Н.Л. Шамне, Л.А. Кочетовой. Волгоград, 2019. — С. 39–65.
10. Омельченко Е.В. Фасцинативная составляющая в непрямой коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). — С. 136–139.
11. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О.Н. Паршина / под ред. О.Б.Сиротининой, изд.2-е, испр. и доп. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 232 с.
12. Плотникова С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Лингвистика дискурса. Иркутск: ИГЛУ, 2005. — С. 5–16.
13. Руберт И.Б., Морозова О.Н. Политическая интернет-реклама как регулятивный тип дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2012. Т. 7. № 1. — С. 150–160.
14. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе, 2004. — 294 с.
15. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрякая коммуникация. — Саратов: Рос УНЦ «Колледж», 2003. — С. 196–212.
16. Соковнин В.М. Фасцинология: пролегомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — 400с.

Ю.Г. Тимралиева

ГРАДАЦИЯ КАК ПРИЕМ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ФОКУСИРОВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Цель данного исследования — выявление специфики функционирования в художественной речи градации. В статье рассматривается структура градации, выявляются ее синтактико-морфологические вариации, анализируется стилистический потенциал. В качестве эмпирического материала используются лирические и прозаические тексты немецкоязычной литературы XX века.

Ключевые слова: риторическая фигура, художественный текст, градация, перечисление, стилистический потенциал.

GRADATION AS A METHOD OF PRAGMATIC FOCUS IN A POETIC TEXT (ON THE EXAMPLE OF GERMAN LITERATURE)

The purpose of this study is to identify the specifics of the functioning of gradation in artistic speech. The article examines the structure of gradation, identifies its syntactic and morphological variations, and analyzes the stylistic potential. As an empirical material are used lyrical and prose texts of German-language literature of the XX century.

Keywords: rhetorical figure, literary text, gradation, enumeration, stylistic potential.

Поэтический язык как «язык с установкой на эстетически значимое творчество» [Григорьев 1979: 77] или «язык в его эстетической функции» [Якобсон 1987: 275] на протяжении всей истории развития филологической мысли привлекал особое внимание исследователей. Будучи специфической формой речевой деятельности, обладающей особой поэтической функцией, «которая не совпадает с функцией языка как средства обычного общения, а представляется её своеобразным обособлением» [Винокур 1970: 142], поэтический текст теснейшим образом связан с понятием эстетичности, творческой окрашенности, с его креативными качествами, и чем заметнее их проявление, тем более «художественным», «эстетически отмеченным» представляется текст. Таким образом, поэтический текст отличается от прочих типов текста характером использования языкового материала. «Если для текстов прочих функциональных стилей характерно логически оправданное языковой системой употребление, то для художественной речи характерным является ненормативное использование всех средств языковой системы в целях образной выразительности, использование устоявшихся экспрессивных форм, таких как эмфатический порядок слов, повторы, параллелизмы, обособления, тропы и другие. Поэтому исследование художественного языка ориентировано, в первую очередь, на стилистически маркированные языковые единицы, которые участвуют в реализации идейно-художественного замысла текста и достижении необходимого эстетического эффекта» [Руберт, Тимралиева 2017: 97].

Одним из таких стилистически маркированных элементов, выступающих в поэтических текстах наряду с каламбуром, зевгмой, оксюмороном и другими риторическими фигурами приемом прагмати-

ческого фокусирования, является градация (лат. *Gradatio* — повышение, возрастание), заключающаяся «в последовательном нагнетании или, наоборот, ослаблении сравнений, образов, эпитетов, метафор и других средств художественной речи» [Квятковский 2013: 135]. В зависимости от нарастания или убывания признака в филологии различаются две разновидности градации: климакс (греч. κλίμαξ — лестница) — фигура, состоящая в последовательном нарастании признака (восходящая градация), и антиклимакс — фигура, заключающаяся в последовательном ослаблении признака (нисходящая градация).

Рассмотрим эту стилистическую фигуру на примере немецкоязычных художественных текстов. Нами были проанализированы лирические и прозаические тексты немецкоязычной литературы XX века.

Структурный анализ примеров показал, что чаще всего в художественных текстах появляются двучленные или трёхчленные градации: ... *er war blau, blau sein Gesicht, ganz blau* (J.R. Becher, „Der Dragoner“). Градации, состоящие из четырех и более членов, встречаются гораздо реже: *Wenn ich mich umdrehe, steht die Zeit wie eine rosaschwarze Wand vor mir. Kein Tag. Keine Nacht. Kein Monat. Kein Jahr* (Klabund, „Der sterbende Soldat“). При этом соотносимые в градации элементы характеризуются определенной синтаксической однотипностью, но допускают удлинение структуры и придание особой весомости последнему члену конструкции [Брандес 2004: 377].

С точки зрения семантического комбинирования внутри градации как перечислительной конструкции, данные фигуры можно условно разделить на две группы. Первую группу образуют паратактические ряды, построенные на повторе одного слова (одного корня) с усилением или ослаблением того или иного образа/ признака посредством:

- словообразовательных элементов: *das Blaugespinst klimmt rote Augen auf. rot. feuerrot* (A. Stramm, „Der Letzte“). В немецком языке это, в первую очередь, происходит за счет словосложения, то есть прибавления к основе ранее упомянутого слова нового корня, усиливающего или ослабляющего данный образ/ признак. В приведенном примере прилагательное *rot* (красный) соединяется при повторе с корнем *Feuer* (огонь), образуя краткое сравнение, в результате чего признак интенсифицируется, насыщается новыми коннотациями.
- степеней сравнения: *Ein sehr merkwürdiges Gefecht. Vielleicht das merkwürdigste des ganzen Krieges* (Klabund, „Der Korporal“).

В данном примере прилагательное *merkwürdig* при повторе получает форму превосходной степени, работающей на нарастание признака.

- других слов: *Was du immer werden wolltest, wurdest du jetzt: Erde, Ewige Erde* (Klabund, „Allerseelen“). В случае с существительными речь, как правило, идет об усилителях в виде прилагательных или причастий. Реже интенсификаторами выступают местоимения: „*Gut*“, *sagte ich*, „*dein ganzes Leben, unser ganzes Leben, solange ich bei dir bin, hat sich an Würstchenbuden, an Goulaschbuden, in dreckigen Kneipen, fünfklassigen Hotels abgespielt, auf Rummelplätzen und in dieser schmutzigen Bude, in der wir seit acht Jahren hausen* (H. Böll, „Und sagte kein einziges Wort“). Прилагательные и причастия, в свою очередь, часто интенсифицируются с помощью наречий: *Wie schön, wie törricht schön, gar keine Wünsche...* (Klabund, „Der wohlhabende junge Mann“).

Следует отметить, что для интенсификации одного образа или признака в рамках одной перечислительной конструкции одновременно могут использоваться разные интенсификаторы: *Ich sehe ihn oft, sehr oft, öfter noch, seitdem er nicht mehr bei uns ist* (H. Böll, „Und sagte kein einziges Wort“). В приведенном примере одно и то же прилагательное *oft* в первом случае усиливается за счет наречия *sehr*, во втором — за счет сравнительной степени *öfter*. В следующем отрывке прилагательное *weit* сначала выделяется за счет вставной конструкции *sage ich dir*, а затем эмоционально насыщается с помощью развернутой сравнительной конструкции: ... *aber es war weit, weit sage ich dir, weiter als Gott von uns entfernt sein kann* (H. Böll, „Und sagte kein einziges Wort“).

Вторую группу градаций образуют паратактические ряды, построенные на соединении разнокоренных слов (часто синонимов), выступающих однородными членами и отличающихся друг от друга интенсивностью качественных или количественных характеристик: *Unter diesem Kampfruf, immer wilder, immer heftiger hinausgestoßen, rannten wir gegen die feindlichen Stellungen* (Klabund, „Mein Bruder erzählte“). В приведенном примере элементами перечислительной конструкции становятся синонимичные прилагательные *wild* и *heftig*, выступающие в тексте в сравнительной степени и дополнительно усиливаемые с помощью наречия *immer*. В следующем примере аналогичную конфигурацию образует пара *schnell* и *plötzlich*: ... *wir starrten beide auf die*

Leuchtschrift oben am Giebel des Hochhauses, die jetzt immer schneller, immer plötzlicher wechselte... (H. Böll, „Und sagte kein einziges Wort“).

Морфологический анализ примеров показал, что чаще всего элементами перечислительной конструкции становятся существительные и прилагательные/ наречия: *Die wollen den Mondfisch, den Vollmondfisch, haschen!* (Th. Däubler, „Überraschung“); *Und du bist so blutjung, so adamjung...* (E. Lasker-Schüler, „Eva“). Интересно, что многие из найденных нами примеров подобных сочетаний связаны с репрезентацией времени: *Ich ziehe ein paar starke Schuhe an und nun kann ich fortbleiben, solange ich will: drei Tage ... oder drei Wochen ... oder drei Monate* (Klabund, „Kleine Wanderung“).

Глагольные конструкции менее продуктивны: *Er schimpfte auf die Vorgesetzten, er drohte ihnen, er verurteilte sie zum Tode* (J.R. Becher, „Kindheit“). Кроме того, степень нарастания или убывания признака в таких конструкциях, как правило, выражена не так явно, как в случае с существительными и прилагательными: *Ich wachte auf. Ein wahnsinniger Schrei gellte, pff, peitschte sich durch das Haus* (K. Edschmid, „Maintonis Hochzeit“). В таких предложениях ощущение эмоционального нарастания связано не столько с лексическим наполнением паратактического ряда, когда последующее действие является более интенсивным по отношению к предыдущему с точки зрения семантики глагола, сколько с ритмико-синтаксическими особенностями построения фразы: *Sie ging schnell, schien unruhig zu sein, drehte sich immer um, und ich duckte mich, bückte mich, spürte Schmerz, wenn ihr Hut für einen Augenblick untertauchte...* (H. Böll, „Und sagte kein einziges Wort“).

В целом конструкции с нарастанием (восходящие градации) гораздо более частотны, чем конструкции с убыванием (нисходящие градации), однако нами были выявлены и случаи, когда в рамках одного фрагмента текста тот или иной признак сначала нарастает, а затем убывает, и наоборот. Например, в следующем отрывке из рассказа А. Эренштейна постепенное нарастание (*Tage, Wochen, Monate; Wochen, Monate, Jahre*) дважды сменяется резким снижением (*nein, nur die Tage; immer wieder nur Tage*), поддерживаемым отрицаниями и повторами, в результате чего возникает ощущение полной дезориентации героя во времени: *Die Tage gleiten dahin, die Wochen, die Monate. Nein, nein! nur die Tage. Ich glaube nicht, daß es Wochen, Monate und Jahre gibt, es sind immer wieder nur Tage, Tage, die ineinanderstürzen, die ich nicht durch irgendein Erlebnis zu halten vermag* (A. Ehrenstein, „Tubutsch“). Данный пример

демонстрирует также особенность градации выходить за пределы одного предложения, распространяясь на фрагмент текста, а иногда и на целый текст. В некоторых жанрах художественной литературы градация становится текстообразующим элементом, определяющим композицию всего текста. Например, в сказках нередко похожие события повторяются трижды, становясь все более драматичными.

С другой стороны, нередко уже в рамках одного предложения можно вычленить сразу несколько перечислительных конструкций, которые можно расценивать как градации: *Mein Gedächtnis besteht aus Löchern, großen Löchern, die durch ein zartes, sehr zartes Geflecht, wie aus dünnem Draht zusammengehalten werden* (Н. Böll, „Und sagte kein einziges Wort“). В приведенном примере в одном предложении соединяются две градации: первая основана на повторе существительного *Löcher*, с усилением второго члена через прилагательное *groß*, вторая — на повторе прилагательного *zart* с усилением второго члена с помощью наречия *sehr* и сравнительной конструкции. В следующем примере первая градация строится на синонимичных прилагательных *schön, groß, bunt*, однородность которых подчеркивается наречием *besonders*, вторая представляет собой ряд атрибутивных словосочетаний, в которых эмоциональная интенсивность задается как участвующими в перечислении существительными, так и сопровождающими их атрибутами: *Und dort, in diesem schmalen kleinen Gang, wo ich endlich wieder für ein paar Schritte gerade auf meiner Bahre lag, da war das besonders schöne, besonders große, besonders bunte Bild des Alten Fritzen mit der himmelblauen Uniform, den strahlenden Augen und dem großen, golden glänzenden Stern auf der Brust* (Н. Böll, „Wanderer, kommst du nach Spa...“).

Если анализировать стилистический потенциал градации, то уже само ее определение как фигуры, «создающей нарастание (реже ослабление) производимого впечатления» [Розенталь 1974: 344], говорит о ее способности к эмоционально-смысловому выдвиганию тех или иных образов/ признаков и эмоционально-смысловому насыщению фрагмента текста в целом: *Ich ziehe ein paar starke Schuhe an und nun kann ich fortbleiben, so lange ich will: In der Ferne brodeln das Feuer der Infanterie, / Tagelang, wochenlang* (W. Klemm, „Schlacht an der Marne“). В приведенном примере сменяющие друг друга наречия *tagelang* и *wochenlang* передают эмоциональное напряжение героя, ожидающего завершения войны, которая кажется ему бесконечной.

Кроме того, появляясь в прямой речи действующих лиц, градация может задавать речевой портрет того или иного персонажа, как, например, в ставшем хрестоматийным примере из романа Г. Манна «Верноподданный», когда главный герой романа Дидерих Геслинг, следуя своей «верноподданнической» привычке жесткого соблюдения иерархии в любой ситуации, обращается к участникам церемонии открытия памятника, переходя от более высоких чинов к менее высоким: *Eure Exzellenzen! Höchste, hohe und geehrte Herren!* (Н. Mann, „Der Untertan“).

Таким образом, градация как риторическая фигура обладает выраженным стилистическим потенциалом, выступая в художественном тексте значимым приемом прагматического фокусирования, способствуя эмоционально-смысловому насыщению как отдельно взятого фрагмента текста, так и текста в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. — М.: Высшая школа, 1990. — 320 с.
2. Винокур Г.О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1970. — 452 с.
3. Григорьев В.П. Поэтика слова. — М.: Наука, 1979. — 343 с.
4. Квятковский А.П. Поэтический словарь. 3-е издание, исправленное и дополненное. — М.: РГГУ, 2013. — 584 с.
5. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. — М.: Высшая школа, 1974. — 351 с.
6. Руберт И.Б., Тимралиева Ю.Г. Поэтический язык как объект лингвистических исследований // Известия СПбГЭУ. — 2017. — № 3. — С. 95–100.
7. Якобсон Р. Работы по поэтике. — М.: Прогресс, 1987. — 461 с.

К.Н. Антонова

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ 'ЭПОХА'
В РОМАНЕ ДЖ. БАРНСА «ШУМ ВРЕМЕНИ»**

В статье анализируется концепт 'ЭПОХА' ('ЕРОСН') в его индивидуально-авторской репрезентации в романе Дж. П. Барнса «Шум времени». Основное внимание уделяется установлению интертекстуальных связей романа с произведениями русской литературы и интермедиальных связей с произведениями других семиотических систем.

Ключевые слова: прецедентный текст, интермедиальность, интертекстуальность, концепт.

K.N. Antonova

**INDIVIDUAL-AUTHOR'S PERCEPTION OF CONCEPT EPOCH
IN PATRIC J. BARNES'S NOVEL "THE NOISE OF TIME"**

The article analyzes concept EPOCH in its individual author's representation in the novel "The Noise of Time" by J. P. Barnes. The main attention is paid to the establishment of intertextual links of the novel with the works of Russian literature and intermediate links with the works of other semiotic systems.

Key words: intermediality, intertextuality, concept, precedent text.

Джулиан Патрик Барнс (англ. *Julian Patrick Barnes*, 19 января 1946) — современный английский писатель, признанный представитель литературы постмодернизма.

В зарубежном и отечественном литературоведении творчество Джулиана Барнса освещается в рамках философии постмодернизма в многочисленных научных трудах, среди которых наибольший интерес представляют монография Merrit Moseley «Understanding Julian Barnes» [Moseley 1997], диссертация А.А. Нелюбина «Джулиан Барнс под маской Дэна Каваны: игра в детектив и пародирование жанра»

[Нелюбин 2013], глава в монографии В.Г. Новиковой «Британский социальный роман в эпоху постмодернизма» [Новикова 2013].

В ряде работ художественные тексты Барнса подвергались лингвокогнитивному, дискурсивному анализу, среди которых работы Е.А. Брюхановой «Когнитивно-историческая обусловленность иронии и ее выражение в языке английской художественной литературы (На материале произведений О. Уайльда, У.С. Моэма, Дж. Барнса)» [Брюханова 2004], А.В. Васильевой «Фикциональная дискурсивность сюжетосложения в романе Джулиана Барнса «Как все было»» [Васильева 2006]. Лингвокультурологический анализ текста романа представлен в статье Н.А. Урусовой и З.М. Чемодуровой «Лингвокультурологические особенности романа Дж. Барнса «Шум времени»» [Урусова, Чемодурова 2020]. Авторы статьи, обращая внимание на инокультурный взгляд на Россию, относят роман к биофикциональным повествованиям, определяя последние как «гибридную жанровую форму, базирующуюся на биографии реального исторического персонажа и сочетающую в своей семантике реальность и вымысел, объективность и субъективность» [Урусова, Чемодурова 2020: 48].

Рассмотрение произведений писателя с точки зрения теории интермедиальности ранее не предпринималось. Тем не менее, явное привлечение музыкальных произведений Д.Д. Шостаковича в качестве претекста, делает интермедиальный анализ романа «The Noise of the Time» («Шум времени») перспективным и актуальным.

Наряду с интермедиальными, проявленными оказываются и интертекстуальные связи с произведениями русской культуры: роман основан на материале русской истории XX века, а в качестве центрального персонажа выведен крупнейший советский композитор Д.Д. Шостакович. Интертекстуальные связи с русской литературой обозначаются уже в названии романа — «Шум времени», которое прямо отсылает читателя к автобиографической прозе О. Мандельштама, и прежде всего к его одноименному сборнику эссе [Мандельштам 1925], с которым обнаруживаются и другие признаки сходства, как то: жанровое сходство — в основе обоих произведений воспоминания главного героя, создание образа эпохи за счет включения в повествование прецедентных имен, ситуаций и текстов, среди которых у Мандельштама: портреты городов (Петербург, Москва, Киев, Феодосия), имена деятелей культуры, искусства и литературы и анализ их творчества (Цветаева, Маяковский, Хлебников, Блок, Ахматова), абстрактные

рассуждения о явлениях, составляющих характеристику эпохи («Революционный империализм», «Бунты и француженки», «Книжный шкаф», «Хаос иудейский»).

Роман Барнса «Шум времени», несомненно, представляет интерес для лингвистов. Во-первых, он так же, как и сборник эссе Мандельштама, содержит портрет эпохи 1930–1960-х годов в России, но создан представителем инокультуры. Во-вторых, центральный персонаж — великий русский композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович — побуждает исследователей искать в романе рефлексию музыкальных текстов композитора.

Данная работа представляет собой анализ средств репрезентации индивидуально-авторского концепта ЭПОХА в романе Джулиана Патрика Барнса «Шум времени» [Barnes 2016] с точки зрения обогащения культурного концепта ЭПОХА.

В нашем анализе мы исходили из следующих положений:

1. «Индивидуально-авторский концепт является динамичным компонентом культуры, процесс формирования которого обуславливается ... трансформацией культурного концепта с аналогичным именем в соответствии с личным мироощущением писателя» [Кононова 2015], обогащая тем самым концепт культуры.

2. Интермедиальность есть семиотическая неоднородность вербального текста, обеспечиваемая заимствованиями из текстов других искусств на уровне именованности, формы и образности.

3. Интермедиальность есть частный случай интертекстуальности, т. е. переосмысление литературных текстов и текстов других видов искусств в контексте нового произведения.

Титульная метафора «шум времени» становится текстообразующей и ключевой метафорой романа. Ее функционирование было подробно рассмотрено с литературоведческой точки зрения в статье Т.Г. Телично «'Шум' и 'музыка' в романе Джулиана Барнса «Шум времени»» [Теличко 2017].

Проводя дефиниционный анализ этой метафоры, делаем следующие наблюдения:

1. Согласно Cambridge Dictionary of Contemporary English, *noise* — *(a) sound, esp. when it is unwanted, unpleasant, or loud* [Cambridge Dictionary of Contemporary English]. Согласно словарю музыкальных терминов Musical Dictionary Online, *noise* — *sound of any kind (especially unintelligible or dissonant sound); the auditory experience of sound that lacks musical quality;*

sound that is a disagreeable auditory experience; electrical or acoustic activity that can disturb communication; a loud outcry of protest or complaint incomprehensibility resulting from irrelevant information or meaningless facts or remarks; the quality of lacking any predictable order or plan [Musical Dictionary Online].

2. Элемент *noise* отражает отношение Барнса к взаимоотношениям художника и эпохи как антагонистическим. *Unwanted, unpleasant, unintelligible or dissonant sound* является фактором, с одной стороны, вызывающим неизбежный творческий ответ (см. музыкальные тексты Шостаковича), а с другой стороны, противодействие и неприятие эпохи творческой личностью.

3. Вынося в заголовок романа метафору «Шум времени», заимствованную у Мандельштама, Барнс, по сути, архетипирует взаимоотношения Шостаковича и власти, типизируя их для взаимоотношений творческой личности и власти в 1930–1960-х годах в России.

«Шум времени» Барнса построен в форме внутреннего монолога-воспоминания главного героя и имеет четкую трехчастную структуру, в основе которой стилистический прием нарастания. События каждой части разворачиваются в поворотные моменты в жизни композитора, связанные с его столкновением с властью и ознаменованные премьерой очередного музыкального произведения. Понятийная составляющая концепта ЭПОХА во всех трех частях представлена понятием СТРАХ (FEAR) (39 употреблений в тексте романа), проявление и интенсивность которого нарастают от части к части. В первой части *On the Staircase* («На лестничной площадке») лексема *fear* встречается 10 раз и представлена в именной и глагольной форме: *He waited, suddenly empty of memory, filled only with fear* [Barnes 2016: 3]; *Hands, slipping hands, grabbing hands. As a child, he had feared the dead — feared that they would rise from their graves and seize hold of him, dragging him back into the cold, black earth, his mouth and eyes filling with soil. This fear had slowly disappeared, because the hands of the living had turned out to be more frightening ... But then there was the opposite fear: of slipping from hands that kept you safe* [Barnes 2016: 5]. *This was how you should love — without fear, without barriers, without thought for the morrow. And then, afterwards, without regret* [Barnes 2016: 14]. *He feared for Nita, for his mother, for Galya, for anyone who had ever entered or left his apartment* [Barnes 2016: 20], ... *fearing for the future* [Barnes 2016: 22]. *He was weary of his own fear* [Barnes 2016: 24]. ... *he had feared would end with the Fourth*

Symphony [Barnes 2016: 25]. Страху сопутствует ожидание, вербализованное лексемой *wait* в глагольной и именной форме.

Во второй части («В самолете») лексема *fear* встречается в тексте 19 раз, но ожидание перерастает в стыд (7 употреблений лексемы *shame* в тексте): «*Fear normally drives out all other emotions as well; but not shame. Fear and shame swilled happily together in his stomach*» [Barnes 2016: 25].

В третьей части («В автомобиле») страх (13) и стыд (7) интенсифицируются до отчаяния (5 употреблений лексемы *despair* в тексте): *Music — good music, great music — had a hard, irreducible purity to it. It might be bitter and despairing and pessimistic, but it could never be cynical. If music is tragic, those with asses' ears accuse it of being cynical. But when a composer is bitter, or in despair, or pessimistic, that still means he believes in something* [Barnes 2016: 53].

В основе произведения — концепт ЭПОХА (ЕРОСН) в его индивидуально-авторской реализации.

Рассматривая структуру лингвокультурного концепта ЭПОХА (ЕРОСН), мы обращаемся к Cambridge Dictionary of Contemporary English, согласно которому *epoch (era) — a period of time in history that is known for a particular event, or for particular qualities* [Cambridge Dictionary of Contemporary English].

В словаре American English приводится более развернутое определение *a period of time considered in terms of noteworthy and characteristic events, developments, persons, etc.* [Collins Online English Dictionary].

Анализ лексикографических источников позволяет выявить следующий синонимический ряд к имени концепта — *ERA, AGE, TIME*.

Имя концепта в анализируемом тексте не встречается, равно как и лексема *ERA*. Один раз Barnes обращается к лексеме *AGE* в сочетании *the age of miracles (Who said the age of miracles was past?* [Barnes 2016: 36]). Тем не менее, лексема *time* в значении синонимичном *epoch* встречается в тексте романа 113 раз.

Ценностную составляющую концепта ЭПОХА (ЕРОСН) образуют прецедентные имена, имеющие, с точки зрения Барнса, определенное ценностное значение для русского лингвокультурного сообщества. Среди них: философские и идеологические понятия (*Communism, Fascism, Revolution, Pravda, the 19th Party Congress, Marxism — Leninism, Revisionism*), имена общественных и политических деятелей (*Stalin, Iosiff Vissarionovich, Zhdanov, Malenkov, Tukhachevsky, Zakrevsky и др.*), имена, обозначающие достижения научно-технического про-

гресса (*Pobeda* — название автомобиля), обобщенное наименование власти *POWER* (93 раза в тексте романа), имена создателей литературных произведений (*Pasternak, Akhmatova, Dolmatovskiy*), музыкантов (*Bruno Walter, Toscanini*), композиторов (*Skryabin, Stravinsky, Shebalin, Prokofiev*) в качестве событий, характеризующих эпоху, встречаются понятия Тегор как эпоха террора, военное время (*wartime*) и война (*WAR* — 46 в тексте романа), *in bourgeois, capitalist times*.

Образная составляющая концепта ЭПОХА (ЕРОСН) вербализуется в романе Барнса через титульную метафору *the noise of time*, атрибутивные словосочетания с лексемой *time* (*The harder the times, the grabbier the hands* [Barnes 2016: 25]; *No one had died in the right time* [Barnes 2016: 25]; *the optimistic time* [Barnes 2016: 25]; *ALL HE KNEW was that this was the worst time of all* [Barnes 2016: 25]; *The worst time was not the same as the most dangerous time. Because the most dangerous time was not the time when you were most in danger* [Barnes 2016: 25]; *Soon the happier times would come* [Barnes 2016: 25]) и интермедиальные связи.

Репрезентация образной составляющей индивидуально-авторского концепта ЭПОХА (ЕРОСН) у Барнса может быть рассмотрена с точки зрения теории интермедиальности.

Рассматривая интермедиальную составляющую концепта ЭПОХА (ЕРОСН) у Барнса в рамках классификации Хансена Леве [Hansen-Löve 1983] делаем следующие наблюдения.

На уровне именованности (понятийно-оценочная составляющая концепта) упоминаются в первую очередь произведения самого Шостаковича, цементирующие и обеспечивающие развитие композиционной структуры произведения (*First Symphony, Second Symphony, которая «had been a cantata celebrating the tenth anniversary of the Revolution», ‘Song of the Counterplan’, Lady Macbeth of Mtsensk, Fourth Symphony, Fifth Symphony — ‘an optimistic tragedy’, Seventh Symphony, whose message of anti-Fascism had resounded across the world, Eighth Symphony — ‘unhealthy individualism’ as well as ‘pessimism’*, замыкая рамочную композицию возникающими в конце романа вновь упоминаниями первой, второй и пятой симфоний), имена создателей музыкальных произведений (*Borodin, Skryabin, Prokofiev, Shebalin*), используется лексика, относящаяся к сфере музыки и театра (названия опер *Lady Macbeth of Mtsensk, Boris Godunov, Prince Igor, Rimsky-Korsakov’s Sadko*; название театра — *the Bolshoi, the government box*; названия групп музыкальных инструментов в оркестре *the woodwind and brass, the percussion and the brass*; названия популярных

музыкальных произведений ‘*Ah, It Is Not You I Love So Passionately*’, ‘*The Chrysanthemums in the Garden Have Long Since Faded*’).

На уровне темы мы обнаруживаем аллюзии и реминисценции на музыкальные прецедентные тексты Д.Д. Шостаковича и других русских композиторов, аллюзии на известные произведения русской литературы: *Well, there is no escaping one’s destiny, as the poet assured us* [Barnes 2016: 3] — *И от судеб защиты нет* (Пушкин «Цыганы» (1827 г.)); *Nothing but nonsense in the world* [Barnes 2016: 25] — *Чепуха совершеннейшая делается на свете* (Гоголь «Нос» (1836 г.)); *Life is not a walk across a field: it was also the last line of Pasternak’s poem about Hamlet* [Barnes 2016: 48] — *Жизнь пройти — не поле перейти* (Пастернак «Гамлет» (1946 г.)); *Chekhov said that you should write everything — except denunciations* [Barnes 2016: 49] (слова, приписываемые Чехову, повторенные советским драматургом Е. Шварцем).

На уровне формы обнаруживается заимствование принципов композиции и образостроения другого искусства. У Барнса наблюдается явное композиционное сходство с музыкальной философией Шостаковича, в основе которой развитие ключевой темы в музыкальном произведении, что находит прямое отражение в композиции романа Барнса, в котором тема столкновения с властью реализуется в каждой части с большей интенсивностью. Присутствуют художественные сравнения с произведениями живописи *a final movement to your Fifth Symphony which is the equivalent of painting a clown’s grin on a corpse* [Barnes 2016: 75].

Текст романа представляет собой аллюзию на произведения Шостаковича, передавая их ритмику с помощью синтаксических средств: моделированных повторов, полисиндетона, рамочного обрамления фрагментов воспоминаний (*And so there were three of them* [Barnes 2016: 2] ‘*And so,*’ *you nodded, and called it destiny. And so, it had been his destiny to be called Dmitri Dmitrievich ... And so he became Dmitri Dmitrievich* [Barnes 2016: 4]); звукоподражания (...*So he read how his music ‘quacks and grunts and growls’; how its ‘nervous, convulsive and spasmodic’ nature derived from jazz; how it replaced singing with ‘shrieking’* [Barnes 2016: 11]), меняющегося темпа повествования, реализованного посредством синтаксической структуры предложения (нераспространенные, одно/двусоставные и номинативные в первой части и распространенные и осложненные высказывания, преобладающие в последующих частях), используются музыковедческие термины и наименования музыкальных приемов (темп — *...play Bach’s preludes and fugues at any tempo, with any dynamics*

[Barnes 2016: 53], ритм — *He did not give a fuck. Let others argue about that; his only concern was to get to the end of each day. He had become a technique for survival. Below a certain point, that was what all men became: techniques for survival. Rhythm created by means of patterned repetition* [Barnes 2016: 2]. Таким образом интермедиальные связи способствуют передаче вербальным текстом звукового портрета эпохи.

Техника монтажа, заимствованная из киноискусства, способствующая репрезентации значимостной и образной составляющей концепта ЭПОХА (ЕРОСН), реализуется за счет повторов одних и тех же образов в различных контекстах.

Таким образом, инвариантный образ эпохи 1930–1960-х годов в России, созданный Барнсом за счет интермедиальных связей с прецедентами музыкальными текстами и интертекстуальных связей с русской литературой, структурно дополняет понятийную составляющую лингвокультурного концепта ЭПОХА (ЕРОСН) оппозицией художник-власть, оценочную составляющую, проявленную в ключевой метафоре «the noise of time», сдерживающим и подавляющим влиянием власти на свободу творчества и самореализацию творческой личности. Наиболее своеобразно обогащается образная составляющая концепта, вербализованная в интермедиальных связях романа с прецедентами текстами музыкальных произведений главного героя — Д.Д. Шостаковича и музыкальных произведений 1930–1960-х годов и предшествующих эпох, отражающих «шум» как нежелательный, неприятный звук, препятствующий свободному мироощущению творческой личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декорирования). 3-е издание. Учебное пособие для педагогических институтов. — М. Просвещение, 1990. — 300 с.

2. Брюханова Е.А. Когнитивно-историческая обусловленность иронии и ее выражение в языке английской художественной литературы (На материале произведений О. Уайльда, У.С. Моэма, Дж. Барнса): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Брюханова — Москва, 2004. — 170 с.

3. Васильева Анна Владимировна. Фикциональная дискурсивность сюжетосложения в романе Джулиана Барнса «Как все было»: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Н. Новгород, 2006. — 218 с.

4. Кононова И.В. О типах трансформации структуры лингвокультурных концептов в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 7. № 1. С. 138–149.

5. Новикова В.Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма: Монография. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. — 369 с.

6. Теличко Т.Г. 'Шум' и 'музыка' в романе Дж. Барнса «Шум времени» // Практики и интерпретации. — Том 2 (4). — 2017. — С. 94–97.

7. Урусова Н.А., Чемодурова З.М. Лингвокультурологические особенности романа Дж. Барнса «Шум времени». // Исследования языка и современное гуманитарное знание. — 2020. — т. 2, № 2. — С. 81–92.

8. Hansen-Löve A.A. Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort- und Bildkunst — Am Beispiel der russischen Moderne // Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität: Hg. von W. Schmid und W.D. Stempel (Wiener Slawist. Almanach, Sonderb. 11). — Wien, 1983. — S. 291–360.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

9. Cambridge Dictionary of Contemporary English. [Электронный ресурс] URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

10. Collins Online English Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>.

11. Musical Dictionary Online. [Электронный ресурс] URL: <https://musicaldictionary.com/noise/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

12. Мандельштам О.Э. Собр. соч. В 4 тт. — Т. 2. — М.: ТЕРА, 1991.

13. Barnes J. The Noise of Time [Электронный ресурс]. London: Penguin Random House, 2016. URL: https://royallib.com/book/Barnes_Julian/the_noise_of_time.html

М.Ю. Миронова

СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ИНВЕСТИЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье анализируются инвестиционные термины с колоративным компонентом. Проведенное исследование позволило определить, какие смыслы несут в себе базовые цветовые концепты инвестиционной концептосферы, а также изучить особенности концептуализации мира профессиональным инвестиционным сообществом.

Ключевые слова: термин, концепт, метафора, метонимия.

М.У. Mironova

COLOUR SEMANTICS IN INVESTMENT TERMINOLOGY

The article analyzes investment terms with a colour component. The conducted research allowed to determine the meanings of the basic colour concepts of the invest-

ment concept sphere, as well as to study the features of the conceptualization of the world by the professional investment community.

Key words: term, concept, metaphor, metonymy.

Цвет всегда был в центре внимания лингвистических исследований, как в синхроническом, так и диахроническом аспектах. Многие ученые, например, Brent Berlin (1969), Paul Kay (1969), McDaniel (1978), Barbara Saunders (1992, 2000), Stephen C. Levinson (2000), Wierzbicka (1990, 2006, 2008), Lucy (1997) сравнивали языки мира и цветовосприятие разных народов, проводили работы по выявлению основных цветовых терминов, составляли классификацию цвета, определяли коннотации цветовых категорий, анализировали маршрут эволюции цвета. Категория цвета выступает одной из основных категорий познания мира и существует наравне с такими как время, движение, пространство. Цветовую гамму можно назвать неотъемлемой частью национальной картины мира, она несет эмоциональную нагрузку и отражает восприятие народом окружающей действительности. Каждый язык богат разнообразием цветовых терминов, которые не просто называют цвета, но и несут в себе историческую информацию, специфичную для конкретной культуры. Используемые метафорически, цвета передают различные ассоциативные значения и сообщения, основанные на верованиях, нормах и ценностях каждой культуры. Цвет является неотъемлемой частью не только культурного, но и концептуального мировоззрения народа, и даже отдельной группы людей. Несмотря на то, что существуют универсальные тенденции в названии цветов, они все же находятся под культурным, лингвистическим и даже профессиональным влиянием.

Цвета часто связаны с различными эмоциональными состояниями человека и влияют на них. Концептуальные метафора и метонимия цвета позволяют постигнуть суть абстрактных понятий различных смысловых сфер через более конкретное понятие цвета. Ученые, занимающиеся исследованием цвета в общеупотребительном языке, пришли к мнению, что синий связан с грустью и меланхолией (*to feel blue, in a blue mood, to have the blues*), зеленый — с завистью (*green-eyed, green with envy*), молодостью и неопытностью (*green-headed, green labour, green audit*), деньгами (*greenbacks, long green*), экологией (*green goods, green marketing*), открытостью и свободой (*green channel*); желтый — с трусостью (*yellow-bellied, yellow streak, yellow dog*) и предупреждением

(*yellow warning, yellow alert, yellow light, yellow card*). Гнев ассоциируется с красным (*red-faced, to see red, red in tooth and claw*), также красный цвет используется для предупреждения (*red light, red warning, red line red card*). Черный и оттенки темных цветов обладают плохими коннотациями и связаны с депрессией и пессимизмом (*to see everything black, black mood, black sanctus, black Monday, black depressed*), сверхъестественным (*black art, black artist, black magic*), неприязнью и осуждением (*black book, black sheep, black eye, blacklist, black paternoster*), злостью (*black anger, to look black*), клеветой (*black babbling, blackmouth, blackwash, black propaganda*), моральным злом (*black-hearted, black-souled, lack as sin, blackguard*). Белый, с одной стороны, контрастирует с черным в оппозиции хороший-плохой и ассоциируется с моральной и физической чистотой (*whiter than white, white hearted, white lie, lily-white, white wedding*), освобождением от зла (*white magic, white knight*), справедливостью и законом (*white market, white money*). С другой стороны, не все выражения с лексемой *white* являются положительными. Ряд образных значений выводятся через процесс метонимии: на страх намекают через бледность, вызванную испугом, когда кровь отливает от лица (*bleed white, white livered, white hearted, white-knuckled*), а на напряженные или экстремальные ситуации намекают через яркий белый цвет металла, светящегося при нагревании до высоких температур (*white heat, white hot*).

Цвета выступают способом выражения ассоциаций не только в языке повседневного общения, но и в языке для профессиональных целей. Инвестиционная терминология не является исключением. В англоязычной инвестиционной терминологии метафорические номинации также основаны на близких и понятных для человека ассоциациях. Выборка и анализ языкового материала терминологических словарей исследуемой области позволили отобрать 7 основных цветов, представленных в качестве компонентов инвестиционных терминов, а именно: 1) green (зелёный): *green bond, green book, green card, green field investment, green fund, green investing, green Monday, green shoots, green clause letter of credit*; 2) white (белый): *white elephant, white knight, white paper, white candlestick, white shoe firm, white label product, white squire*; 3) black (чёрный): *black knight, black candlestick, be in the black, black market, black money, black swan, black box model, black box accounting, black economy*; 4) grey (серый): *grey knight, grey list, grey market, grey depression*; 5) blue (голубой): *blue book, blue chip, blue list, blue collar trader, blue month, blue ocean, blue sheets, blue chip stock, blue sky law*;

6) red (красный): red candlestick, red chip, red clause letter of credit, be in the red; 7) yellow (жёлтый): yellow sheets.

Когнитивными механизмами формирования перечисленных терминов выступают метафора и метонимия. Сегодня метафора перестала быть только литературоведческим термином, и используется с целью оказания эмоционального воздействия на адресата в текстах различных языковых жанров, в том числе и в языке науки. Благодаря метафоре представляется возможным проследить механизмы познания людьми окружающих реалий, образ мыслей и ассоциаций. Метафора позволяет осмыслить и понять одну вещь посредством другой, фокусируясь на некотором подобии, сходстве или аналогии между буквальным референтом и образным. Мы используем один домен для того, чтобы структурировать другой домен, основываясь на необходимости понимать абстрактные понятия в терминах более конкретных.

Дж. Лакофф и М. Джонсон предложили новый взгляд на метафору как основную когнитивную функцию, помогающую познать мир и структурировать абстрактные понятия. Согласно их мнению, человеческая концептуальная система, в терминах которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей природе. Данное утверждение породило «когнитивно-лингвистический взгляд на метафору», называемый современной теорией метафоры, которая подходит к метафоре как мыслительному процессу и способу организации и артикуляции опыта. Как резюмировал Дж. Лакофф: если у вас есть что сказать, вы, вероятно, можете сказать это прямо, без метафоры; если вы выбрали метафору, это было для какой-то поэтической или риторической цели, возможно, для изысканности или экономии, но не для простой речи [Лакофф 1986: 215].

Познавательная деятельность человека направлена на исследование окружающего мира и на формирование умений ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний, что неизбежно связано с классификационной деятельностью, то есть с необходимостью выделять и сравнивать объекты и события. Центральное место в такой классификационной деятельности занимают процессы концептуализации. «Концептуализация — это осмысление поступающей информации, мыслительное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т. е. фиксированных в сознании человека смыслов)» [Болдырев 2001: 22]. «Человек не отражает зеркально окружающий мир, а конструирует его в своем

сознании, опираясь, в том числе, на готовые когнитивные схемы и структуры» [Болдырев 2016: 45]. Сопоставление же семантических концептов человеческим разумом ведет к возникновению метафор.

Говоря непосредственно об инвестиционной концептосфере следует отметить, что многие инвестиционные термины образовались от слов общей лексики посредством процесса метафоризации их значения. Ядерные участки реального мира или, другими словами, его базовые концепты, стали «объектами номинации со стороны языкового сознания и объектами научной систематизации со стороны научного сознания» [Корнилов 2003: 24]. Всё, с чем человек сталкивается в повседневной жизни, впоследствии осмысливается и применяется научным сообществом.

Метафоры, репрезентирующие каждый из представленных концептов, формируют огромный материал для изучения. Однако не все инвестиционные термины образованы посредством метафоризации их значения. Ряд выявленных примеров подтверждают предположение о том, что в основе переноса значения инвестиционных терминов лежит метонимия. Согласно мнению Нимейера [Niemeier 1998], большая часть цветовой символики восходит к метонимической мотивации. Первый тип относится к ситуации, когда термины получили цветное обозначение на основании цвета материала, из которого они изготовлены, второй — когда слово или словосочетание, включающее цветовой термин, может означать нецветовое понятие, например, *blue collar*/синий воротничок может означать работника физического труда. Ряд ученых (Verspoor (2006), Agnes de Bie-Kerékjárto (2006), Allan (2009) и др.), занимающихся областью цвета, разделяют данную точку зрения и полагают, что значительное число выражений, содержащих цвет, сформированы через метонимию, а в некоторых случаях метонимическое словообразование смешано с метафорой. Все образные употребления рассматриваемых ими цветовых терминов прямо или косвенно основаны на визуальных атрибутах денотата, подтверждающая метонимическую природу цветовых терминов. Согласно мнению M. Verspoor, метонимия является основой образного употребления цветовых терминов и играет центральную роль в цветовой семантике, а все случаи образного употребления цветовых терминов восходят к метонимическим процессам. Наиболее продуктивным, по мнению ученого, выступает тип метонимии «часть-целое». Например, в спорте цвет майки может обозначать клуб или игроков: *Sky Blues* применительно к английской футбольной лиге [Verspoor 2006].

В результате проведенного анализа англоязычных терминов-фразеологизмов инвестиционной сферы было определено два вида проецирования: метонимическое и метафорическое. Исследование таких когнитивных механизмов семантического терминообразования как метафора и метонимия позволили определить, какие смыслы несут в себе цветовые концепты инвестиционной концептосферы.

Так, анализ колоратива *green/зеленый*, метафорически переосмысленного в инвестиционных терминологических фразеологизмах английского языка, позволил определить следующие смыслы. Терминокомпонент *green* несет положительную коннотацию, поскольку зеленый цвет связан с экологией и защитой окружающей среды, символизируя жизнь в гармонии с природой, сохранение благополучия за счет правильного расходования природных ресурсов. Например, *green currency* («зеленая валюта») — любой из различных искусственных обменных курсов, таких как зеленый фунт, созданный для защиты фермеров стран-участников Европейского экономического сообщества от колебаний валютных курсов [https://banking_finance_new.academic.ru/3389/green_currency]; *green fund* («зеленый фонд») — фонд или другой инвестиционный инструмент, который инвестирует в компании, считающиеся социально сознательными в своих деловых отношениях, продвигающие экологическую ответственность и занимающиеся экологически благоприятными видами бизнеса, такими как альтернативная энергетика, экологичный транспорт, управление водными ресурсами и отходами [https://www.investopedia.com/terms/g/green_fund.asp]; *green investing* («зеленое инвестирование») — инвестирование в компании или проекты, направленные на сохранение природных ресурсов, производство и открытие альтернативных источников энергии, реализацию проектов по очистке воздуха и воды или другие экологически сознательные методы ведения бизнеса [<https://www.investopedia.com/terms/g/green-investing.asp>]. Таким образом, на концептуально-категориальном уровне происходит актуализация концептов, которые лежат в основе языкового значения фразеологизма. Инвестиционные терминологические фразеологизмы с элементом *green* актуализируют такие концепты как SOCIAL RESPONSIBILITY, PROTECTION, ETHICS и приводят к образованию концептуальных метафор GREEN IS SOCIAL RESPONSIBILITY, GREEN IS PROTECTION, GREEN IS ETHICS.

Говоря о колоративе red/красный, следует отметить, что красный цвет является наиболее заметным для человеческого глаза. Он считается «агрессивным», поскольку обладает уникальными физическими свойствами, заставляющими его выделяться при восприятии. В результате того, что у человека фокусная точка для красных световых волн находится за сетчаткой, красные объекты создают оптическую иллюзию того, что они больше и ближе, чем они есть на самом деле. Образы красных вещей буквально выпрыгивают на зрителя, тем самым моментально привлекая его внимание. Поскольку люди так легко фокусируются на красных вещах, кросс-лингвистически умение называть красный цвет более важно, нежели любой другой. По мнению лингвистов Б. Берлина и П. Кея, красный является следующим по важности цветовым термином после самых основных «темных» и «светлых» терминов. Все языковые системы имеют цветовые термины для обозначения темного и светлого. Если язык имеет какие-либо цветовые термины, кроме этих двух, то это обязательно будет красный. Любая культура, обладающая термином красного цвета, скорее всего, будет иметь множество метонимических и метафорических применений и значений, связанных с цветом, в дополнение к множеству применений, где он служит только для описательных целей [Berlin, Kay 1969]. Исследование колоратива red/красный позволило определить, что в инвестиционной сфере красный символизирует: 1) Финансовую задолженность и неплатежеспособность, например, *to be in the red* — быть в долгу, быть «в минусе», иметь задолженность (выражение берет начало из бухгалтерской практики использования красных чернил для обозначения отрицательных значений и убытков); 2) Предупреждение/опасность: *a red candlestick* (красная свеча) — «a price chart indicating that the closing price of a security is below both the price at which it opened and previously closed»/ ценовой график, указывающий на то, что цена закрытия ценной бумаги находится ниже как цены, по которой она открывалась, так и ранее закрытой [<https://www.investopedia.com/terms/r/red-candlestick.asp>]. Свеча — это графическое представление движения цены за определенный период времени. Красный цвет «свечи» указывает на сильный нисходящий тренд. Благодаря цвету (красный, зеленый, черный), который показывает направление движения рынка, аналитики могут быстро извлечь необходимую информацию для оценки рыночных настроений, а уже затем анализировать другие аспекты графика. 3) Внимание: *a red clause letter of credit* (аккредитив с красным условием, аккредитив с красной оговоркой) — «a specific

type of letter of credit in which a buyer extends an unsecured loan to a seller. Red Clause Letters of Credit permit beneficiaries to receive funds for any merchandise outlined in the letter of credit. These letters are commonly used by beneficiaries who act as purchasing agents for buyers in another country»/ особый тип аккредитива, в котором покупатель предоставляет продавцу необеспеченный кредит. Аккредитивы Red Clause позволяют бенефициарам документарных аккредитивов получать средства за любые товары, указанные в аккредитиве. Эти письма обычно используются бенефициарами, которые выступают в качестве агентов по закупкам для покупателей в другой стране [<https://www.investopedia.com/terms/r/red-clause-letter-of-credit.asp>]. Таким образом, отличительной особенностью данного вида аккредитива является включение в него специальной оговорки, позволяющей бенефициару получить авансом средства для покупки или производства товара. Для того, чтобы привлечь внимание назначенного банка, использовались красные чернила. Проведенный анализ показал, что преобладающим типом концептуализации цветообозначения в инвестиционных терминологических фразеологизмах с элементом *red* является метонимизация. Концепт RED представлен в инвестиционной терминологии следующими схемами: RED STANDS FOR WARNING/DANGER, RED STANDS FOR LACK OF MONEY, RED STANDS FOR ATTENTION.

Следующий концепт, представленный в инвестиционной концептосфере, — GREY. Серый цвет занимает положение между черным и белым и, как отмечает словарь Oxford English Dictionary, часто используется образно вместо черного или как противопоставление черному или с целью описать менее экстремальную форму деятельности, объект, человека, что порождает такие слова как greymail/серый шантаж, grey market/серый рынок and greyout/потемнение в глазах. Таким образом, серый цвет представляет собой среднюю точку шкалы, заимствуя метафорические значения у черного и находясь под влиянием белого. В инвестиционной терминологии серый цвет символизирует неофициальную и неэтичную деятельность, например, grey market: «1. a market where a product is bought and sold outside of the manufacturer's authorized trading channels; 2. the unofficial trading of a company's shares usually before they are issued in an initial public offering» [http://investment_terms.enacademic.com/7282/Grey_Market]. «Серый» рынок представляет собой неофициальный, нерегулируемый денежный рынок, на котором продаются и покупаются не котирующиеся на фондовой бирже ценные бумаги. Поскольку такие ценные бумаги не торгуются

на бирже или в системе межотраслевых котировок, ставки и предложения инвесторов не собираются в центральном месте, что снижает прозрачность данного вида рынка. Говоря об истории возникновения термина *grey market*, следует отметить, что так как производители продают свои товары через дистрибьюторов, большинство дистрибьюторских соглашений требуют, чтобы дистрибьютор перепродавал продукты строго конечным пользователям. Однако некоторые дистрибьюторы предпочитают перепродавать эти продукты другим посредникам. В конце 1980-х годов производители обозначили перепроданную продукцию как «серый рынок». С одной стороны, нет ничего незаконного в покупке продуктов «серого рынка», но производители создали термин «серый рынок», чтобы внушить клиентам страх, что покупка перекупленных товаров является незаконной, и тем самым убедить клиентов покупать продукцию только у них. Термин «серый рынок» был выбран из-за его сходства с уже существовавшим на тот момент термином «черный рынок», относящимся к украденной и незаконной продукции. Таким образом, серый рынок нельзя назвать незаконным, и лексическая единица *grey* не означает запрещенную деятельность, а скорее говорит о том, что кто-то «действует не по общепринятым правилам (часто считается неэтичным)» [Федоров 2001: 673]. Товары продаются на «сером рынке» неавторизованными дилерами, часто по сниженным ценам, а производитель отказывается предоставлять гарантию на такие продукты: «*sale of products by unauthorized dealers*» [Downes 1998: 246]. Или, например, термин *grey schemes*, обозначающий «серые схемы», то есть «финансовые и иные операции, находящиеся в «серой зоне» правового регулирования (они не запрещены, но и прямо не разрешены)» [Федоров 2011: 673]. То есть такие схемы нельзя назвать незаконными, но в силу того, что они непрозрачны, их вполне можно назвать неэтичными. Таким образом, можно заключить, что **GRAY IS UNETHICAL, GRAY IS UNOFFICIAL, GRAY IS UNAUTHORIZED.**

В заключение важно подчеркнуть, что цвета, помимо своей основной функции — пигментного описания объектов, вносят вклад в наполнение значений дополнительными ассоциативными смыслами. Человек не только визуально воспринимает цвета, но и лингвистически включает их в профессиональную коммуникацию. Цветовые метафоры и метонимия несут определенный символический смысл, характерный для конкретной культуры. Один и тот же цвет вместе с его абстрактной функцией может использоваться описательно, и быть результатом опре-

деленной культурной традиции, исторических событий и даже субъективных ассоциаций. С этой точки зрения образный язык, изобилующий цветовыми метафорой и метонимией, дает нам ясное понимание того, как различные культуры концептуализируют и моделируют мир.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. — Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.
2. Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. — С. 35–48.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2003. — 349 с.
4. Berlin, Brent. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / Brent Berlin, Paul Kay. — Stanford, California: Center for the Study of Language and Information. — 1969.
5. Lakoff, George. A figure of thought. *Metaphor and Symbolic Activity* 1 (3), 1986. — Pp. 215–225.
6. Niemeier, Susanne. Colorless green ideas metonymise furiously. In *Kognitive Lexicologie and Syntax*, edited by Friedrich Ungerer. Rostock: Universität Rostock, 1998. — Pp. 119–146.
7. Verspoor, M. Colourful Bits of Experience that Count. *Series A: General & Theoretical Papers*. — Paper No. 450, 1998.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

8. Федоров Б.Г. Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1 (А-К). — СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011.
9. Academic Dictionaries and Encyclopedias. URL: http://investment_terms.enacademic.com/7282/Grey_Market.
10. Banking and Finance Dictionary. URL: https://banking_finance.academic.ru.
11. Downes J. Dictionary of Finance and Investment Terms. Fifth edition. 1998.
12. Investopedia Financial Glossary. URL: <http://www.investopedia.com>.

Е.А. Нильсен, М.П. Ефремова

КОМПОНЕНТ INTERNAL КОНЦЕПТА INTERNAL SECURITY

В статье рассматривается семантика основных номинаций концепта INTERNAL SECURITY в современном английском языке: security, safety, internal security, national security, homeland security, intrastate security, domestic security, обуславливающая объем рассматриваемого концепта; обосновывается выбор имени концепта.

Ключевые слова: концепт INTERNAL SECURITY, национальная безопасность, внутренняя безопасность.

COMPONENT INTERNAL OF THE INTERNAL SECURITY CONCEPT

The article examines semantics of the main lexical units which represent INTERNAL SECURITY concept in Modern English, such as security, safety, internal security, national security, homeland security, intrastate security, domestic security. The choice of the concept name is explained.

Key words: INTERNAL SECURITY concept, national security, homeland security, intrastate security, domestic security.

Рассмотрению особенностей экспликации различных культурно значимых концептов в современном английском языке посвящены работы многих ученых (см., например, [Карасик 2004; Кононова 2014; 2015; Нильсен 2009; Руберт, Нильсен 2020; Руберт 2015] и др.), что говорит об актуальности такого рода исследований. В частности, к таким значимым концептам, несомненно, принадлежит INTERNAL SECURITY. Рассмотрим основные лексические единицы, предопределяющие объем этого концепта.

Одним из важнейших элементов, обуславливающих объем концепта INTERNAL SECURITY, является компонент *internal*.

Ведущими единицами, формирующими объем рассматриваемого концепта, можно назвать следующие: *internal security*, *national security*, *domestic security*, *intrastate security*.

Термин *internal security* употребляется в отношении деятельности по поддержанию мира и правопорядка в границах суверенного государства или других замкнутых территорий, опираясь на национальное право и противостоя внутренним угрозам безопасности. Обязанность по поддержанию внутренней безопасности лежит на полиции и военных. Среди угроз, противостояние которым входит в объем данного понятия, обнаруживаются такие, как нарушение общественного порядка, серьезные правонарушения и преступления, связанные с применением оружия, мелкие правонарушения, организованная преступность, нарушения политического режима, и даже проявления терроризма в границах одной страны. Эти угрозы могут быть направлены как против отдельных граждан, так и против государственных органов. Территориальное ограничение границами одной страны подчеркивается в словарных дефинициях рассматриваемой лексической единицы.

Лексическая единица *internal security* репрезентируется в словарях следующим образом:

- domestic security, safeguarding of a country from sources of trouble which exist within a country (внутренняя безопасность, обеспечение защиты страны от внешних по отношению к стране источников опасности) [English contemporary dictionary];
- The state of law and order prevailing within a nation (состояние, при котором в стране преобладает закон и порядок) [Military dictionary];
- That branch of law and government (e.g. CIA, FBI) dealing with measures to protect the country from subversive activities (орган исполнительной власти, регулирующий правительство, деятельность которого направлена на поддержание буквы закона и заключается в обеспечении мер по защите государства от подрывной деятельности) [Black's law dictionary];
- The state of law and order prevailing within a nation (состояние, при котором в стране преобладает закон и порядок) [Dictionary of Military and Associated Terms. US Department of Defense 2005];
- Internal security, is the act of keeping peace within the borders of a sovereign state or other self-governing territories. Generally by upholding the national law and defending against internal security threats (внутренняя безопасность представляет собой деятельность по обеспечению мира внутри границ суверенного государства или иной самоуправляющейся территориальной единицы главным образом путем контроля за соблюдением законов государства и противодействие внутренним угрозам безопасности) [The Web's Largest Resource for Acronyms & Abbreviations].

В докладах Евросоюза как целостного территориального союза, равного государству как правовой единице, данный термин трактуется в рамках определения стратегий и органов, призванных обеспечивать правовую и силовую защиту территориальной единицы. Также он входит в состав наименований некоторых ведомств, стратегий. Например, Internal Security Fund [European Commission] в значении «фонд» в рамках программ внутренней безопасности (Internal Security), разработанных Евросоюзом. Под термином internal security policy понимают руководства по организации деятельности поддержания системы сдержек и противовесов, политического режима, обеспечение защиты демократии (в основе которой лежит принцип приоритета индивида), а также соблюдение базовых прав и свобод человека [Policy Department: Developing an EU Internal Security Strategy]. В данном отчете освещается

непосредственно термин *internal security*, его сфера и значение, регулирующие документы (*Internal Security Strategy (ISS)*), надзорные и исполнительные органы: *activities of the main European Union (EU) agencies, bodies and services involved in internal security policies*. Термин употребляется и в названии ведущего органа обеспечения внутренней безопасности Евросоюза *the Standing Committee on Internal Security (COSI)*. В отчете рассматривается документальное сопровождение деятельности по обеспечению безопасности, включая разработку будущих действий, различные проекты, к примеру, *the 'Harmony Project'* и другие. Модель обеспечения безопасности Евросоюза предполагает борьбу с терроризмом и организованными преступлениями.

В рамках реализуемой политической модели обеспечения безопасности Евросоюз понимает стратегию внутренней безопасности (*ISS*) широко, отмечая взаимодействие между обеспечением безопасности, свободой и справедливостью. В отчете европейской комиссии подробно рассматривается *internal security* с точки зрения реализации политики внутренней безопасности, описывается понимание этого термина, а также его компоненты и характеристики. В документе указывается важность понятия *internal security* ввиду возрастающей угрозы безопасности. Подчеркивается, что, несмотря на относительную безопасность европейского сообщества, угрозы принимают все более углубленный характер, становятся серьезнее и изощреннее. В сферу угроз, покрываемых понятием *internal security*, попадают все новые угрозы. В документе производится деление видов угроз по степени тяжести и сфере реализации. Так, выделяется пять основных видов угроз: терроризм, организованная преступность природные и техногенные катастрофы, киберпреступность, угрозы внутренней безопасности ЕС., и приводится комплекс мер противостояния им [*Special Eurobarometer 371 2011: 10*].

Помимо политической сферы, термин *internal security* имеет устойчивую ассоциацию со сферой компьютерной и информационной безопасности. В частности, в словаре *Dictionary of networking* говорится о том, что *internal security* означает меры по обеспечению безопасности, предпринимаемые во избежание несанкционированного доступа к компьютерным системам внутри организации [*Dictionary of networking 2014*].

Также он употребляется при наименовании подразделения контрразведки в структуре Временной Ирландской республиканской армии. Под *internal security* традиционно понимается деятельность по

поддержанию мира и порядка в границах суверенного государства или других независимых самоуправляющихся территорий, противодействие внутренним угрозам безопасности. Ответственность за это несут полиция и нерегулярные вооруженные силы. Аналогичным образом трактуется понятие и в других документах, например, рекомендациях Красного Креста по предотвращению угроз внутренней безопасности, а также сил, ответственных за это [ICRC 2002: 8].

Согласно словарям, лексическая единица *internal security* трактуется как состояние, при котором в стране преобладает закон и порядок [Dictionary of Military and Associated Terms 2005]. Также данная дефиниция фиксируется и в составе других единиц: Internal Security Committee — комитет, существовавший в США до 1975, печально известен антикоммунистическими настроениями в середине XX века.

Термин *internal security* обнаруживает сложную комплексную структуру охватывает несколько социально-общественных сфер: политическую, территориальную, цифровую и другие.

Следующим термином, детерминирующим сферу внутренней безопасности, является *national security*. В первую очередь он подразумевает обеспечение защиты: государство в качестве властной структуры должно защищать государство как объект и его граждан от любого рода национальных (государственных) кризисов. Данная деятельность осуществляется посредством различных механизмов: политический институт власти, дипломатические институты, экономические, военные и другие. Термин «national security» зародился в США во время Второй Мировой Войны. Он был впервые употреблен в 1904 году президентом США Т. Рузвельтом в качестве синонима «defense». Впоследствии понятие «national security» освещалось во многих трудах американских ученых, таких, например, как Т. Морган, Г. Моргентау, Е. Мэй, Б. Рассел, А. Уолферс и др. [Сацута 2007: 37]. Сегодня в зарубежной теории безопасности под ним понимается безопасность общества, представляющая собой сложный комплекс явлений. Он включает защиту свобод граждан, их прав на своеобразие, защиту идеалов общества и т. д. В США «national security» означает, что «... Соединенные Штаты сохраняются в качестве свободной нации и соблюдают неприкосновенность ее основных институтов и ценностей» [Алексин 1992: 63].

Первоначально *national security* была, в первую очередь, связана с вооруженными силами, а также угрозами военно-милитаристского характера. Однако с течением времени сфера угроз расширялась,

и в настоящее время помимо военно-ориентированных, отмечаются гражданские и экономические угрозы в рамках государства.

National security относится к сфере обеспечения безопасности суверенного государства, включая его граждан, экономику, разного рода институты, при этом обязанность такового обеспечения возлагается на государство.

Изначально понятие включало лишь противостояние и предупреждение военных нападений, однако с течением времени его понимание расширилось. Теперь оно охватывает скорее невоенные направления обеспечения стабильности общества, и соотносится с такими сферами, как экономическая безопасность, безопасность окружающей среды, пищевая безопасность, кибербезопасность и другие. Соответственно, среди угроз, формирующих вектор данного понятия, помимо угрожающих действий со стороны других государств, оказываются акты агрессии со стороны акторов, не равных государству, наркокартелей, транснациональных корпораций, а также стихийные бедствия.

Данное представление о *national security* нашло отражение в разного рода лексикографических источниках, как в толковых словарях общей направленности, так и в узкоспециализированных словарях:

- представление о необходимости сохранности и охраны государственных тайн, а также воддержание обороноспособности армии для обеспечения защиты граждан [Dictionary of contemporary English];
- представление о необходимости сохранности и охраны государственных тайн, а также воддержание обороноспособности армии для обеспечения защиты граждан [Longman dictionary of contemporary English];
- собирательный термин, обозначающий как национальную оборону, так и внешние отношения США [Military dictionary];
- защита или безопасность секретов государства или его граждан [MacMillan Dictionary];
- защитная деятельность государства в отношении любых внешних или внутренних угроз его существованию [Australian English dictionary].

С другой стороны, понятие *national security* (внутренняя безопасность) реализуется как противоположное сфере международной безопасности в дихотомии *national — international security*. Соответственно, вектор направленности *national security* противопоставляется вектору

реализации международной безопасности, и определяется как нацеленный на обеспечение внутренней безопасности государства и личности.

Современная глобализация придала давно существующим угрозам новый вид, и создала новые, вследствие чего появилось осознание, что стратегии внутренней безопасности иногда оказываются неспособными противостоять отдельным видам угроз силами отдельного государства. Понятие внутренней безопасности в рамках стратегий национальной безопасности отдельно взятого государства расширилось, обнаруживая прочные взаимосвязи с проблемой обеспечения безопасности в рамках регионального и международного контекста.

Так, в стратегиях национальной безопасности отмечается, как следствие, расширение списка угроз, входящих в объем данного направления, начиная от эпидемий и инфекционных заболеваний, до терроризма и организованной преступности, транспортной безопасности, пищевой, энергетической, климатической и многих других [National Security Strategy, Sweden 2017: 1].

Данная единица отмечается в Стратегии национальной безопасности США, где упор делается на восстановление американского мирового лидерства как на мировой, так и внутренней арене. Напрямую говорится о зависимости уровня безопасности и власти от лидера страны (Америки), что отвечает принципам понимания безопасности [National Security Strategy of the United States of America 2017: 1].

Лексическая единица *national security* входит в состав многих терминов, относящихся к сфере внутренней безопасности страны, например, The National Security Council (NSC) — Совет по обеспечению национальной безопасности — ведущая площадка для обсуждения вопросов национальной и международной безопасности [National Security Council]. Среди лексических единиц, обуславливающих объем понятия *national security*, можно назвать следующие: President, Secretary of Defense, President for National Security Affairs. Military advisor, Director of National Intelligence и другие.

Термин *national security* зафиксирован в названии закона the National Security Act о продвижении национальной внутренней безопасности, об установлении военных сил, министерств, военных ведомств и других структур, подчиняющихся правительству с целью обеспечения внутренней безопасности. В первоначальном виде эта область относилась целиком к государственному уровню и включала лишь угрозы милитаристского характера [National Security Act 1947].

В настоящее время данный термин является ключевым и ведущим в теории безопасности западных стран.

Homeland security — термин преимущественно американского варианта английского языка. Это американский «зонтичный термин», означающий внутреннюю деятельность государства по обеспечению внутренней безопасности государства. Сюда входит обеспечение состояния безопасности, защищенности, отсутствия угроз, устойчивости при оказании сопротивления терроризму и другим угрозам в соответствии с интересами Америки и американского образа жизни: усилия государства обеспечить положение, при котором отечество находится в стабильности, безопасности и может противостоять терроризму и другим угрозам, когда интересы, надежды и образ жизни Америки в совокупности выступают как способные поддержать усилия государства для предотвращения террористических актов, снизить уязвимость США к терроризму, минимизировать ущерб от террористических атак [Reese 2013:8].

The Essential Law Dictionary трактует данный термин совокупные действия правительства США по обеспечению территории США свободной от угроз, включая природные катастрофы, такие, как ураганы, а также техногенных катастроф, например, террористических актов) [Blackwell 2008: 226].

Useful English Dictionary предлагает рассматривать данный термин не с точки зрения предпринимаемых действий, но как агенса, осуществляющего вышеозначенную деятельность: федеральный департамент, который занимается всеми вопросами, связанными с ациональной безопасностью [Useful English Dictionary].

Словарь English dictionary также придерживается аналогичной трактовки: отдел правительства США, ответственный за обеспечение защиты США от террористических актов, или же деятельность этого отдела [English Dictionary].

MacMillan Dictionary определяет Homeland Security как отдел правительства США, ответственный за обеспечение защиты США от террористических актов, или же деятельность этого отдела [MacMillan Dictionary].

Таким образом, исходя из словарных статей и данных документов, посвященных национальной безопасности, можно выявить специфику термина *homeland security*, а именно: 1) он определяет деятельность по обеспечению безопасности; 2) комплекс мер по обеспечению безопасности реализуется исключительно государством; 3) сфера охвата

термина включает конвенционально закрепленный перечень угроз. Стоит отметить, что лексикографические источники, в отличие от официальных документов, трактуют термин *homeland security* шире.

Список угроз не ограничивается лишь терроризмом, он — лишь одна из многих базовых угроз обществу. В США в рамках концепции безопасности распространен подход комплексной угрозы. Таким образом, в сферу интересов *homeland security* включаются и разного рода стихийные бедствия, и природные катастрофы, и техногенные катастрофы: начиная от ураганов (Катрина) до террористических актов (события 11 сентября). Термин вошел в употребление впервые в законе о национальной государственной безопасности, о безопасности родины — the Homeland Security Act of 2002 — вскоре после событий 11 сентября. Также были сформированы Department of Homeland Security — Департамент внутренней безопасности — и United States Department of Homeland Security — Министерство национальной безопасности США. Соответственно, в рамках реализации данной сферы осуществляется обеспечение военной защиты территории США, его суверенности, населения, и создание инфраструктуры по противостоянию внешним угрозам и агрессии.

Словарь The Essential Law Dictionary трактует *homeland security* как совокупные действия правительства США, обеспечивающие свободу территории США от разного рода угроз, включая техногенные и природные катастрофы [The Essential Law Dictionary 2008: 226].

Таким образом, составители словаря трактуют термин *homeland security* как имеющий отношение сугубо к безопасности США.

Термин *intrastate security* встречается достаточно редко и употребляется в ситуации нарочитого подчеркивания ограничения развития конфликта границами страны, для нашего исследования не релевантен [Abazi 2001: 2].

При установлении объема концепта INTERNAL SECURITY следует учитывать в первую очередь общность при пересечении объемов понятий *internal security*, *domestic security*, *homeland security*. В зону пересечения входят состояние безопасности, меры и деятельность по обеспечению безопасности, органы, институты и документы, ориентированные на обеспечение безопасности, а также актуальные угрозы: 1. Внутренняя безопасность, защита государства от угроз или проблем внутри страны; 2. Деятельность по поддержанию мира и правопорядка в суверенном государстве или иной самоуправляющейся террито-

рии, главным образом поддержание верховенства закона и защита от внутренних угроз; 3. Отдел правительства, ответственный за защиту США от террористических нападений, или же деятельность этого отдела; 4. Воззрение о необходимости сохранения государственных секретов и поддежание обороноспособности армии с целью защиты граждан [<https://www.definitions.net/definition/internal+security>]. Все эти аспекты учитываются при описании структуры концепта INTERNAL SECURITY. Таким образом, лексическая единица *internal security* выбрана для номинации концепта INTERNAL SECURITY, поскольку ее семантика наиболее точно отражает представления о внутренней безопасности. Компонент «человек» включается в INTERNAL SECURITY как объект теории безопасности. Исходя из современной парадигмы теории безопасности, *human security* также является компонентом *national security*.

Диссонанс между традиционной безопасностью и безопасностью личности (*conventional security* — *human security*) обусловлен историческими фактами. В настоящее время безопасность выступает одновременно в объективной и субъективной формах. С одной стороны, термин используется в отношении безопасности, гарантий, символа ценностей, того, чем дорожат, и что нежелательно утратить. С другой стороны, термин применяется в теории международной безопасности как безопасность предмета, индивида или общества. Безопасность носит отрицательный характер — она маркирует отсутствие тех или иных опасностей, включая угрозы или страх, вымышленные или реальные. Такое отсутствие трактуется зачастую как *liberty* [Burgess 2008: 58].

Таким образом, при определении объема концепта INTERNAL SECURITY мы опираемся на совокупный объем семантики его основных номинаций *security* и *safety*, а также лексических единиц *internal security*, *national security*, *homeland security*, *intrastate security*, *domestic security*. Лексическая единица *internal security* выбрана в качестве имени концепта, поскольку она наиболее точно передает представление о внутренней безопасности, и ее семантическая структура включает интегральные семы, присущие семантике основных лексических единиц, номинирующих внутреннюю безопасность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексин В.И. Советско-американское военное сотрудничество: контакты и осмысление результатов // Военная мысль. 1992. № 2. С.63.

2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Москва: Гнозис, 2004.
3. Кононова И.В. О типах трансформации структуры лингвокультурных концептов в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Том 7. Номер 1, 2015. — С. 138—149.
4. Кононова И.В. Структура лингвокультурного концепта: способы языковой и дискурсивной объективации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, 2014. — №5 (24). — С. 32—42.
5. Нильсен Е.А. Языковая репрезентация образной составляющей концепта «время» в произведениях Р. Баха // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. №12 (90): Общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, культурология, искусствоведение, языкознание, литературоведение, экономика, право). — 2009. — С. 125—131.
6. Руберт И.Б., Нильсен Е.А. Репрезентация концепта TIME в произведениях Дж. Р. Фаулза // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2020. — №5 (125). — С. 252—256.
7. Руберт И.Б. К вопросу о регулятивной роли концепта // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. — Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2015. — С. 232—233.
8. Сацуца А.А. Национальная безопасность как социальное явление: современная парадигма. В: Вестник Военного университета, 2007, № 3 (11) С. 36—43.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

9. Australian English dictionary [Электронный ресурс] URL: http://australian_english.enacademic.com/69991/national_security (дата обращения 12.01.2021).
10. Dictionary of contemporary English [Электронный ресурс] URL: http://contemporary_en.enacademic.com/24929/national_security (Дата обращения 28.12.2020).
11. Dictionary of Military and Associated Terms. US Department of Defense 2005 [Электронный ресурс] URL: <http://www.thefreedictionary.com/internal+security> (дата обращения 12.01.2021).
12. Dictionary of networking 2014 [Электронный ресурс] URL: http://networking_en.enacademic.com/1516/internal_security (дата обращения 21.01.2021).
13. English Dictionary 2014 [Электронный ресурс] URL: https://english_dictionary.academic.ru/22505/Homeland_Security (дата обращения 21.01.2021).
14. Essential Law Dictionary. Blackwell A. H. // Naperville, Illinois: Sphinx® Publishing, An imprint of Sourcebooks, Inc., 2008. — 562 p.
15. Longman dictionary of contemporary English. [Электронный ресурс] <https://www.ldoceonline.com/dictionary/national-security> (дата обращения 12.01.2021)
16. MacMillan Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/national-security> (дата обращения 12.01.2021).
17. MacMillan Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/homeland-security> (дата обращения 12.01.2021).
18. Military dictionary 2014 [Электронный ресурс] URL: <http://enacademic.com/dic.nsf/military/3542/national> (дата обращения 14.01.2021).
19. Useful English Dictionary 2012 [Электронный ресурс] URL: https://useful_english.academic.ru/65379/Homeland_Security (дата обращения 14.01.2021).
20. Dictionary of networking [Электронный ресурс] URL: http://networking_en.enacademic.com/1516/internal_security (дата обращения 13.01.2021).
21. Dictionary of Military and Associated Terms. (2005). Dictionary of Military and Associated Terms. US Department of Defense 2005 [Электронный ресурс] URL: <http://www.thefreedictionary.com/internal+security> (дата обращения 13.01.2021).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

22. Abazi E. Intra-state Conflicts, International Interventions and their Implications on Security Issues, Case of Kosovo. COPRI — Copenhagen Peace Research Institute. Working Papers (32), 2001. [Электронный ресурс. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01552167/document>] (дата обращения 11.01.2021).

23. Burgess L. Peter. The ethical challenges of human security in the age of globalization [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/11858385/The_ethical_challenges_of_human_security_in_the_age_of_globalisation (дата обращения 28.12.2020).

24. European Commission // Электронный ресурс URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/financing/fundings/security-and-safeguarding-liberties/internal-security-fund-police_en (дата обращения 12.01.2021).

25. Directorate General For Internal Policies [Электронный ресурс] URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2011/462423/IPOL-LIBE_ET%282011%29462423_EN.pdf. 149p. (дата обращения 12.01.2021).

26. ICRC 2002 [Электронный ресурс] URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/law11_final.pdf (дата обращения 12.01.2021).

27. National Security Act 1947 [Электронный ресурс] URL: <https://www.dni.gov/index.php/ic-legal-reference-book/national-security-act-of-1947> (дата обращения 12.01.2021).

28. National Security Council [Электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/nsc> (дата обращения 12.01.2021).

29. National Security Strategy, Sweden, Prime Minister's Office (2017). "National Security Strategy" (PDF). Retrieved 2017-12-1 [Электронный ресурс] URL: <https://www.government.se/4aa5de/contentassets/0e04164d7eed462aa511ab03c890372e/national-security-strategy.pdf> (дата обращения 12.01.2021).

30. National Security Strategy of the United States of America 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=806478>. Дата обращения 12.01.2020.

31. Shawn Reese. Defining Homeland Security: Analysis and Congressional Considerations [Электронный ресурс] URL: <https://fas.org/sgp/crs/homesecc/R42462.pdf> (дата обращения 12.01.2021).

32. Special Eurobarometer 371: INTERNAL SECURITY 2011 [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_371_en.pdf (дата обращения 12.01.2021).

А.А. Пруцких, Т.А. Пруцких

ЧАЙ КАК ЦЕННОСТЬ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье описывается значение концепта «чай» в лингвокультуре и социальной жизни Китая, роль ценности «чай» в развитии китайского общества, а также ее отражение в китайской поэзии эпохи Тан. Представлены особенности и обстоятельства, которым соответствует определенный вид чайной церемонии.

Ключевые слова: чай, чайная церемония, культура Китая, традиции, общество.

TEA AS A VALUE IN CHINESE LINGUO-CULTURE

The article views the significance of the concept “tea” in the linguistic culture and social life of China, the role of the value of “tea” in the development of Chinese society, as well as its reflection in Chinese poetry of the Tang era. The features and circumstances that correspond to a certain type of tea ceremony are presented.

Key words: tea, tea ceremony, Chinese culture, traditions, society.

Известно, что Китай — родина чая, а китайская чайная культура имеет долгую и богатую историю. С древних времен чай был одним из семи самых важных продуктов Китая, перед которыми открывались все двери, эти волшебные вещи — дрова, рис, масло, соль, соевый соус, уксус и чай (开门七件事为柴米油盐酱醋茶).

Существует множество легенд о возникновении чая, самая популярная связана с именем легендарного правителя Китая Шень Нун (神农 Shénnóng, божественный земледelec), которого считают одним из важнейших культурных героев в китайской мифологии, покровителем земледелия и медицины. Согласно сказанию, император Шень Нун пил только кипяченую воду и всегда носил с собой котелок, в котором ее грел. Однажды устав от трудов, он присел под деревом, развел костер и стал кипятить воду. Подул ветер, сорвал несколько листьев с дерева, под которым отдыхал Шень Нун, и они упали в котел с закипающей водой. Через несколько мгновений император Шень Нун почувствовал чудесный аромат и выпил получившийся настой, который имел неповторимый восхитительный вкус, Шень Нун наполнился новыми силами и энергией...

С момента открытия чая традиция добавления листьев чайного растения в кипящую воду, для получения ароматного и приятного напитка, прочно укрепилась в Китае и становилась все популярнее. Китайцы также заметили, что чай обладает многими полезными оздоровительными свойствами, благодаря чему долгое время считали его исключительно лекарственным средством.

Во времена династии Тан китайский поэт и писатель Лу Юй (陆羽) обобщил и систематизировал опыт выращивания, производства и употребления чая в первом письменном трактате «Чайный канон» (茶经 chá jīng). В этой работе речь шла и о значении чайной посуды и воды для приготовления чая, и об искусстве заваривания чая,

и о чайной церемонии в сочетании с размышлениями о конфуцианстве и гармонии. «Середина является наиважнейшей основой (действия людей) в Поднебесной, гармония — это путь, которому должны следовать (люди) в Поднебесной. Когда удастся достигнуть (состояния) середины и гармонии, в природе устанавливается порядок и все сущее расцветает» [Древнекитайская философия 1972: 119].

С тех пор дух чая проник во все сферы жизни китайского общества, он присутствует в китайской поэзии, живописи, каллиграфии, религии и т. д. Только в «Поэмах династии Тан» написано более 500 стихотворений, в которых заложены основы китайской чайной культуры, обладающей уникальным сочетанием материальных и духовных ценностей. Одним из самых известных стихотворений о чае Танской эпохи является произведение Юань Чжэня (元稹) с одноименным названием «Чай».

茶

香叶，嫩芽。

慕诗客，爱僧家。

碾雕白玉，罗织红纱。

铫煎黄蕊色，碗转曲尘花。

夜后邀陪明月，晨前独对朝霞。

洗尽古今人不倦，将知醉后岂堪夸 [唐诗中的“茶”2021].

Чай

Ароматные листья, молодые побеги.

Чай любят и поэты, и монахи.

Белый нефритовый каток для размалывания чая,

чайное сито из красной пряжи

Для приготовление чая необходимо сначала подсушить бутоны в яо*,

Чтобы они приобрели желтый цвет,

Затем наполнить чашечку плавающей пеной.

Чай пьют и ночью под светом луны, и утром с рассветом.

В древности и сейчас — во все времена чай наполняет человека энергией,

И употребление чая после застолья может помочь протрезветь.

(перевод А. Пруцких)

Перед нами целая энциклопедия чайного ритуала — высокое качество чайных листьев, специальные чайные принадлежности, процесс приго-

---

* Специальный сосуд для приготовления чая.

товления напитка, его энергетическая и отрезвляющая ценность, лучшее время для чаепития.

Давайте насладимся прекрасными строками еще одного выдающегося поэта эпохи Тан Бо Цзюйи (白居易).

食后

食罢一觉睡，起来两瓯茶。

举头看日影，已复西南斜。

乐人惜日促，忧人厌年赊。

无忧无乐者，长短任生涯 [今日茶诗 2019].

После приема пищи

*Как только начало клонить ко сну после еды,
выпил пару чашек чая.*

Поднял голову и увидел, что солнце садится на юго-западе.

Только люди, которые свободны от забот и радости,

Независимо от того, быстро или медленно течет время,

Продолжают вести размеренную жизнь.

(перевод Т. Пруцких)

В данном произведении представлена одна из особенностей зеленого свежесваренного китайского чая — бодрящий и тонизирующий эффект. Также чаепитие предполагает созерцание и размышления о смысле и темпе жизни, о чем и пишет автор стихотворения.

Следует обратить внимание, что именно в чайном трактате «Ча цзин» Лу Юя был употреблен, и используется по сей день, иероглиф 茶 (chá) «чай». Данное произношение относится к северному диалекту, поэтому, попав в Россию через Чайный путь, этот драгоценный товар русские называли чаем, что очень созвучно с китайским наименованием. Жители южной провинции Фуцзянь (福建), говорящие на диалекте Минь (闽, произносят иероглиф 茶 как tě, и европейское название чая произошло от данного звучания. Именно из фуцзяньских портов португальские мореплаватели, основавшие колонию Макао, впервые начали экспортировать чай в европейские страны — мы знаем, что по-английски чай звучит как tea, а по-немецки — tee.

В китайской культуре особое значение отводится цифровой символике, так как, по мнению китайцев, именно числа способны отражать действительность. Иероглиф 茶 состоит из трех ключей: в верхней части иероглифа расположен ключ 艹 «травя», в котором три черты; в центре находится ключ 人 «человек», состоящий из двух черт; внизу — ключ 木 «дерево», содержащий четыре черты. Сумма всех черт

равна девяти, а цифра 9 в китайской нумерологии является числом императора и символом вечности, неслучайно китайская поговорка гласит: 茶寿老人 «Чай продлевает жизнь пожилым людям» [Китайский иероглиф чай 茶, его значение и история развития 2021].

Ключи иероглифа 茶 трава, человек и дерево символизируют «человека среди трав и деревьев», то есть среди дикой, естественной природы, поэтому чай олицетворяет единство человека и природы, гармонию и равновесие. Лучший чай — это растение, выросшее высоко в горах, впитавшее в себя энергию неба и земли, но идеальным напиток получится только тогда, когда чай будет приготовлен из воды чистого источника в чайнике из Исинской глины. Древние люди считали, что в чашке чая есть небо, земля, горы, вода, доброжелательность и мудрость [中国茶的发展简史 2019].

К основным разновидностям китайского чая относят зеленый, черный (红茶), чай улун (乌龙), чай Пуэр (普洱), белый и желтый. Чай употребляют в Поднебесной ежедневно наряду с другими напитками не только для утоления жажды — есть обстоятельства, которым соответствует определенный вид церемонии:

- «Знак уважения» — угощая изысканным напитком старшего по возрасту или по статусу, человек показывает ему свое почтение.
- «Семейная встреча» — церемония проходит при встрече родственников.
- «Знак извинения» — после ссоры родственник, знакомый или друг, который хочет примирения, подносит чашку чая в знак искреннего раскаяния.
- «Благодарность старшим родственникам в день бракосочетания» — жених и невеста, стоя на коленях, подносят чашку чая родителям, которые благословляют молодых на счастливую жизнь.
- «Сплочение семьи в день свадьбы» — напиток преподносится каждому родственнику с произношением его имени и официального титула, так знакомятся новые родственники двух семей.
- «Поддержание традиции» — самый популярный вид церемонии, когда в чайной комнате собираются родственники и друзья, старшее поколение в беседе передает свой жизненный опыт и традиции молодым людям [Китайская чайная культура 2021].

С древних времен считалось, что выращивание, производство, заваривание и дегустация чая требуют высокого мастерства, поэтому

с течением времени появилось чайное искусство, важным элементом которого является чайная церемония. По-китайски чайная церемония называется 茶道 (chádào путь чая), она символизирует мир (和), спокойствие (静), радость (怡) и истину (真). Для успешной чайной церемонии необходимы следующие обязательные составляющие: душевный настрой, выбор чая, вода (ее называют «матерью чая»), чайная посуда и утварь, окружающая обстановка и чайный мастер. Выпивая чашку чая, можно насладиться его цветом, ароматом, вкусом, послушать колыхание настоя и почувствовать его теплоту — важно получить и эстетическое удовольствие, и душевное равновесие. Китайская мудрость гласит, что увлечение чаем может стать началом духовного пробуждения. Искусство чаепития помогает людям отвлечься от повседневной суеты, обрести позитивный настрой и поделиться спокойствием и умиротворенностью.

Словарная статья 茶 «чай» в китайско-русском словаре известного издательства «Шану Иньшугуань» (商务印书馆) насчитывает свыше 50 различных словосочетаний, среди которых только 8 названий чайных мест: 茶馆、茶室、茶亭、茶店、茶座、茶会、茶屋、茶园 [汉俄词典 1992]. Продолжая описывать важное влияние чая на социальную жизнь и развитие китайского общества, следует сказать и о значении чая в современной культуре Китая.

1. 以茶联谊，以茶会友，客来敬茶，以茶示礼. Устанавливать дружеские отношения за чаем, встречать друзей чаем, предлагать гостю чай, преподносить чай в качестве подарка.

2. 以茶代酒、以茶倡廉，以茶养性. Пить чай вместо вина, пить чай и поощрять честность и неподкупность, пить чай и воспитывать характер.

3. 经茶主媒、以茶祭祀、茶禅结合. Чай, как источник информации; чай, как жертвоприношение; чай, как достижение дзэна.

4. 以茶作诗作画，以茶歌舞，经茶献艺，茶乡旅游. Описание чая в поэзии и в живописи, песни и танцы о чае, мастерство чайного искусства, путешествие на родину чая.

5. 经茶做菜，以茶曾食，以茶设宴，提倡茶为国饮. Использование чая в приготовлении блюд, чай вместо еды, чайные банкеты, позиционирование чая как национального напитка.

6. 饮茶健身，以茶制药. Употребление чая для фитнеса, использование чая для производства лекарств — всестороннее применение оздоровительных свойств чая.

7. 弘扬茶文化，促进社会进步和茶业的发展. Продвижение чайной культуры, содействие социальному прогрессу и развитию чайной индустрии [中国茶文化 2021].

Китайский народ гордится и прославляет свою национальную культуру на протяжении всего развития общества. Унаследовав великую чайную культуру от предков, китайцы провозгласили ее константой китайских традиционных ценностей, открыли всему миру важную роль чая и чаепития. Именно чаепитие в современном обществе является одним из значимых элементов взаимодействия людей, без которого не обходятся ни бытовая, ни деловая сферы общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Древнекитайская философия. Т. 1–2. — М., 1972. — 361 с.
2. Китайская чайная культура. [Электронный ресурс] / Википедия. — 2021. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%87%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0
3. Китайский иероглиф чай 茶, его значение и история развития. [Электронный ресурс] / AG. — 2021. URL: <https://autogear.ru/article/412666/kitayskiy-ieroglif-chay-ego-znachenie-i-istoriya-razvitiya/>
4. 中国茶的发展简史 [Электронный ресурс] / Baidu百科. — 2019. URL: <https://baike.baidu.com/reference/222768/304a2IsdoRJDnuS2Ac99kD8yTQUltQpc9zLM8Gv13MdfIyeFeBMkJ-m0yIUv8n-SSUrzHmF9CHMMgXTPDDfT27RVLnaFj1ABw6xLts3hfknobZ0eFt5PN8DB8IWpYNraqFb0e8kDxktTtB/>
5. 中国茶文化 [Электронный ресурс] / Baidu百科. — 2021. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E8%8C%B6%E6%96%87%E5%8C%96>

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

6. 汉俄词典/上海外国语学院汉俄词典编写组编. — 北京: 商务印书馆出版, 1992. — 1250 页.
7. Большой китайско-русский словарь в 4 т. под ред. И. М. Ошанина. — М.: Наука, 1983.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

8. 唐诗中的“茶” [Электронный ресурс] / 知乎. — 2021. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/152002514>
9. 今日茶诗 [Электронный ресурс] / 说茶网. — 2019. URL: <http://www.ishuocha.com/lishi/charen/61647.html>

УРБАНОНИМЫ В ЯЗЫКЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ Г. ГАМБУРГ)

В статье рассматриваются урбанонимические номинации г. Гамбург (ФРГ) как элемент сверхтекста о городе. Автор анализирует знания и значения, репрезентированные в номинациях объектов городского пространства, определяет их основные структурные и семантические типы, обосновывает их культурную и прагматическую ценность.

Ключевые слова: урбаноним, топоним, язык городского пространства, ономастика, неофициальный топоним, номинация.

N.A. Trofimova

URBANONYMS IN THE LANGUAGE OF URBAN SPACE

The article views the urbanonymic nominations of Hamburg (Germany) as an element of the supertext about the city. The author analyzes the knowledge and meanings represented in the nominations of urban space objects, determines their main structural and semantic types, substantiates their cultural and pragmatic value.

Key words: urbanonym, toponym, language of urban space, onomastics, unofficial toponym, nomination.

Город и городская среда находятся сегодня в самом центре интереса самых разных сфер науки (история, фольклор, литературоведение, искусствоведение, антропология и др.), в том числе и лингвистики, изучающей, например, тексты городского пространства, номинации его объектов. Городское пространство интересно лингвисту как репрезентация специфической городской картины мира, как уникальная система знаков и самостоятельный сегмент среды жизненного мира человека, которая оказывает воздействие на восприятие и мотивацию его поведения, его культурные практики.

Основным содержанием городского пространства является огромное количество семантических точек в виде имен собственных разных разрядов, основными из них следует считать все типы городских топонимов или урбанонимов (названия улиц, переулков, проспектов, бульваров, площадей, рынков, гастрономических объектов, жилых комплексов, административных районов, отдельных зданий, церквей, монастырей), поскольку они специфически организуют городское пространство, отражают уникальное «лицо» и «характер» города, «душу

города» (*genius loci*), как это явление называл Н.П. Анциферов в начале 20 в. [Анциферов 2014].

Урбанонимы являются неотъемлемой частью так называемого локального текста, который понимается как некий свертхтекст, т. е. как ограниченная временем и местом совокупность высказываний, текстов, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой [Купина, Битенская 1994: 215]. Такой свертхтекст как «целое» может быть сколь угодно сложным и многосоставным (он не ограничивается только совокупностью урбанонимов); «целостность», как пишет Б.М. Гаспаров, не означает абсолютной интеграции всех компонентов текста в единое смысловое построение, она проявляется в осознании разнообразных и разнородных смыслов как элементов данного текста, имеющих, следовательно, какое-то отношение друг к другу в рамках этого текста [Гаспаров 1996: 324].

Такое понимание локального текста дает нам возможность рассматривать ономастические номинации только как часть реализуемых в городском пространстве смыслов. Они являются доминантами при описании города, определяют его восприятие и отношение к нему [Абашев 2000: 11], но дополняются элементами фольклора, городских мифов и легенд, художественной литературы.

В рамках небольшой работы невозможно описать абсолютно все «слова» городского текста во всех их многообразных взаимосвязях. Поэтому целью настоящей статьи является рассмотрение отдельных категорий топонимов-урбанонимов одного из наиболее интересных в историческом и культурном отношении немецких городов (Гамбург), «выстраивающих» образ города, характеризующих его по временным, пространственным, социокультурным, аксиологическим параметрам.

Самым очевидным слоем урбанонимов являются номинации, включающие само имя города на вывесках, указателях, в названиях его частей, учебных заведений, библиотек и музеев, зданий, сооружений и парков: *Hamburg-Altstadt, Hamburg-Mitte, Hamburg-Nord; Hamburger Öffentlichen Bücherhallen, Technische Universität Hamburg-Harburg, Hamburger Kunsthalle, Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg, Internationale Maritime Museum Hamburg, Museum für Hamburgische Geschichte; Hamburger Börse, Hamburger Wallanlagen, Hamburger Stadtpark*. Совокупность названий административных единиц города (*Hamburg-Mitte, Altona, Eimsbüttel, Hamburg-Nord, Wandsbek, Bergedorf, Harburg*) создают урбанонимное ядро города, образовавшееся в ходе его роста и развития.

Эти номинации соответствуют названиям поселений, которые постепенно в течение нескольких столетий «прирастали» к городу, становились его частями. Древний Гамбург находился на территории *Hamburg-Mitte*, современные границы город получил после принятия «закона о Большом Гамбурге» в 1937 г., когда к городу были присоединены округа *Altona*, *Wandsbek* и *Harburg*, бывшие свободные города, которые именно по этой причине не получили определения в виде имени города.

От урбанонимного ядра слоями «расходятся» периферийные единицы — топонимы, способствующие ориентированию в городе (названия улиц, районов, площадей), и далее названия отдельных объектов в нем (здания, учреждения культуры, гастрономические заведения). Большая группа таких номинаций гамбургского городского пространства включает в свой состав главные топонимы локального природного ландшафта — названия реки Эльба и ее притока Альстер (*Alstervorland*, *Alsterpark*, *An der Alster* (набережная), *Alsterufer* (улица), *Alter Elbtunnel*, *Elbchaussee*, *Elbgang*, *Elbgarten*, *Elbgaustraße*, *Elbhöhe*, *Elbphilharmonie*, *Elbblöcke*, и т. д.), которые дают представление о расположении мест, обозначенных этими единицами. Эти элементы, как уже было сказано, прямым образом репрезентируют город в такого рода номинациях. Но многослойная городская картина мира не ограничивается этой очевидностью, в сложной системе координат городского пространства есть категория номинаций по разного рода ориентирам, семантика которых осталась в прошлом и для декодирования которых требуется внимательный взгляд исследователя. Этимологический анализ таких номинаций позволяет взглянуть на то, о чем сегодня «молчат» топонимы, проследить путь создания и развития города, познакомиться с судьбами людей, живших в городе. Примером такого рода имен может служить название улицы *Rutschbahn*, основанием для которого послужила горка для катания, построенная владельцем гастрономического заведения *Auf dem Grindel* в районе *Rotherbaum* для увеселения гостей. В 1874 году улица по решению городского совета была переименована в *Rutschbahn*, по этому «народному» обозначению, поскольку прежнее название потеряло свою актуальность. Кстати, название самого района (*Rotherbaum*) происходит от номинации шлагбаума у одного из городских ворот, выкрашенного в красный цвет. Оно осталось составной частью и в названии улицы, ведущей от этих ворот к району *Eppendorf* — *Rotherbaumchaussee*.

Еще один пример стертой семантики имени улицы — *Mümmelnsberg*. В основе имени — книга рассказов о животных, которую ее автор — Херман Лёнс — издал как раз в период застраивания улицы (1938 г.). И поскольку местность в районе строительства была населена большим количеством зайцев, то популярная книга, героями которой были эти животные, стала названием улицы, сначала в народе, а затем и официально.

Можно привести еще немало примеров номинаций, создающих уникальную пространственную семиосферу города: улицы *Milchstraße*, *Knochenhauerwiete*, *Große Bleichen* указывают на профессиональные сообщества молочников, мясников и белильщиков льна, живших на этих улицах; улица *Herrlichkeit* свидетельствует о восхищении горожан великолепными садами, располагавшимися здесь в 16 в.; улица *Jungfernstieg* представляет променад 17 в., куда родители выводили дочерей на выданье, что называется, на показ; улица *Schulterblatt* названа по «народному» имени популярного питейного заведения, располагавшегося здесь в начале 18 века, вывеской для которого служила лопаточная кость кита.

Или вот еще «неговорящее» название улицы в сердце города — *Englische Planke*. Что за планки-доски зафиксированы в этом урбанониме и почему они английские, показывает экскурс в историю улицы: долгое время (до 1806 года) здесь была площадка, на которой представители так называемой английской колонии — выходцы из Англии (это объяснение первого компонента названия) — играли в боссель (аналог игры в кегли). Площадка на берегу Эльбы была не очень удобной, поскольку шары — основной инструмент игры — то и дело скапывались в Эльбу. И тогда площадку огородили досками — *Planke* — второй компонент названия. В приведенных и многих других примерах мы наблюдаем феномен переходности урбанонимов, обусловленный денотативной ситуацией: уже давно нет ориентира, по которому названы улицы (горка, шлагбаум, вывеска пивной, площадка для игры), а номинация остается и приобретает черты топонима, становится названием географического объекта.

Другая категория номинаций городского пространства семантически прозрачна: улочки *Zickzackweg* и *Ellenbogen* названы по форме — собственно зигзагообразной и в форме человеческого локтя, переулочек *Irrweg* представляет собой вербализованную иронию по отношению к тупику, которым заканчивается переулок, название *ABC-Straße* ука-

зывает на алфавитное буквенное обозначение домов на улице, улица *Denksteinweg* названа по каменному обелиску с именами погибших в первой мировой войне (установлен в 1926 г., позднее были добавлены даты 1939—1945). Площадь *The Beatles-Platz* очевидно названа по имени легендарной группы из Ливерпуля, музыкальная карьера которой началась в Гамбурге в 1960 году. Улица *Meffesselstraße* — по имени композитора конца 19 в. Альфреда Метфесселя, улица *Dellestraße* — по имени Густава Делле, художника, бургомистра города, ставшего жертвой нацистского режима. Урбанонимы такого типа позволяют «читать» город как энциклопедию биографий, судеб, интересных идей.

Еще одним прозрачным «слоем» в городской картине мира является группа годонимических номинаций со словообразовательными элементами, которые указывают на ландшафтно-географическую специфику территории города. К таким элементам следует отнести отыменные компоненты *-bek*, *-fleet*, *-brook*, *-horst* и др., представляющие собой нижненемецкое обозначение типичных для севера природных ресурсов как определяемый компонент сложного слова. Они называют небольшой водоем, ручей (*-bek = Bach*), на берегу которого расположена та или иная часть современного города, поселения в прошлом (*Wandsbek*, *Langenbek = langer Bach*, *Goldbek*, *Barmbek*); протоку в болотистой местности, канал (*-fleet = Fleet*); болото (*-brook = Bruch: Kleiner Grasbrook*, *Großer Grasbrook*); поросший лесом участок болотного ландшафта (*-horst = Horst: Uhlenhorst*); отдельно стоящие крестьянские дворы на окраинах средневекового города (*-büttel (= Büttel): Eimsbüttel*, *Fuhlsbüttel*, *Hummelsbüttel*, *Poppenbüttel*, *Wellingsbüttel* и др.). Такие номинации являются свидетельством многовекового взаимодействия человека и окружающей среды, в них объективируется первоначальное географическое положение города на болоте.

Популярным компонентом сложносоставных годонимических номинаций является лексема *Kamp (-kamp)* из латинского *campus* — открытый участок территории, означающая осушенный участок болота или вырубленный участок леса. Он назывался либо по месту своего нахождения, либо по имени владельца, например, *Valentinskamp* — по имени хирурга Валентина Руссвурма, сад которого находился на месте современной улицы с таким названием.

Названные и подобные им номинации являются элементами городского культурно-символического поля, которые определяют само-

бытность города, имеющего специфическое географическое положение и уникальную историю.

Взгляд на современные номинации городского пространства показывает настоящее города-порта, пестрое, интернациональное — результат процессов глобализации. Среди таких номинаций названия кафе и ресторанов (*Playground Coffee, Café Kompass, Public Coffee Roasters, Törnqvist, Little Amsterdam, La Quesadilla, Catch of the Day*), магазинов (*NobleNorse, CHI CHI FAN, Le Vélo, Illums Bollighus, Bio.lose*), отелей и хостелов (*Egon Hotel Hamburg City, Generator Hostel, A & O Hamburg City, Ininside by Meliá Hamburg Hafen*). Налицо типичное современное иноязычное (в основном англоязычное) влияние, иногда лишаящее урбаноним информативности — восприятие названий не всегда рождает у непосвященных нужные ассоциации, соотносит номинацию с действительностью. Для таких случаев в состав урбанонима включается название типа учреждения (*Café, Hotel, Hostel*), облегчающее рецепцию. С другой стороны, иноязычные номинации свидетельствуют о степени толерантности городской культуры, которая позволяет преодолевать этнические границы между различными группами городского населения, помогает человеку адаптироваться в городской общности.

Таким образом, происходит специфическое взаимодействие исконного и заимствованного, создается определенный стиль города, включающий городские номинации как наследие предыдущих поколений и как соответствующие духу времени и не вызывающие отторжения названия новых объектов. Этот стиль отражает психологическую самобытность жителей города, их особую социальную идентичность, то есть объединяющее их чувство принадлежности каждого к целому.

Особый пласт в городском языке формируют современные неофициальные топонимы, они тоже являются средством интеграции жителей города и демонстрируют их отношение к номинируемым объектам/районам города. Модели образования таких топонимов различны, наиболее частотны сокращения — аббревиатуры (*Alstertal Einkaufszentrum* → *AEZ*), усечения (*Sternschanze* → *Schanze, Mönckebergstraße* → *Mö, Fuhlsbüttel* → *Fuhle, Stresemannstraße* → *Strese, Kellinghusenstraße* → *Kelle, St. Michaelis Kirche* → *Michel*). Значительное число неофициальных топонимов образовано путем усечения основы производящего топонима с суффиксацией: *Poppenbüttel* → *Poppi, Elbphilharmonie* → *Elphi*. По такой модели создаются диминутивные микротопонимы, свиде-

тельствующие о теплом отношении горожан к называемым объектам. Диминутивные топонимы создаются и путем метафорического переноса, как, например, в неофициальном обозначении гамбургской телебашни — *Flimmerlulli*, где основанием для переноса является внешнее сходство здания с леденцом на палочке. У телебашни Гамбурга есть, кстати, и другое неофициальное наименование — *Telemichel*, отсылающее нас к символу и визитной карточке города — церкви Св. Михаила, которая известна также в усеченном виде (см. пример выше) — *der Michel*.

Неофициальные топонимы-метафоры свидетельствуют о хорошем чувстве юмора горожан, которые видят неожиданное сходство построек города, например, с развернутым рулоном туалетной бумаги — *die Klorolle* — так называют здание бывшей католической церкви Св. Максимилиана Кольбе, построенное в 1970 году в модной для того времени форме спирали. Или сходство офисного здания *Marco-Polo-Tower* с вертикальным шампуром с нанизанным на него мясом для донер кебаба — *Dönerspieß*. Огромное белое офисное здание *Euler-Hermes-Gebäude* — символ района Альтона — горожане называют *Weißer Riese* (белый великан), в этой номинации очевидна аллюзия на одноименное название стирального порошка. Высотное жилое здание на улице *Achtern Born* (21 этаж) в народе называют *Affenfelsen* (обезьянья скала), вероятно, по внешнему сходству с постройками в обезьяньем павильоне зоопарков. Толика черного юмора «просвечивает» в пародийном неофициальном топониме *Santa Fu*, который вызывает ассоциации с замечательным городом Санта-Фэ, одним из лучших курортных мест в США. Однако в Гамбурге речь идет не о курорте, а об исправительном учреждении отбывания наказания, расположенного в районе *Fuhlsbüttel*, отсюда компонент *Fu*. Первый компонент топонима должен свидетельствовать о нескольких удавшихся побегах из этого «благословенного» заведения. Кстати, в этом районе есть еще один важный исторический объект, неофициальное название которого вводит в заблуждение — *Kola Fu*. Разумеется, ничего общего с бодрящим напитком, это сокращение от *Konzentrationslager Fuhlsbüttel* — мемориальный комплекс на месте бывшего концентрационного лагеря для политических узников и лиц, преследовавшихся по национальному признаку.

Приведенные примеры неофициальных топонимов, конечно, не единичное явление в городской топонимике. Их множество и за каж-

дым из них — нюансы жизни людей и города. Само наличие таких номинаций объектов городского пространства и их активное функционирование в повседневной жизни жителей города является показателем желания горожан отойти от официальных имен, создать своего рода «тайный язык», доступный только посвященным. Эти специфические локальные ориентиры отсылают нас к истории и культурным особенностям города, напоминают о живших здесь людях, стоявших здесь зданиях, происходивших здесь событиях. Таким образом, формируется и укрепляется городская идентичность и выражаются чувства горожан по отношению к городу в целом и к каждому объекту в нем.

Подводя итог этому небольшому и далеко не полному обзору специфики языка пространства отдельно взятого города, следует еще раз подчеркнуть, что разнообразные элементы такого языка мозаично складываются в образ города и формируют специфическую городскую идентичность, которая создает личную эмоциональную привязанность к месту проживания, поддерживает комфортную языковую городскую среду, способствует динамичному общению городского сообщества. Основываясь на исторических событиях, географических особенностях, социальных фактах, архитектуре города, она предполагает понимание образов и мифов истории города, его значения в прошлом и настоящем [Яковлева 2008: 88]. Элементы городского пространства, события и люди наделяются в местной культурной традиции определенными смыслами и оценками, одни из которых подвижны и ситуативны, а другие устойчивы и долговечны. Некоторые представления о становятся фактом общенациональной культуры, но большинство существует «для внутреннего потребления» и имеет хождение только в пределах сообщества горожан, выражаясь в различных текстах и практиках. Можно констатировать, что лексические знаки-урбанонимы обеспечивают эффект причастности к «своей» лингвокультурной среде, вовлеченности в процессы эмоциональных и интеллектуальных оценок вербального знака [Щербак 2009: 170] и выступают имплицитными маркерами образа места для общения в кругу «своих», «посвященных», — то есть тех, кто знает регламент и тональность такой коммуникации и готов принять в ней участие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абашев В.В. Пермь как текст. — Пермь: ПГУ, 2000. — 404 с.

2. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. — СПб.: Бертельсманн Медиа, 2014. — 450 с.
3. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
4. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура. — Екатеринбург: ИРРО, 1994. — С. 214–233.
5. Шербак А.С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник Тамбовского государственного университета. — 2009. — Вып. 10 (78). — С. 169–175.
6. Яковлева М.В. Особенности социологического анализа городской символики как фактор формирования идентичности горожан // Вестник Удмуртского Университета. Человек и общество. — 2008. — Вып.1. — С. 83–92.

РАЗДЕЛ 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕНЕДЖМЕНТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Н.К. Генидзе

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАБОТОДАТЕЛЕЙ И УНИВЕРСИТЕТА: ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается актуальность сотрудничества вуза и работодателей в образовательном процессе. В статье приведено описание реального опыта взаимодействия с представителями переводческого рынка: переводческими и технологическими компаниями.

Ключевые слова: работодатель, сотрудничество, подготовка переводчиков, университет, стейкхолдеры.

Н.К. Genidze

COOPERATION OF EMPLOYERS AND UNIVERSITY: PRACTICE AND PROSPECTS

Abstract. The article deals with the relevance of cooperation between universities and employers during the educational process. The article presents the example of real cooperation between university and different participants of the translation market.

Key words: employer, cooperation, translation training, university, stakeholders.

Выполнено в рамках ИНИР «Лингвистические и методические основы подготовки письменных переводчиков», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР: AAAA-A20-120020690118-0.

Несмотря на то, что несколько лет назад вузовский уровень образования был переименован из ВПО (высшее профессиональное образование) в ВО (высшее образование), одной из целей поступления в вуз для абитуриента по-прежнему является подготовка к профессии. Тем не менее, когда студенты приходят в университет, значительная часть времени ознакомления с профессией и всеми аспектами, кото-

рые с ней связаны, осуществляется в университете (контактная и самостоятельная работа), а не на предприятии (разные виды практики занимают порядка 4–5% общего времени в учебных планах и федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС)).

Таким образом, в настоящее время существует объективная потребность в том, чтобы студенты в вузе были не только вовлечены в образовательный, учебный процесс, но и получили бы такой первичный опыт взаимодействия с реальными работодателями, чтобы по окончании вуза они были более подготовлены к реальной работе по профессии. Вуз, таким образом, становится не только площадкой, где взаимодействует студент и преподаватели, но и площадкой, где студент взаимодействует с реальными представителями выбранной профессии.

Как справедливо отмечает научный руководитель ОПОП 45.03.02 Лингвистика (бакалавриат, направленность «Перевод и переводоведение в сфере экономики и финансов») и 45.04.02 Лингвистика (магистратура, программа «Межкультурная коммуникация: переводоведение и лингводидактика»), д.фил.н., профессор И.Б. Руберт, эти проблемы вполне разрешимы: предприятия отрасли предоставляют места для практики, проводят обучение преподавателей на своей базе, участвуют в подготовке аутентичных материалов для занятий и учебно-методических пособий, помогают с организацией материально-технического обеспечения (оборудование и программное обеспечение), сотрудники предприятий преподают в вузах [Руберт 2019: 144].

Для улучшения ситуации в вузах действительно практикуется участие работодателей в учебном процессе (ФГОС регламентирует процент их участия — разный по разным поколениям стандартов). С одной стороны, это расширяет возможности образовательной системы, но в реальности чаще всего приходится сталкиваться с разного рода объективными трудностями. Ценные работодатели (представители профессии, специалисты в своей области) — это люди, сильно занятые по основному месту работы, достаточно часто не имеющие опыта преподавания и не очень знакомые с методикой преподавания. Все это приводит к сложностям с оформлением трудовых отношений и с разработкой курсов (отсутствие ученой степени, невозможность отвечать формальным требованиям к должности, большое количество дополнительных справок, необходимость выстраивания расписания, разработка методических материалов и т. д.).

Намного эффективнее проходит участие работодателей и представителей технологических компаний (по используемому в профессии обеспечению и оборудованию) в открытых лекциях, мастер-классах и иных формах сотрудничества, но это не засчитывается при формальном учете доли работодателей от количества ППС. Кроме того, при всех позитивных результатах такого сотрудничества оно часто не системно.

Таким образом, возникает потребность в создании единого комплексного взаимодействия вуза и бизнеса с учетом потребностей студентов, возможностей работодателей, а также требований ФГОС и других нормативных документов, регулирующих образовательный процесс. Такое сотрудничество должно быть системным, продуманным, интегрированным в программу обучения и, конечно, взаимовыгодным.

Для университетов в целом и для студентов в частности привлечение бизнеса к участию в образовательном процессе выгодно по нескольким причинам, оно открывает возможности для:

- корректировки учебных планов в соответствии с актуальными требованиями рынка;
- участия в разработке профессиональных стандартов;
- финансирования отдельных исследований или проектов;
- улучшения материально-технического обеспечения вуза;
- предоставления мест для практики студентов;
- трудоустройства выпускников;
- применения результатов студенческих научных исследований на практике и др.

Для работодателей взаимодействие с вузами в целом и студентами в частности также выгодно: при подготовке будущих выпускников учитываются современные потребности рынка труда по данной специальности, а значит, после окончания вуза, объективно еще не имея достаточного опыта и трудового стажа, они будут более готовы к работе по специальности. По результатам общения со студентами в период практики, учебной и внеучебной деятельности компании могут пригласить на работу более успешных выпускников, обладающих высоким потенциалом. Кроме того, взаимодействие с вузами позволяет бизнесу знакомиться с новейшими научными достижениями и технологиями.

Таким образом, привлечение работодателей к сотрудничеству с вузами можно разделить на несколько групп.

Во - п е р в ы х, это взаимодействие, связанное с практической подготовкой студентов и трудоустройством выпускников (на время практики, стажировки, параллельно с учебой или после окончания вуза).

Во - в т о р ы х, это взаимодействие, связанное с разработкой и актуализацией образовательных программ, учебных планов, профессиональных стандартов.

В - т р е т ь и х, взаимодействие, непосредственно связанное с образовательным процессом, в частности:

- трудоустройство работодателя в вузе в качестве преподавателя на условиях срочного трудового договора по совместительству или по договору гражданско-правового характера;
- проведение мастер-классов, открытых лекций, участие известных представителей профессии в качестве приглашенных лекторов, экспертов, участников круглых столов, дискуссий, дебатов, а также научных, научно-практических и конференций и т. д.;
- проведение конкурсов, связанных со специальностью, с привлечением работодателей и известных представителей профессии в качестве экспертов, членов жюри, организаторов и т. д.;
- участие в промежуточной и государственной итоговой аттестации обучающихся (ГИА);
- совместная работа и консультирование студентов при подготовке выпускных квалификационных работ (ВКР);
- участие в разработке аутентичных материалов для занятий и учебно-методических пособий.

В - ч е т в е р т ы х, это взаимодействие, связанное с развитием компаний (выполнение проектов и ВКР по заказу работодателей, проведение курсов повышения квалификации для работников предприятий на базе профильных факультетов, создание корпоративных университетов, поддержка концепции и технологий long-life learning).

И, в - п я т ы х, это взаимодействие, связанное с повышением квалификации преподавателей (проведение курсов повышения квалификации и краткосрочных профессиональных стажировок для преподавателей вузов на базе предприятий; организация совместных научно-практических и методических конференций).

В идеале должна быть выстроена модель, в которой системно и взаимосвязанно реализуются все указанные направления сотрудничества.

В процессе этого сотрудничества и взаимодействия создается образовательное пространство, социальное партнерство, в котором находят отражение интересы студентов, вузов, бизнеса и государства.

Подготовка переводчиков на Гуманитарном факультете СПбГЭУ характеризуется многолетним сотрудничеством с представителями переводческого рынка. Так, одним из многолетних надежных партнеров университета и лингвистического направления подготовки является ЗАО «Компания ЭГО Транслейтинг» в целом и ее президент Н.А. Молчанова в частности: студенты бакалавриата и магистратуры проходят практику на предприятии, Н.А. Молчанова проводит занятия и организует проекты, является членом государственной экзаменационной комиссии (ГЭК), также при поддержке компании проходят конкурсы переводов, совместные круглые столы, конференции, стажировки и курсы повышения квалификации преподавателей факультета [Руберт 2019: 141–142].

Кроме того, подписаны коллективные договоры о практической подготовке студентов бакалавриата и магистратуры и в других компаниях и учреждениях: ООО «СмартСкейп» (переводческое агентство), ООО «Бюро переводов «РОЙД», ООО «Т-Сервис» (координатор проектов SDL TRADOS), СПб ГБУ «Координационный центр научно-технических и образовательных программ». В течение нескольких лет часть выпускных квалификационных работ (ВКР) выполняется по заказу и при сотрудничестве с ЗАО «Компания ЭГО Транслейтинг» и ООО «Книжный дом», а представители данных компаний являются членами государственной экзаменационной комиссии (ГЭК). Наиболее перспективные студенты часто получают от них предложение о трудоустройстве в день экзамена или после успешной защиты ВКР. Участие работодателей в ГИА также полезно и для университета: советы и замечания экспертов помогают корректировать программы и повышать качество подготовки специалистов.

Приведем пример успешного сотрудничества с представителями переводческих компаний Санкт-Петербурга, реализованный осенью 2020 года доцентом кафедры теории и практики английского языка и перевода Н.К. Генидзе и старшим преподавателем той же кафедры М.А. Капитоновой на лекционных занятиях по дисциплине «Основы профессиональной деятельности переводчика» для студентов I курса СПбГЭУ (бакалавриат, направление 45.03.02, Лингвистика, профиль

«Перевод и переводоведение в сфере экономики и финансов»). В течение октября-декабря 2020 года для участия в нескольких лекциях и дискуссиях были приглашены:

- Татьяна Виноградова (ООО «Т-Сервис» — координатор проектов SDL TRADOS) — сертифицированный тренер SDL (SDL Approved Trainer), имеющая опыт разработки и проведения тренингов по системам SDL TRADOS начиная с 2005 года.
- Михаил Морозов — переводчик, более 25 лет работающий в компании ЗАО «Компания ЭГО Транслейтинг», эксперт в области межкультурных коммуникаций.
- Антон Елизаров (генеральный директор компании), Никита Двирко (менеджер проектов), Виктория Левицкая (старший переводчик), Ираида Карпенко (переводчик) и Олеся Морозова (PR-менеджер) — представители переводческого агентства SmartScape (ООО «СмартСкейп»).
- Федор Кондратович — директор ООО «Бюро переводов ЛингваКонтакт».

Приглашенные эксперты представили свои доклады (например, «Как успешно сотрудничать с бюро переводов, если вы — переводчик», «Прокачка языковых навыков и полезные ресурсы», «10 навыков письменного переводчика», «Как вести проекты по копирайтингу в переводческом агентстве», «10 ошибок начинающего переводчика» и др.), рассказали об истории создания своих компаний, особенностях их структуры и развития, ответили на вопросы студентов. После лекций студенты дали обратную связь (через систему СДО Moodle), ответив на ряд вопросов о своих впечатлениях от встречи и оценив полученные новые знания о профессии. Практически все студенты положительно отзываются о результатах подобных встреч, например:

- «Данная лекция с Федором Вячеславовичем была одной из самых интересных и полезных за последнее время, так как мы обсудили важные ошибки и моменты в деятельности переводчика, и многое, что я раньше не понимала, после лекции «встало на свои места».
- «Да, встреча была очень познавательной, так как предоставила возможность узнать о работе в бюро переводов из первых уст. Более того, спикеры осветили сразу несколько важных аспектов работы, дали разные рекомендации на будущее, поделились ссылками на полезные информационные ресурсы».

- «Встреча была полезной и интересной, потому что развеяли некоторые мифы, касающиеся профессии переводчика, которые раньше смущали меня».
- «Узнал о том, как следует подходить к работе переводчика на разных этапах своего профессионального пути, во время студенчества, в первые годы работы, каких ошибок избегать, чему уделить больше внимания».

Следует отметить как заинтересованность студентов в подобных мероприятиях (большинство студентов курса приняло участие в лекциях), так и заинтересованность представителей профессионального сообщества.

Для создания полноценного образовательного пространства, основанного на взаимодействии всех описанных стейкхолдеров (студенты, университет, бизнес) необходимо изучение и описание опыта различных российских и зарубежных университетов, которые готовят специалистов по разным направлениям подготовки.

Опыт взаимодействия вузов и бизнеса в Европе достаточно подробно описан в резюме исследования, опубликованного по результатам проекта «Сотрудничество университетов и работодателей с целью обеспечения качества и актуального образования», который был выполнен в 2016–2018 годах сотрудниками СПбГЭУ. Авторы анализируют современное состояние сотрудничества вузов и работодателей в Европе, описывают модели этого сотрудничества, выявляют проблемы и преимущества этого сотрудничества для разных стейкхолдеров (студентов, университетов, бизнеса, органов власти) и предлагают рекомендации, которые могли бы быть использованы вузами, бизнесом, органами власти в России [Викторова 2018].

Основываясь на материале изученного опыта взаимодействия российских и зарубежных университетов с предприятиями в целом и отдельными представителями профессии в частности, можно будет выстроить модель, в которой системно и взаимосвязанно будут реализовываться разные направления сотрудничества университетов и бизнеса, и постепенно интегрировать ее в образовательный процесс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Викторова Е.В., Горулев Д.А., Зайнуллина А.Б. Сотрудничество университетов и работодателей с целью обеспечения качества и актуальности образования. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. — 27 с.

2. Руберт И.Б. Практические аспекты теории перевода: коллаборация университета и компании-партнера // Архитектура университетского образования: современные университеты в условиях единого информационного пространства. Сборник трудов III Национальной научно-методической конференции с международным участием. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. — С. 140–148.

Н.В. Гуль

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНДАРТЕ ПРИ КОЛЛАБОРАТИВНОМ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с профессиональным стандартом переводчика. Проанализированы достоинства и недостатки проектов профессиональных стандартов «Переводчик» и «Специалист в области перевода и локализации». Представлен коллаборативный метод для обучения студентов-лингвистов.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, обобщенные функции, необходимые умения и знания, коллаборативный метод.

N.V. Gul

ON THE QUESTION OF THE PROFESSIONAL STANDARD IN THE COLLABORATIVE TRAINING OF LINGUIST STUDENTS

The article deals with issues related to the professional standard of the translator. The advantages and disadvantages of the draft professional standards “Translator” and “Specialist in translation and localization” are analyzed. The collaborative method is presented for the training of students — linguists.

Keywords: professional standard, generalized functions, necessary skills and knowledge, collaborative method.

В настоящее время в системе высшего профессионального образования обсуждается вопрос о создании профессионального стандарта для подготовки современного специалиста-переводчика. Профессиональный стандарт представляет собой документ, раскрывающий с позиций сферы труда (объединений работодателей (и/или профессиональных сообществ)) содержание профессиональной деятельности в рамках определенного вида экономической деятельности, а также требования к квалификации работников. Соглашаясь с И.Б. Руберт в том, что профессиональные стандарты в переводческой отрасли

находятся на стадии разработки [Руберт 2019], мы рассмотрели несколько профессиональных стандартов, которые в настоящее время активно обсуждаются специалистами-переводчиками и проходят профессионально-общественное рассмотрение.

Проект профессионального стандарта «Переводчик» — межъязыковой перевод письменных и устных текстов, основной целью данного вида профессиональной деятельности предполагает обеспечение межъязыковой межкультурной коммуникации. В проект профессионального стандарта «Переводчик» входят следующие обобщенные функции:

- осуществление межъязыкового перевода в бытовой и общеделовой сферах;
- осуществление межъязыкового перевода в специальных профессиональных областях;
- осуществление межъязыкового перевода в сфере межгосударственных отношений.

Проект профессионального стандарта «Специалист в области перевода и локализации» представляет профессиональную деятельность в области перевода, межкультурной медиации и межъязыковой локализации с целью выполнения письменного, устного перевода с одного естественного языка на другой и внедрения новейших технологий в сферу перевода и локализации. В проект профессионального стандарта «Специалист в области перевода и локализации» включены следующие обобщенные функции:

- технологическая поддержка переводческой деятельности;
- неспециализированный перевод;
- профессионально-ориентированный перевод;
- контроль качества перевода;
- руководство переводческой деятельностью.

С нашей точки зрения, основная цель профессионального стандарта, описывающего деятельность переводчика, должна заключаться в выполнении перевода письменных и устных текстов в рамках межъязыковой межкультурной коммуникации. Данная цель сопряжена с понятием современной межкультурной коммуникативной парадигмы, которая предполагает «обучение и воспитание специалиста нового типа, способного осознать всю многомерность окружающего мира и взаимоотношений, необходимых для дальнейшего развития единого международного сообщества» [Петрикова 2015: 87].

Для сравнения этих двух проектов мы обратимся к таким схожим обобщенным функциям, как «осуществление межъязыкового перевода в специальных профессиональных областях» и «профессионально-ориентированный перевод». Обобщенная функция «осуществление межъязыкового перевода в специальных профессиональных областях» выдвигает в качестве требования к образованию: высшее профильное образование в области перевода или иностранных языков (на уровне бакалавра или специалиста). К трудовым функциям относятся следующие: осуществление письменного перевода официальных, деловых и технических документов; научных и научно-популярных текстов в специальных предметных областях; публицистических текстов; художественного перевода; аудиовизуального перевода; реферативного перевода текстов; письменного перевода материалов в целях их локализации; осуществление устного последовательного и синхронного перевода; письменного и устного социального перевода. Обобщенная функция «профессионально-ориентированный перевод» требует наличия высшего образования на уровне специалитета или магистратуры. В перечень трудовых функций входят следующие: устный последовательный, синхронный, письменный перевод с использованием специализированных инструментальных средств, художественный перевод, предоставление консультаций по межкультурному общению, аудиовизуальный перевод, локализация аудиовизуальных произведений, аудиовизуальный перевод для аудиторий с особыми когнитивными потребностями.

Каждая трудовая функция любого профессионального стандарта включает в себя трудовые действия, необходимые умения и знания, раскрывающие суть данной функции.

Мнения относительно проекта профессионального стандарта «Специалист в области перевода и локализации» резко разделились. Одни специалисты считают, что он обладает целым рядом трудовых функций, имеющих отдаленное отношение к переводческой деятельности [Ланчиков 2018]. Так, в качестве первой обобщенной функции предлагается «технологическая поддержка переводческой деятельности» и даются возможные наименования профессий: верстальщик перевода, инженер локализации, инженер-техник оборудования для устного перевода. Однако следует учесть, что новейшее время ставит перед переводческой отраслью целую парадигму новейших задач, к которым относятся и практика переводческой,

редакторской, корректорской и менеджерской работы [Руберт 2019]. Именно в данном проекте мы находим следующие профессии: переводчик, редактор, менеджер переводческих проектов, корректор перевода.

Некоторые авторы подвергают критике проект профстандарта «Специалист в области перевода и локализации», поскольку, по их мнению, в этом проекте лингвистическая составляющая переводческой деятельности занимает довольно скромное место и сводится лишь к владению иностранным языком. Если исходить из того факта, что на основе данного профессионального стандарта будет разрабатываться федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» (бакалавриат) и 45.04.02 «Лингвистика» (магистратура), направленный на подготовку переводчиков, то необходимо будет внести дополнительные профессиональные компетенции, связанные с технологическим планированием переводческого проекта, обработкой памяти переводов, техническим обеспечением устного перевода.

Подготовка специалиста в сфере перевода и переводоведения предполагает введение таких аспектов, как этические нормы перевода, юридические аспекты профессии, навыки быстрого поиска информации в интернете, навыки предпереводческого анализа и вычитки текста, знания «самопрезентации» на рынке переводческих услуг [Руберт 2019]. Отвечая на запросы преподавателей-практиков проект профессионального стандарта «Специалист в области перевода и локализации» выделяет такие необходимые умения, как владеть профессиональной этикой переводчика, устанавливать контакт с заказчиком, выполнять предпереводческий анализ текста, использовать компьютерные и интернет-технологии для форматирования и оформления перевода и такие необходимые знания, как правовой статус переводчика, методика использования компьютера с целью повышения производительности в области обеспечения качества переводов.

Во многих вузах России в учебных планах направления обучения «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение») недостаточно представлены прикладные аспекты профессионального стандарта, направленного на обучение будущих переводчиков.

Совершенствованию образовательных технологий, ориентированных на развитие интеллектуального потенциала лингвистов, и их ре-

ализации на базе современных информационно-коммуникационных средств способствует коллаборативный метод обучения.

Коллаборативное обучение (collaborative learning), основанное на компьютерных и интернет технологиях, предоставляет среду для получения будущими переводчиками необходимых знаний и развития коллаборативных умений. В настоящее время коллаборативное обучение трактуется в контексте электронного обучения (computer-supported collaborative learning) [Павельева 2010].

Обучающая или коллаборативная среда создается преподавателем средствами иностранного языка, в такой среде обучающиеся сообща решают определенную проблему, общаясь, высказывают свое мнение, спорят, стремясь прийти к единому результату на иностранном языке. Коллаборативное обучение представляет форму взаимодействия, при которой члены группы получают новые знания, умения и навыки совместно в ходе взаимного обмена полученными ранее знаниями и компетенциями. При этом все члены группы равноправно участвуют в происходящем и несут за это общую ответственность.

Под *коллаборативным методом* мы понимаем такую модель, основанную на информационно-коммуникационном подходе к обучению, ориентированную на обучающегося, при котором происходит активный совместный поиск решения поставленной проблемы путем тесного взаимодействия участников обучения с использованием компьютерных и интернет технологий.

В отличие от преимущественно индивидуального обучения коллаборативное получение знаний в группе имеет много преимуществ. Оно усиливает готовность обучающихся заниматься чем-то новым, способствует большей вовлеченности в учебный материал и более активной проработке содержания обучения.

Исходным пунктом и ядром коллаборативного обучения является группа. Научный потенциал группы в начале совместной работы распределяется между отдельными участниками группы (Distributed-Knowledge). Каждый участник приносит свои предшествующие знания в группу, где посредством коммуникации происходит обмен этими знаниями, что приводит в конечном счете к обогащению и расширению личностного знания каждого члена группы. Этот процесс можно обозначить как создание основы, которая способствует тому, что в процессе коммуникации все участники группы в итоге будут владеть одинаковым уровнем знаний (Mutual-Knowledge).

Цель коллаборативного обучения заключается в том, чтобы имеющиеся в учебной группе знания в конце совместной работы принадлежали всем участникам группы: распределенное знание — обмен знаниями — взаимное знание.

Предпосылкой успешного коллаборативного обучения является не только действующая коммуникация, но и эффективная координация. Координация отдельных групповых заданий — специфика коллаборативного обучения, которая не возникает в процессе индивидуального обучения и одновременно является критическим фактором успешного обучения. Оба эти пункта представляют собой центральный момент при коллаборативном обучении.

В России использование метода коллаборативного обучения является особенно важным в контексте формирования языковой личности переводчика [Нефедова 2016: 186]. Ключевую роль при этом играет понятие переводческой компетентности переводчика, включающей лингвистическую, профессионально-специализированную, общекультурную, информационную компетенции в процессе коллаборативного перевода. О популярности коллаборации при выполнении перевода свидетельствует распространение перевода методом краудсорсинга, т. е. одновременное выполнение перевода несколькими переводчиками. Формирование навыков коллаборативного перевода в процессе подготовки переводчиков будет способствовать быстрому и эффективному решению переводческих задач в результате командной работы, правильному планированию времени и распределению сил, осуществлению грамотной коммуникации с коллегами.

Формирование языковой личности переводчика в рамках коллаборативного обучения включают не только исполнительские, но и управленческие навыки: планирование, распределение функций, поиск продуктивных методов решения сложных проблем (обобщенная трудовая функция «Руководство переводческой деятельностью»).

Коллаборацию обычно определяют как интерактивный процесс, объединяющий двух и более участников, совместно работающих над достижением цели, которую они не могут достичь по отдельности [Максименкова 2019]. В ходе групповой (командной) работы формируются коммуникативные навыки для решения поставленной переводческой задачи: вести дискуссию, находить коллегиальное решение, приводить убедительную аргументацию. Формирование переводческой компетентности при выполнении коллаборативного перевода

происходит на основе взаимопомощи, дисциплинированности, ответственности за качество выполняемой работы, доверия членам команды. Использование google-диска при составлении глоссария, поиск и извлечение необходимой для перевода информации из Интернета и других информационно-коммуникационных источников, анализ и структурирование полученной информации позволяют будущим переводчикам охватить более широкое информационное поле при выполнении коллаборативного перевода, чем при индивидуальной работе, что способствует повышению компьютерной грамотности будущих переводчиков и овладению передовыми online технологиями.

Проекты профессионального стандарта «Переводчик» и профессионального стандарта «Специалист в области перевода и локализации» должны выступать фундаментом для разработки нового профессионального стандарта «Специалист в области перевода» с целью подготовки конкурентоспособных специалистов в переводческой сфере и реализации данного стандарта при коллаборативном обучении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ланчиков В.К. и др. Профессиональный стандарт переводчика: неравнодушный взгляд // Мосты. Журнал переводчиков 59 (3). — М.: Р. Валент, 2018. — С. 3–9.
2. Максименкова О.В., Незнанов А.А. Коллаборативные технологии в образовании: как выстроить эффективную поддержку гибридного обучения? // Университетское управление: практика и анализ. — 2019. — 23 (1–2). — Р. 101–110. DOI: 10.15826/упра.2019.01–2.008
3. Нефёдова Л.А., Миронова Д.А. Роль методов коллаборативного обучения в формировании языковой личности переводчика // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2016. — Том2. № 2. — С. 184–193.
4. Павельева Н.В. Коллаборативное обучение как модель эффективной реализации образовательного процесса // Образование. Карьера. Общество. — 2010. — №3(29). — С. 30–37.
5. Петрикова А. Основы межкультурной дидактики. Галло. — М.: Русский язык. Курсы, 2015. — 376 с.
6. Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода и локализации» [Электронный ресурс]. URL: http://ifiyak.sfu-kras.ru/sites/default/files/content/FOR%20NEWS2/2018.06.15_PS_Spetsialist%20v%20oblasti%20perevoda%20i%20lokalizatsii_1.pdf (дата обращения: 20.01.2021)
7. Профессиональный стандарт «Переводчик» — проект [Электронный ресурс]. URL: <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/09e/09e6a1fe4fa3a8223090d03a8e2ef1bb.pdf> (дата обращения: 20.01.2021)
8. Руберт И.Б. Практические аспекты теории перевода: коллаборация университета и компании-партнера // Архитектура университетского образования: современные

университеты в условиях единого информационного пространства / Сб. трудов III Нац. науч.-метод. конференц. с межд. участ. — Ч. III. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. — С. 140–148.

9. Werkzeugkasten kollaboratives Lernen im Internet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.medien-in-die-schule.de/werkzeugkasten/werkzeugkasten-kollaboratives-lernen-im-internet/einleitung-werkzeugkasten-kollaboratives-lernen-im-internet/> (Дата обращения: 20.01.2021)

М.А. Капитонова

РОЛЬ ТЕКСТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

С развитием технологий и постоянно изменяющимися требованиями рынка переводческого труда возникает вопрос о том, какие традиционные методы и техники обучения современных переводчиков необходимо продолжать применять в практике обучения переводческому ремеслу. К таким традиционным техникам можно отнести лингвистический анализ текста. Таким образом, статья посвящена анализу роли текста и лингвистического анализа текста в современной профессиональной подготовке переводчиков в вузе.

Ключевые слова: лингвистический анализ текста, soft skills, перевод, теория перевода.

М.А. Kapitonova

THE IMPORTANCE OF TEXT IN LINGUISTIC TRAINING OF TRANSLATORS

With a boom in technologies and constantly developing translation labour market, a question arises: which traditional methods and techniques of translators training should remain in practice of translation teaching. Linguistic text analysis is still among these traditional techniques. Thus, the article is devoted to the analysis of the role of text and its analysis in terms of contemporary professional translation training at universities.

Key words: linguistic text analysis, soft skills, translation, translation studies.

Сегодня, в XXI веке, с трудом можно найти человека, который не слышал о понятии цифровизации. Этот феномен или процесс (называть можно по-разному) заполняет все сферы социальной, экономической, политической и научной жизни человечества. Не исключением является и профессиональная подготовка в области гуманитарного знания, точнее — в сфере профессиональной подготовки переводчиков.

Вокруг будущего профессии переводчика возникает очень много мифов и предположений, порой даже очень печальных сценариев. И конечно, любой из ныне практикующих переводчиков — устных или письменных — ответит вам, что основным материалом, с которым ему приходится работать, является текст, функционирующий в определенном дискурсе. Однако в свете происходящих событий в мировом сообществе можно наблюдать некую — подчеркну, «не до конца пока изученную» — тенденцию к трансформациям в отношении понимания и создания текста как продукта творчества человека. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: остается (останется) ли роль текста столь же важной при подготовке переводчиков?

С одной стороны, этот вопрос может показаться абсурдным. Однако он основан на вполне очевидных тенденциях, которые можно наблюдать сейчас в подготовке переводчиков. И.Б. Руберт в своей статье «Практические аспекты теории перевода: коллаборация университета и компании-партнера» на примере преподавания дисциплины «Теория перевода» отмечает, что «проблемными» зонами в подготовке профессиональных переводчиков в вузе сейчас являются «обучение правовым аспектам деятельности, информирование о современном состоянии переводческой отрасли [...], работа с CAT-инструментами, практика переводческой, редакторской и корректорской работы» [Руберт: 2019]. Здесь сложно не согласиться с автором, поскольку, действительно, подобные проблемы решаются исключительно во взаимодействии с компаниями-работодателями, которые, в свою очередь, должны быть в курсе всех трендов и, прежде всего, технологических и технических новинок переводческой отрасли. В этой же работе И.Б. Руберт отмечает, что «обучение ведется на примере, в большинстве случаев, текстов публицистического характера, однако, объем переводов художественных текстов в настоящее время ничтожен по сравнению с объемам переводимых отраслевых текстов: технических, медицинских, финансово-экономической и юридической тематики» [Руберт: 2019]. Данное предположение легко находит подтверждение в статистике: по данным портала Nimdzi.com, основными секторами переводческого обслуживания, как устного, так и письменного, являются социальный перевод и юриспруденция, МІСЕ-сектор, военно-оборонная промышленность, здравоохранение и медицина и др. (Рис. 1).

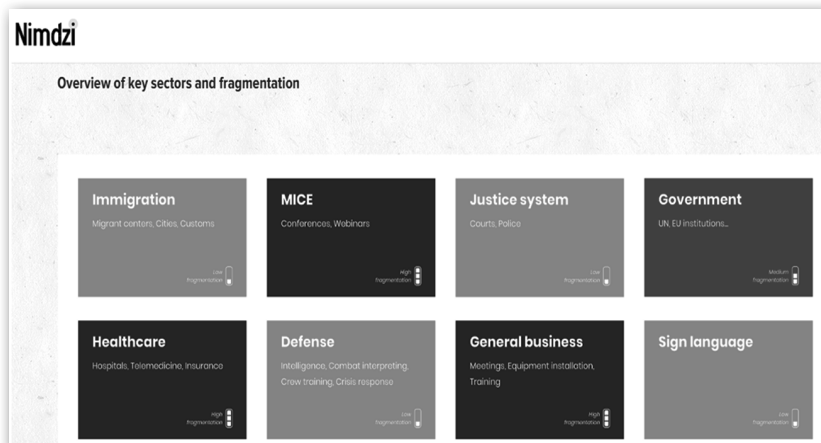

Рисунок 1 — Обзор основных секторов обслуживания переводческой отрасли (2019–2020 год; <https://www.nimdzi.com/the-2019-nimdzi-interpreting-index/>)

Нетрудно догадаться, что работодатели постоянно модернизируют свою технологическую базу, которая значительно, надо сказать, облегчает работу переводчика. За последние 5–7 лет появились десятки новых платформ обеспечения и сопровождения перевода, а также программ распознавания и генерирования речи (Рис. 2 и Рис.3 соответственно):

С одной стороны, такой богатый технологический арсенал переводчика призван облегчить профессиональную жизнь, но с другой — он нивелирует некоторые этапы в работе — те, что напрямую связаны с текстом. Подобное положение дел можно объяснить несколькими причинами: во-первых, переводчик, работая со специализированными текстами, не контактирует с заказчиком, т. е. текст для него — «безымянный»; во-вторых, скорость выполнения перевода растет — если лет 5 назад стандартный объем переводческой работы исчислялся 7 условными страницами (1800 знаков с пробелами), который можно было выполнить, в среднем за день, то сейчас этот объем может составлять 9–10 (а в некоторых случаях и больше) страниц. Получается, что времени на анализ и обработку полученного заказа нет. Вполне закономерно возникает другой вопрос: анализ текста уходит в прошлое?

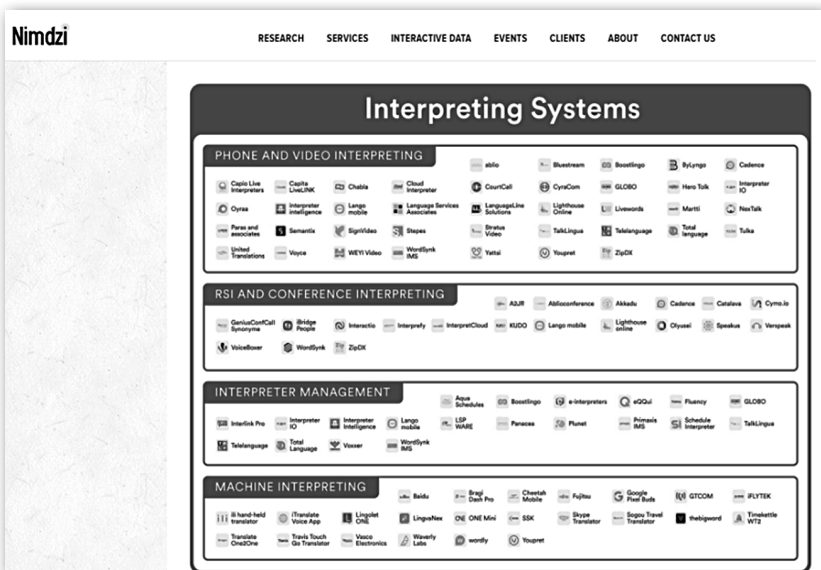

Рисунок 2 — Программы обеспечения и сопровождения перевода
<https://www.nimdzi.com/nimdzi-language-technology-atlas-2020/>

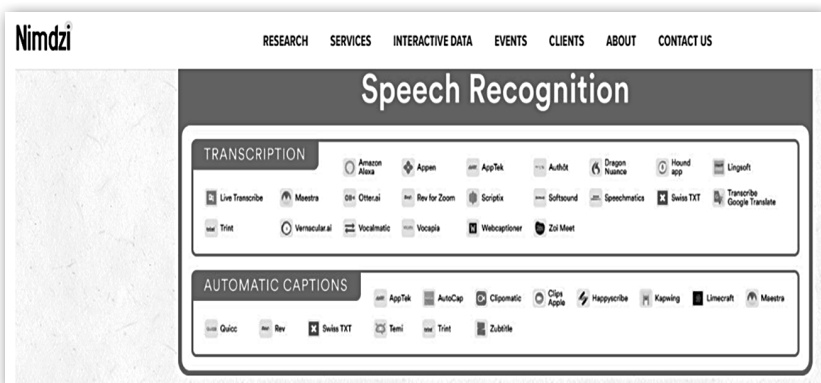

Рисунок 3 — Современные программы распознавания речи:
<https://www.nimdzi.com/nimdzi-language-technology-atlas-2020/>

Чтобы разобраться, какова роль компетентной работы с текстом, стоит обратиться к пониманию этого феномена в целом. В своей статье «К вопросу о роли лингвистического анализа текста» И.Б. Руберт подчеркивает, что «Текст строится по коммуникативному плану отправителя и в соответствии с его стратегией. Коммуникативная направленность является важнейшим признаком текста. Текст — это коммуникативно законченное единство. Оно несет информацию о широком коммуникативном или социокультурном контексте» [Руберт: 2016]. Это утверждение дает право говорить о том, что текст — многогранное лингвистическое явление и/или объект, умение работать с которым дает неоспоримо громадное количество профессиональных навыков.

На современном этапе профессиональной подготовки переводчиков важнейшей целью является формирование не только профессиональных навыков, но и так называемых *soft skills*, среди которых отмечается межкультурный интеллект, наличие навыков критического и аналитического мышления. Поскольку «компетентное толкование текста требует знакомства с элементами многих наук: лингвистики [...], поэтики и эстетики, семиотики и некоторых других гуманитарных и негуманитарных наук» [Руберт: 2016], текст для будущих переводчиков — наиболее доступный и неисчерпаемый центр формирования и тренировки всех вышеперечисленных навыков.

Можно заметить, что в фокус исследовательского внимания не попадает перевод художественной литературы, а скорее, тексты «профильные», т. е. принадлежащие отдельным секторам социальной жизни человека. Однако, любой текст — даже строго специализированной тематики — имеет свои прагматические и коммуникативно-функциональные особенности. В задачи начинающего переводчика входит умение быстро определить эти особенности и, исходя из этого, принять решение о переводе или пост-редактировании. Такая рекомендация поможет избежать многих ошибок при переводе, прежде всего, языковых (например, пословный перевод, языковая интерференция [Rubert, Kapitonova: 2017] и др.).

В заключение стоит отметить, что роль текста на этапе подготовки профессиональных переводчиков в вузе до сих пор остается незаменимой. Умение грамотно и всесторонне анализировать рабочий материал, умение критически подходить к анализу коммуникативно-функциональных и лингвистических характеристик текста-оригинала и текста-перевода поможет начинающему переводчику максимально быстро адаптироваться в профессиональной среде и научиться быстро и каче-

ственно работать с крупными заказами, тем самым отвечая требованиям стремительно развивающегося рынка переводческих услуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Руберт И.Б. К вопросу о роли лингвистического анализа текста// Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей к юбилею доктора филологических наук, профессора И.Б. Руберт. — СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2016. — С. 6–18.
2. Руберт И.Б. Практические аспекты теории перевода: коллаборация университета и компании-партнера // Архитектура университетского образования: современные университеты в условиях единого информационного пространства: сборник III Национальной научно-методической конференции с международным участием. — СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2019. — С. 140–148.
3. Nimzi, Language Technology Atlas// Nimzi.com [Электронный ресурс] /Nimzi. — 2021.URL: <https://www.nimdzi.com/nimdzi-language-technology-atlas-2020/>
4. Nimzi, The 2019 Nimzi Interpreting Index//Nimzi.com [Электронный ресурс]/Nimzi. — 2021.URL: <https://www.nimdzi.com/the-2019-nimdzi-interpreting-index/>
5. Rubert I.B., Kapitonova M.A. On the problem of interpreting-psycholinguistics interaction: interlinguistic interference//Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Science. — №3. — Krasnoyarsk: SibFU Publishing Center, 2017. — P. 400–408.

A.V. Набурухина

ОБУЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО КОНТАКТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматриваются элементы компетенции установления взаимопонимания в процессе профессиональной межкультурной коммуникации и пути формирования этой компетенции на занятиях по профессионально-ориентированному иностранному языку с использованием образовательных и профессиональных стандартов.

Ключевые слова: компетентностный подход, иноязычная коммуникативная компетенция, межкультурная компетенция, профессионально-ориентированный иностранный язык.

A.V. Nabirukhina

TEACHING FOREIGN LANGUAGE STUDENTS: HOW TO ESTABLISH RAPPORT DURING INTERCULTURAL CONTACTS

The article examines the competence of establishing rapport in the process of professional intercultural communication and the ways of forming this competence in the ESP classroom using educational and professional standards.

Key words: competence-based approach, foreign language communicative competence, intercultural competence, professional foreign language.

Инновационные характеристики Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования 3++ заключаются в дальнейшей разработке компетентного подхода, ориентации на практические навыки, фундаментальные умения и их взаимосвязи с академическими знаниями, при этом особую значимость приобретает соотнесенность требований к результатам освоения программы бакалавриата с соответствующими профессиональными стандартами. Иноязычная коммуникативная компетенция специалиста-экономиста должна реализовываться в ходе межкультурного общения с коллегами для достижения определенных профессиональных целей. Эффективность международного экономического сотрудничества, в котором будут участвовать наши выпускники, напрямую зависит от уровня взаимопонимания между его участниками, от характера тех отношений, которые они смогут установить в ходе общения.

В данной статье мы рассмотрим, каким образом преподаватели профессионально-ориентированного иностранного языка могут формировать такой базовый компонент межкультурной компетенции, как установление взаимопонимания. Для этого кратко остановимся на требованиях ФГОС и Профессионального стандарта к компетенциям будущих специалистов, а затем проанализируем, какие элементы компетенции установления взаимопонимания необходимо развивать, чтобы наши выпускники успешно справлялись с профессиональными задачами, для решения которых им потребуется иностранный язык.

Согласно ФГОС ВО по направлению подготовки 38.03.01 «Экономика» (бакалавриат) [Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат — по направлению подготовки 38.03.01 Экономика 2020], на занятиях по иностранному языку у выпускника должны быть сформированы две универсальные компетенции. Компетенция в категории «Коммуникация» сформулирована следующим образом: *Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)*. В категории «Межкультурное взаимодействие» определена вторая универсальная компетенция: *Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах*. Достижение дан-

ной компетенции предполагает определенный уровень знаний об иноязычной культуре (когнитивная составляющая), развитые навыки межкультурного общения (поведенческая составляющая) и высокую степень межкультурной сензитивности (эмоциональная составляющая) [Chen, Starosta 2003].

На основании перечня общепрофессиональных компетенций, указанных в образовательном стандарте, выделим профессиональную задачу, которую будущему специалисту предстоит решать в ходе устного межкультурного общения со своими зарубежными коллегами, а именно, принятие экономически и финансово обоснованных организационно-управленческих решений. Далее, поскольку профессиональные компетенции определяются в соответствии с профессиональным стандартом профиля направления подготовки, проанализируем профессиональный стандарт «Специалист по внешнеэкономической деятельности» [Профессиональный стандарт «Специалист по внешнеэкономической деятельности» 2019] на предмет трудовых функций и трудовых действий, для выполнения которых выпускник бакалавриата должен владеть иностранным языком на уровне, необходимом для компетентного решения производственных задач. Обобщенная трудовая функция сформулирована как «Осуществление внешнеэкономической деятельности». Выделим те трудовые действия и умения, которые реализуются в ходе устной коммуникации с зарубежными коллегами: осуществление взаимодействия с участниками внешнеэкономического контракта по его подготовке и заключению; согласование условий транспортно-логистического обеспечения внешнеэкономического контракта и взаимодействие с организациями, его обеспечивающими; взаимодействие со сторонними организациями для осуществления контроля исполнения контрактных обязательств. В качестве знаний, необходимых для осуществления указанных действий, стандарт указывает знание этических норм делового общения и правил ведения переговоров. Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что основными видами устной профессиональной межкультурной коммуникации при осуществлении перечисленных трудовых функций и действий являются совещания для принятия совместных решений в международной компании и межкультурные переговоры. Формулировки конкретных действий мы можем применить при создании сценариев для интерактивных заданий, моделирующих те виды деятельности, в которых студентам предстоит общаться с зарубежными коллегами

(имитация делового общения, деловые и ролевые игры, анализ кейса, проект). Итак, мы определили, в каких ситуациях профессионального общения нам необходимо развивать компетенцию установления взаимопонимания в межкультурном взаимодействии. Рассмотрим, какие именно навыки и умения, по мнению исследователей, входят в понятие «установление взаимопонимания».

Проблемы установления взаимопонимания при общении представителей различных национальных культур находятся в фокусе внимания специалистов из разных областей знания. Для нас особый интерес представляют те компетенции, которые необходимы нашим выпускникам, поэтому прежде всего остановимся на рассмотрении факторов, влияющих на взаимопонимание коммуникантов из разных культур, и на том, какие навыки необходимы для управления процессом взаимопонимания при решении профессиональных задач, выявленных на основании стандартов, и каким образом мы можем формировать их на занятиях по иностранному языку. Согласно исследованию Х. Спенсер-Оути и П. Франклина, можно определить следующие основные компетенции, необходимые для установления взаимопонимания и эффективных межличностных отношений в процессе межкультурного контакта: понимание социокультурного контекста общения, межличностное внимание, социальная настройка, управление эмоциями, стилистическая гибкость, сбор релевантной информации [Spencer-Oatey, Franklin 2009: 102].

1. Понимание социокультурного контекста общения. Три важнейших контекстуальных фактора, влияющих на взаимопонимание собеседников, — это характер их отношений, ролевые права и обязанности, и природа их коммуникативного контакта. В межкультурном общении участники могут по-разному оценивать эти контекстуальные переменные. Отношения между собеседниками обычно характеризуются двумя факторами: распределение власти (влияния) и степень социальной близости отношений между участниками общения. Различное распределение власти между коммуникантами наблюдается в таких неравных отношениях внутри компании, как работник/работодатель, председатель собрания/участник собрания, руководитель/заместитель руководителя и т. п. Мы видим, что в профессиональной коммуникации особую важность приобретает такой параметр, как дистанция власти — степень неравенства между людьми в обществе, которую они воспринимают как нормальную. В странах с высокой дистанцией власти наблюдается централизация полномочий, иерархичность структур, четкие различия в статусе. Представители стран

с низким показателем дистанции власти исходят из равенства людей независимо от статуса. Степень социальной близости отношений определяется длительностью знакомства, частотой встреч, степенью единомыслия, позитивной или негативной эмоциональной окраской отношений и т. п. При анализе ситуации профессионального общения необходимо обсудить со студентами воздействие этих факторов на выбор стилистического регистра, языковых структур и коммуникативных моделей с тем, чтобы они осуществляли коммуникативный процесс осознанно, в соответствии с характером отношений между участниками данного процесса. Понимание прав и обязанностей, социальных и гендерных ролей собеседников помогает формировать адекватные коммуникативные ожидания от партнера по коммуникации и, в свою очередь, оправдывать его ожидания. Это понимание является культурно-обусловленным, и несоответствия могут привести к возникновению проблем [Карасик 1992; Руберт, Казанцева 2017]. Характер и тип коммуникативного контакта также необходимо принимать во внимание. Такие ситуации, как совещания, переговоры, согласование условий, осуществление контроля, предполагают использование различных моделей коммуникативного поведения в разных культурах. На занятиях необходимо моделировать ситуации профессионального общения, в которых студенты могли бы строить взаимодействие с максимальным учетом контекста. Для этого можно использовать весь диапазон трудовых функций и действий, указанных в стандартах, объясняя студентам, каким образом контекст влияет на выбор языковых средств и стратегий в данной ситуации, и тренировать их употребление при выполнении интерактивных заданий.

2. Межличностное внимание имеет существенное значение в установлении взаимопонимания, и умение выразить внимание к собеседнику также необходимо практиковать на занятиях. Безусловно, данная компетенция самым непосредственным образом связана с осознанием культурно-обусловленных контекстуальных факторов коммуникации. Рассмотрим элементы межличностного внимания, которые составляют базу взаимопонимания. Первой такой составляющей является внимание к социальному лицу собеседника — ключевой фактор и неотъемлемая часть взаимоотношений. Понятие лица связано с осознанием личностью своих положительных и отрицательных качеств, желанием признания окружающими своих социально-значимых черт. Но степень значимости этих качеств для сохранения лица может варьироваться в зависимости от культурной принадлежности личности. Такие

коммуникативные акты, как критика, несогласие, просьбы, извинения, в некоторых культурах могут грозить собеседнику потерей лица, в то время как в других воспринимаются нейтрально, особенно в ситуациях профессионального общения. На занятиях необходимо тренировать языковые структуры и коммуникативные стратегии, при употреблении которых в целевой культуре максимально учитывается фактор поддержания лица, одновременно обучая студентов внимательно анализировать вербальные и невербальные сигналы, поступающие от партнера по коммуникации. Такой тренинг будет способствовать развитию межкультурной сензитивности.

Следующим важным элементом межличностного внимания является внимание, которое участники контакта, осознанно или нет, уделяют поведенческим ожиданиям. Эти ожидания могут быть основаны на формальных и неформальных нормах и являются проявлением скрытых ценностей более глубокого уровня. Так, например, в профессиональной межкультурной коммуникации очередность при разговоре (обсуждении, дискуссии), а также право на выражение своего мнения на собраниях и совещаниях могут основываться на понимании иерархии, моделях поведения, присущих определенным ролевым позициям, степени дозволенного выражения эмоций в профессиональном контексте и т. д. В данном случае развитие компетенции межличностного внимания должно обязательно включать изучение тех элементов целевой культуры, которые формируют поведенческие ожидания в определенном контексте общения.

Третьим фактором, влияющим на внимание собеседников друг к другу, являются интерактивные цели. Люди общаются друг с другом с определенными целями, которые могут быть связаны как с построением отношений, так и с выполнением совместной задачи, а во многих случаях, и с тем, и с другим одновременно. Эти цели могут существенно влиять на восприятие взаимоотношений, так как невозможность их реализации приведет собеседников к потере интереса, обманутым ожиданиям и отказу от дальнейшего развития отношений. В литературе по деловой межкультурной коммуникации неоднократно указывалось, что некоторые культуры в большей степени ориентируются на выполнение заданий, в то время как другие — на построение отношений между людьми [Hofstede 2010; Trompenaars, Hampden-Turner 2013]. Одним из решающих факторов в этом различии является отношение ко времени и то, насколько быстро партнеры переходят к выполнению задания.

Безусловно, непонимание таких культурных особенностей может привести к недоразумениям и ошибочным шагам в коммуникации. Помимо этого, степень конгруэнтности коммуникативных целей партнеров также является важным фактором успешности в построении взаимоотношений. Особое значение развитие компетенции понимания целей приобретает для такого вида деловой активности, как переговоры и совместное принятие решений. Необходимо знакомить студентов с универсальными и культурно-специфическими аспектами этих видов профессиональной деятельности на различных этапах коммуникативного процесса, тренировать употребление соответствующих коммуникативных стратегий для выяснения целей партнера и их согласования со своими намерениями.

3. Следующая важная компетенция управления взаимопониманием в межкультурном общении — социальная настройка. Она необходима на стадии развертывания коммуникативного процесса и включает в себя умение улавливать непрямые коммуникативные сигналы и извлекать из них смысл. Такими сигналами могут быть паралингвистические коммуникативные средства (например, интонация, громкость и скорость высказывания, паузы) и невербальные коммуникативные средства (язык тела, личное пространство, интерпретация времени и т. д.). Данная компетенция связана с упомянутыми ранее, так как способствует пониманию намерений и предпочтений собеседника, его чувств и эмоционального состояния, а также осознанию того, как собеседник оценивает собственные действия и действия партнера. Ключи к пониманию состояния собеседника подобрать не просто, особенно для человека, не принадлежащего к данной культуре, поскольку его интерпретации коммуникативного поведения и эмоциональных реакций могут отличаться от аутентичных. Для формирования данной компетенции можно использовать технические средства обучения (анализ видео- и аудиоматериалов), методы создания искусственного иноязычного окружения, проектную методику.

4. Для развития и поддержания взаимопонимания также важна компетенция управления эмоциями. Владение этой компетенцией подразумевает развитие таких качеств, как устойчивость к элементам культурного шока, когда поступающие от партнера коммуникативные сигналы не соответствуют ожиданиям собеседника, и принятие этих сигналов для дальнейшего анализа и адекватной коммуникативной реакции. Участник межкультурного взаимодействия должен научиться

достигать коммуникативной цели даже в тех ситуациях, когда на его пути возникли проблемы, которые угрожают потерей лица или имиджа. В то же время, он должен быть ориентирован на принятие поведения собеседника, не воспринимая его поведение слишком критично, понимая, что возникшие несоответствия объясняются различиями в культурных кодах. Безусловно, в разных культурах люди по-разному реагируют на угрозу потери лица, критику или трудности в достижении коммуникативных целей.

Рассмотренные нами компетенции межличностного внимания, социальной настройки и управления эмоциями представляют собой поведенческий и эмоциональный аспекты межкультурной коммуникации, и в отличие от когнитивного компонента, они могут эффективно развиваться в условиях аутентичного общения с носителями культуры. Поэтому при формировании данных компонентов компетенции особое значение приобретают различные виды проектной методики совместно с иностранными вузами и организациями, зарубежные стажировки студентов, организация их общения с будущими коллегами по профессии (например, совместные занятия, семинары и конференции, структурированная коммуникация в клубах Language Cafe, Интернет-проекты по переписке со студентами иностранных вузов-партнеров и т. д.). Необходимо обучать студентов методам включенного наблюдения и анализа языковых средств и стратегий, используемых иноязычными участниками взаимодействия в различных ситуациях профессионального общения. Безусловно, наблюдение за особенностями коммуникативного поведения партнеров представляет собой эффективный метод сбора информации для успешных взаимодействий. Необходимо отметить, что сбор информации является важнейшей трудовой функцией специалиста по внешнеэкономической деятельности. При подготовке к общению важно научить студентов сознательно ставить перед собой задачи по сбору информации об отличительных чертах деловой и организационной культуры партнеров, на основании которой можно строить выбор коммуникативных средств, и которая будет способствовать установлению взаимопонимания между партнерами.

5. Необходимо остановиться и на такой компетенции, как стилистическая гибкость, то есть умение динамично применять стилистические стратегии управления взаимопониманием при межкультурной коммуникации. При ориентации на поддержание и расширение взаи-

мопонимания собеседники стремятся к установлению гармоничных и сбалансированных отношений, они будут постепенно подстраиваться под собеседника, тем самым приближая свой стиль общения и языковые средства к стилю партнера по коммуникации. Таким образом, именно применение определенного стиля общения и языковых средств, схожих с теми, которые применяет собеседник, можно считать эффективными стратегиями установления взаимопонимания. Авторы многих исследований в этой области описывают именно стиль общения (прямой/непрямой, формальный/неформальный, эмоциональный/нейтральный и т. д.) как основную стратегию для установления взаимопонимания [Brown, Levinson 1987; Scollon, Scollon 2001]. Безусловно, стратегии вежливости являются культурно-обусловленными, и в культурах с высокой дистанцией власти формальный стиль общения, ориентированный на статус собеседника, будет восприниматься более позитивно, чем в культурах с низкой дистанцией власти, для которых более характерно неформальное общение на равных. То же самое можно сказать о реализации в речи таких характеристик, как скромность/уверенность. В коллективистских культурах принято более сдержанно высказываться о собственных интересах, целях, достижениях, и т. д., используя тактики выражения сомнения, уступки, принижения и даже умолчания. В то же время в культурах, ориентированных на индивидуализм, наоборот, коммуниканты будут больше сконцентрированы на собственных успехах и характеристиках посредством тактики преувеличения. На занятиях по иностранному языку можно ознакомить студентов с основными положениями теории речевых актов, стратеги коммуникативной аккомодации и лингвистической вежливости, тем самым формируя когнитивную составляющую межкультурной компетенции [Руберт, Камовникова 2002]. Затем, с целью развития поведенческого и эмоционального аспектов межкультурной компетенции, необходимо провести интенсивный интерактивный тренинг, в ходе которого обучающиеся овладеют навыками и умениями использования различных приемов развития беседы, обратной связи, постановки вопросов, реализации речевых актов, характерных для ситуаций их будущей профессиональной деятельности (например, ситуации позиционного торга при обучении ведению переговоров).

Таким образом, обучение установлению взаимопонимания в процессе межкультурного взаимодействия — это формирование целого комплекса компетенций, позволяющих правильно оценить социо-

культурный контекст коммуникативной ситуации в профессиональной деятельности, адекватно определить совокупность коммуникативных средств и стратегий, необходимых для установления гармоничных отношений с партнерами и реализации коммуникативных намерений, и создать общий смысл в ходе межкультурной коммуникации с зарубежными коллегами с целью успешного профессионального сотрудничества. Именно взаимопонимание и конструктивные отношения партнеров обеспечивают согласованные и скоординированные действия в межкультурной профессиональной среде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. — М.: Институт языкознания РАН; Волгоградский педагогический институт, 1992. — С. 330.
2. Руберт И.Б., Камовникова Н.Е. Формирование культурно адекватного речевого поведения студента как цель и условие успешной межкультурной коммуникации / И.Б. Руберт, Н.Е. Камовникова // Иностранные языки в экономических вузах России. — СПб.: СПбГЭУ, 2002. — С. 53–62.
3. Руберт И.Б., Казанцева Е.А. Гендер как социально-психологический и когнитивно-лингвистический феномен / И.Б. Руберт, Е.А. Казанцева // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Сборник научных статей. — СПб.: СПбГЭУ, 2017, выпуск 1. — С. 58–62.
4. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — 358 p.
5. Chen G., Starosta W.J. Intercultural Awareness // Samovar L.A. and Porter R.E. (eds.). Intercultural Communication: A Reader. — Thompson: Wadsworth, 2003. — 344–353 p.
6. Hofstede G. Culture and Organizations: Software of the Mind / G. Hofstede. — Mc Graw-Hill Education, 2010. — 596 p.
7. Scollon R. Intercultural Communication: A Discourse Approach / R. Scollon, S.W. Scollon. — Second Edition. — Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2001. — 316 p.
8. Spencer-Oatey N. Intercultural Interaction: A Multidisciplinary Approach to Intercultural Communication / N. Spencer-Oatey, P. Franklin. — Palgrave Macmillan, 2009. — 367 p.
9. Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. Riding The Waves Of Culture: Understanding Cultural Differences In Business / F. Trompenaars, Ch. Hampden-Turner. — McGraw-Hill Education, 2012. — 400 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат — по направлению подготовки 38.03.01 Экономика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Вак/380301_В_3_31082020.pdf (Дата обращения: январь 2021)
11. Профессиональный стандарт «Специалист по внешнеэкономической деятельности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/08.039.pdf> (Дата обращения: январь 2021)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Антонова Ксения Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка № 2, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Арутюнян Эльвира Борисовна — кандидат филологических наук, директор по маркетингу и продажам, ООО «ПЭПЭКСПРЕСС».

Барташова Ольга Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Генидзе Наталья Кирилловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Гуль Наталия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Гунькова Дарья Евгеньевна — аспирант 4 курса кафедры английской филологии, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Дашевская Анастасия Иосифовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии и лингводидактики, Русская христианская гуманитарная академия.

Ефремова Мария Павловна — старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Капитонова Марина Андреевна — старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Киселёва Светлана Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Кононова Инна Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Кочетова Лариса Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии, Волгоградский государственный университет.

Кривонос Алексей Дмитриевич — д. филол.н., профессор, зав. кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Миронова Марина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 2, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Набирухина Анна Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка № 1, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Нильсен Евгения Александровна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Полякова Светлана Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Пруцких Андрей Александрович — кандидат филологических наук, декан Гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Пруцких Татьяна Анатольевна — кандидат филологических наук, зав. кафедрой восточных языков, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Смирнова Анна Андреевна — аспирант 1 курса кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Третьякова Татьяна Петровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет.

Трофимова Нэлла Аркадьевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Шумков Андрей Арнольдович — доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В.И. Ленина.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

**к юбилею доктора филологических наук, профессора
Ирины Борисовны РУБЕРТ**

Под редакцией Е.А. Нильсен, И.В. Кононовой

Подписано в печать 31.03.2021. Формат 60×84 1/16.

Усл. печ. л. 10,75. Тираж 500 экз. Заказ 167.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ